

ГРАНИ

GRANI

86

1972

Postverlagsort: Frankfurt/Main, Dezember 1972

Казнимые сумасшествием

Помещение в психотюрьмы — новый метод борьбы КПСС с инакомыслящими в СССР.

В книге — «дела» 35 жертв анти-медицины. Подробные сведения о психобольницах, превращенных в психотюрьмы. Свидетельства заключенных. Статьи, протесты, выступления писателей, журналистов и общественных деятелей в России и за границей.

КНИГА О ЖЕРТВАХ И ГЕРОЯХ

создает полную картину этого метода преследования инакомыслящих.

Составители: А. Артемова, Л. Рар и М. Славинский.

508 страниц, специальная тонкая сатинированная бумага, карманный формат. Обложка работы художника Р. М.

Цена 19.80 н. м. В США и Канаде — 6.60 ам. дол.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XXVII

№ 86

1972 год

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПАМЯТИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА. Некролог из неволи	4
Г. КАГАНОВСКИЙ — В глухой Мордовии... Стихотворение	6

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ — 14 Красных Избушек (Герой нашего времени). Пьеса в четырех действиях. Вступление АЛЕКСЕЯ КИСЕЛЕВА	8
ЮРИЙ ИОФЕ — Из книг «Итак, итог» и «Вне России»: «Садится солнце за рекой Казанкой...». «Небо тяжкое, стопудовое...». «Не знаю легко или трудно...». «Пусть Россия черна, не бела...». Стихи	73
АЛЕКСАНДР НЕЙМИРОК — Пыль... Пыль... Солнце. Рассказ	76

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

ГЛЕБ РАР — Вступительные замечания к воспоминаниям А. Краснова «Закат обновленчества»	84
А. КРАСНОВ — Закат обновленчества	93

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЛЮДМИЛА КЛЕЙМАН — Человек и природа в произведениях А. Солженицына (Некоторые аспекты темы)	117
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ

ОТА ШИК — «Пражская весна». От редакции	138
Доклад	139
Дискуссия	169
ВИКТОР РОСТОПЧИН — Человек на земле. Смежные записи	189
ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ) — О «Церкви Духа Святого»	209

БИБЛИОГРАФИЯ

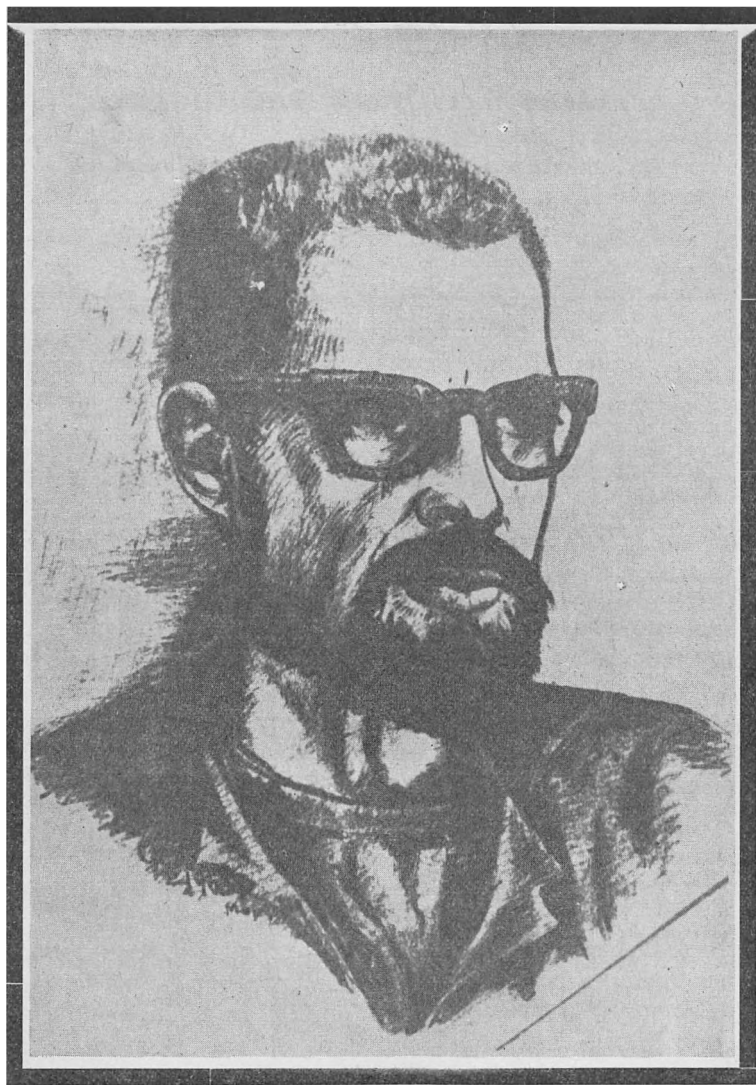
Прот. К. Фотиев. «Ожидание» Владимира Варшавского. — Михаил Михайлов. Феноменология царства лжи. — Б. Сергеев. «Двенадцать стульев». — Д. Руднев. «Дневник писателя», на французском языке	219
Список книг, поступивших в редакцию	234
Обращение издательства «Посев»	239

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции.

Не принятые к публикации рукописи редакцией не возвращаются.

© 1972 Copyright by Possev-Verlag,
V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main

Издательство «Посев»

1939 — 1972

*Этот портрет Ю. Т. Галанскова написан в концлагере
заключенным художником Ю. Ивановым.*

Copyright „Europa Civilta“, Roma, 1970

Памяти Юрия Галанскова

НЕКРОЛОГ ИЗ НЕВОЛИ

Четвертого ноября этого года скончался Юрий Тимофеевич Галансков. Сердца наши переполнены скорбью и гневом. Но это не обычная скорбь и не обычный гнев — потому что это не просто смерть, это — смерть со всеми признаками политического убийства.

Юрий Галансков не был убит из-за угла, не был выброшен из окна или отравлен. Это убийство готовилось постепенно, шаг за шагом. Его убивали постоянными преследованиями, неправомерным приговором, клеветой провокаторов, жестокостью лагерного режима. Убивали неактивкой при его состоянии здоровья в лагере при постоянных обострениях его хронической болезни. Убивали, убивали, убивали! И вот он умер на операционном столе под равнодушным ножом хирурга Мордовской лагерьной больницы.

Юрий Галансков был человеком с решительным характером, оригинальным складом ума, всегда одержимый новыми идеями. Но самой сильной его чертой, пожалуй, было обостренное чувство гражданской совести. До ареста он участвовал в пацифистских демонстрациях, выступал с требованием творческих свобод для интеллигенции, собрал все материалы в защиту Синявского и Даниэля, был одним из издателей московского нелегального журнала «Феникс». Многих он вдохновлял своим личным примером. Его мужественное поведение на следствии и суде привлекло к нему внимание и симпатии самых разных людей. Широко известны письма интеллигенции не с одной сотней подписей в защиту Галанскова. Голос его гражданской совести не могли сдержать ни решётки тюрьмы, ни лагерь-

ные заборы с многорядной колючей проволокой, ни вышки с автоматчиками. Этот голос продолжал звучать еще сильнее, страшнее для его истязателей и преследователей, ведущих войну с собственным народом. Несмотря на болезнь, которая причиняла Юрию Тимофеевичу Галанскову столько мук, на невозможность принимать пищу, на бессонницу по ночам от невыносимых в своей привычности болей, он в меру сил добивался признания прав политических заключенных, творческих и политических свобод для союзников и вольных граждан.

Этому делу он посвятил себя целиком. Добивался голодовками, воззваниями, собственным примером. И это было страшно для неподвижного, толстокожего, лишенного души организма произвола. За эти качества его ценили все узники, да и все люди, встречавшиеся с ним на лагерных «зонах», всегда отличали его отзывчивость, доброту, желание помочь всякому в его горе и проникались доверием к нему.

Галансков скончался в возрасте 33-х лет, в расцвете своего политического и литературного таланта: помимо всего, он писал еще стихи. Одна из строчек его стихов звучит так: «Справедливости 'окровавленные уста'». Эти уста справедливости в кавычках ныне коснулись его самого. Не удалось оторвать его от них — и вот кровь еще одного борца вопиет ко всем:

Братья! Все, кто борется вместе с нами за избавление от липкого ига беззакония, за уничтожение беспрецедентного рабства, за новую, свободную Россию. Все, кто борется в одиночку. Все, кто слышит нас в сегодняшнем мире! Поднимите голос в защиту тех, кто гибнет сегодня за вашу и нашу общую свободу в тюрьмах, политлагерях, тех, кто гибнет духовно от трупного яда повседневной пропаганды.

Почтим память нашего друга Ю. Т. Галанскова, который останется для нас примером совести и долга, умножим наши ряды и продолжим его дело!

Мы обращаемся ко всем гражданам России и всего мира с просьбой почтить его память минутой молчания. Пусть эта минута станет также своеобразной клятвой верности нашим общим надеждам и упованиям! Пора очнуться от преступного равнодушия и понять, что только все вместе мы можем добиться общей для всех свободы народов России!

Светлая память о Ю. Т. Галанскове будет всегда с нами.

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ
УРАЛЬСКИХ И МОРДОВСКИХ ЛАГЕРЕЙ

Г. Кагановский

*«Не я корчусь от боли — нация больна.
А я — лишь мгновенное ее выражение...»
Из письма Ю. Галанскова, 1971.*

В глухой Мордовии
есть малый бугорок.
Его еще трава украсить не успела.
Нет имени на нем
и нет к нему дорог.
В нем спрятано
измученное тело.

Березовый
топорный светлый крест,
луной облитый,
мягко стелет тени.
На комы глины сеется с небес
слепое безысходное смятенье.

Был человек —
и сын, и муж, и брат.
Он в колокол Любви
сзывал весь мир на Вече...
Вдруг смолкло всё.
Руинами скорбят
родные переулки Москворечья.

Он из дому ушел
не волею своей.
Не волею своей
в земле чужой остался.
Уже в ночи не щелкнет соловей —
в стальные рифмы,
как в силки, попался...

Был человек —
и сын, и муж, и брат.
А ныне — крест,
как изваянье птицы.
Вчера на том кресте
он был распят,
а завтра —
будут на него молиться.

19-20/XI. 72

Это стихотворение получено из Москвы, где оно распространяется Самиздатом. — Р е д.

14 Красных Избушек

(Герой нашего времени)

Пьеса в четырех действиях

ВСТУПЛЕНИЕ

*Определяйте значение слов и вы избавите свет
от половины заблуждений.*

Декарт

Имя Андрея Платонова уже прочно вошло в русскую литературу. О нем пишут исследования, его произведения, до сих пор разбросанные по разным журналам, печатаются в сборниках. Многие критики утверждают, что на Россию Платонов оказал нравственное влияние не только литературными произведениями, но и примером своего стойкого, жертвенного жизненного пути. Современники Платонова пишут в своих воспоминаниях о его смелости и правдивости. Но Платонов жил в сталинское время. Как могло случиться, что во время строжайшей цензуры, полного подчинения любой области искусства директивам партии, мог существовать и писать Платонов? Главная причина — это своеобразие его литературного стиля.

Платонов — художник, пользующийся в своем творчестве особыми методами изображения. Как в картине, нарисованной в обратной перспективе, ясность и четкость изображения зависят не от расстояния картины от зрителя, а от положения самого зрителя по отношению к картине, так и возможность понять, оценить каждое произведение Платонова зависит от способности уразумения его читателем. Чем ближе внутренний опыт восприятия действительности к описанному, тем яснее, понятнее произведение.

ВСТУПЛЕНИЕ

Каждый человек в своем восприятии мира имеет возможность выбора: 1) представлять окружающую действительность в виде хаоса, который только человек может организовывать, приспосабливать для существования, или 2) ощущать мир как нечто единое, как стройное мироздание, где далеко не всё зависит от воли человека.

Чувство всеединства было очень сильно у Платонова. В своем творчестве он утверждал относительность времени и пространства, обладал способностью видеть большое в малом и наоборот. Он ощущал связь Вселенной с судьбой отдельного человека, а самого человека — лишь членом всего человечества; чувствовал неразрывность прошлого с настоящим и будущим. Поэтому употребление Платоновым символов, метафор, многоплановых композиций в произведениях было не только предохранительной мерой по отношению к цензуре и запретам, но одновременно и естественной для него совместимостью литературных образов с философскими концепциями.

Отметим также, что некоторый как бы излишний натурализм в описаниях Платонова исходит из его убеждений: «...Красоты... отдельной, самой по себе — нет. Она — имущество всех, и мое; красота — все дни и все вещи... Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и всё, что есть на земле, есть и на нас», писал он.

Написанная Платоновым пьеса «14 Красных Избушек» долго оставалась лишь рукописью, потом — через Самиздат — стала известна узкому кругу читателей в Советском Союзе. Печатается она впервые. Это произведение — одно из его самых трудных: и образы отталкивающие, и фабула неприятная для эстетического восприятия. В ней нет того гармонического сочетания формы и внутреннего глубинного содержания, которое характерно для других произведений Платонова. Но она, как и всё, что писал Платонов, написана не для развлекательного чтения и не для удовольствия. Пьеса написана в 1937 году, а время действия в пьесе — 1931 год. Ведь это были годы голода и террора...

У каждого, жившего в то страшное время, была одна мысль, одно опасение: переживет ли Россия свое лихолетие?

И этой теме посвящена пьеса «14 Красных Избушек» — символ 14 республик. Прочтем описание обстановки II действия: «Слева видна даль, уходящая в смутное пространство. Спереди... стоит столб с советским гербом и надписью: 'СССР...'».

В пьесе всё — и предметы, и действия, и персонажи — образы понятий, при помощи которых перед читателем ставится историософская проблема. Вот несколько примеров, которые после внимательного чтения открылись мне:

председательница колхоза — Суенита — это Россия под влиянием большевизма, так как (см. словарь Даля) корень слова «суе» означает: тщета мирская — противополож. вечному благу «жизни духовной»;

Ксения — обыденное имя — символ подсоветской России. Как говорится об одной из них в пьесе: «Ты качаешь в своих бедрах, как в люльке, целое будущее человечество».

Обе женщины — «млекопитательницы», а по Далю это синоним «матери, кормилицы». Кормление грудью можно понимать как усвоение с молоком матери традиций, привычек. Ведь существует пословица — «по привычке живешь, а отвыкнешь — умрешь».

Горько в тяжелые годы воспринимал русский народ безучастность Запада к его судьбе... Вдумаемся в имя ученого всемирного значения. У него — имена людей разных национальностей, он — представитель самых различных в мире учреждений. Совмещение всего этого в одном человеке — символ западной культуры. Спутница Хоза — олицетворение распушенности, сопутствующей этой культуре и технике, служащих лишь для удовольствия и развлечения людей и т. д.

Если каждая отдельная личность символизирует нечто большое и значительное, то не по-другому ли мы должны воспринимать и их разговоры? Например: «— Не мило мне, жутко мне, ветер качает меня, как пустую, я в Бога верить хочу!» И дальше: «Бога нету нигде — мы одни с тобой будем горевать...»

Алексей Киселев

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭДВАРД ИОГАНН-ЛУИ-ХОЗ, ученый всемирного значения,
председатель Комиссии Лиги Наций по Разрешению Мировой
Экономической и Прочей Загадки, 101 года от рождения
ИНТЕРГОМ, спутница Хоза, 21 года
ПРИВЕТСТВУЮЩИЙ ДЕЯТЕЛЬ, лет 45
НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ
УБОРНЯК ПЕТР ПОЛИКАРПЫЧ
ЖОВОВ МЕЧИСЛАВ ЕВДОКИМОВИЧ
ФУШЕНКО ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ
СУЕНИТА, председатель колхоза «14 Красных Избушек»,
19-20 лет
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ СТОРОЖ
ФИЛИПП ВЕРШКОВ, колхозник в возрасте
АНТОН КОНЦОВ, лет 30, говорит и действует с безошибочной
четкостью
ЛЕТЧИК
КСЕНЯ СЕКУЩЕВА, колхозница, 28 лет
БЕРДАНЩИК, колхозный сторож
РАЙОННЫЙ СТАРИЧОК
ГАРМАЛОВ, муж Суениты, демобилизованный красноармеец
ГРУДНЫЕ ДЕТИ, Суениты и Ксени
НЕСКОЛЬКО ПАССАЖИРОВ С ПОЕЗДА ДАЛЬНЕГО
СЛЕДОВАНИЯ

Действие происходит в 1931 году

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Фойе московского вокзала. Цветы, столики, транспоранты с приветственными надписями на иностранных языках. Несколько лозунгов по-русски. Один большой транспорант гласит: «За здорового советского старика! За культурную, еще более плодотворную старость!»

Гудки далеких мчащихся паровозов. Звуки настраивающегося духового оркестра где-то на перроне.

На сцене НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ; он бдительно оглядывает помещение и переставляет цветы на столиках для их лучшей эффективности. У дверей ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ СТОРОЖ.

Входит ПРИВЕТСТВУЮЩИЙ ДЕЯТЕЛЬ.

Приветствующий Деятель. Здравствуй-те, товарищ. Когда прибывает поезд с границы?

Начальник станции. Экспресс «Могучая птица» должен прибыть через две минуты. По сведениям диспетчера опаздывает на четыре минуты, но я думаю — механик нагонит.

Приветствующий Деятель. Я с вами согласен: теперь в работе транспорта наступила должная четкость!

Долгий, далекий, разрываемый скоростью и встречным вихрем воздуха, жалобный свисток мчащегося паровоза.

Начальник станции (официально). Транс.-советский экспресс «Могучая птица» Столбцы — Владивосток прибывает на первую платформу! В литерном люкс-вагоне следует господин Иоганн-Луи-Хоз, почетный член Стокгольмской Академии, Председатель Комиссии по Разрешению Мировой Экономической и Прочей Загадки при Лиге Наций. (Глядит на часы на своей руке.) Опоздание: полминуты! Механик — товарищ Живаго!

Свисток паровоза — уже в пределах вокзала. Звуки работающих тормозов. Остановка. Гул публики. Приветствия. Музыка — туш. НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ, подтянувшись, уходит на перрон.

Приветствующий Деятель стоит в сосредоточенной позе.

В фойе входит ИОГАНН ХОЗ об руку с ИНТЕРГОМ. У Интергом в руках маленький чемодан. Позади их являются три писателя: УБОРНЯК, ФУШЕНКО и ЖОВОВ. Затем — НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ.

Приветствующий Деятель встречает Хоза. Представляется ему и его спутнице, говорит краткую фразу приветствия по-французски.

Х о з. Здравствуйте, здравствуйте, здорово живете! Ну, как дела с вашей пятилеткой? Надеюсь, чётко?!

Пр и в е т с т в у ю щ и й Д е я т е л ь. Пардон. Вы говорите по-русски? Вы знаете наш трудный язык пролетариата?

Х о з. (раздраженно). Знаю, знаю... Ну, конечно же, знаю! Я уже забыл, чего я только не знаю. Русский, индусский, мексиканский, еврейский, астрономию, психотехнику, гидравлику... Мне сто один год, а вы — мальчик! (Раздражаясь всё более.) Вы — мальчик!! — осмеливаетесь со мной говорить по-французски.

Пр и в е т с т в у ю щ и й Д е я т е л ь. Простите. Спутница ваша также потрудились над русским языком?

Х о з. Мальчик!! Не раздражайте моего духа на этой раздраженной земле! Интергом, скажите ему по-русски ваши пустяки.

И н т е р г о м. Долой антискирдовальное настроение!

Х о з. Как? Что такое? Отличница, вы знаете по-русски лучше меня!? Повторите сейчас же: вы же видите — я мучаюсь!

И н т е р г о м. Долой антискирдалное настроение! Я читала газеты советов, я выучилась. Антискирдалное настроение — по-русски это печаль. Это анньюи, это не социализм.

Х о з. Это сверкающе!

И н т е р г о м. Вы ошибаетесь: это блестяще.

Х о з. Пардон: блестяще!.. Что я такое, если стал забывать чепуху?.. Мальчики, девочки, дети, дайте мне трость из могильного креста, чтобы я мог уйти на тот бедный свет!

И н т е р г о м. Вы, дедушка, контр-дурак.

Х о з. Как? Что такое?

И н т е р г о м. Вы контр-дурак: значит — умница.

Х о з. (сосредоточенно). Неизвестно, Интергом.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (Хозу). Поздравляю

вас с благополучным прибытием. Желаю вам счастливого путешествия по этой самой великой и пока еще самой чуждой вам стране.

Х о з. Самой чуждой?! Ошибаетесь: все страны для меня одинаково чужды и неприютны. Благодарю вас.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ прощается и уходит.

П р и в е т с т в у ю щ и й Д е я т е л ь. Приветствую вас, господин Иоганн Хоз, великий философ слабеющего капитализма, блестящий мастер оппортунистических ухищрений, и желаю вам...

И н т е р г о м. Стать младенцем, дошкольчатником, пионером, милым другом нового света.

П р и в е т с т в у ю щ и й Д е я т е л ь (к *Интергом* *угрюмо*). Верно лишь отчасти. (*Хозу.*) Приветствую вас в еще неизвестной гигантской стране — от имени трудящихся людей, делающих счастье и истину себе и вам. Мы счастливы встретить вас в своем общем доме!

Х о з. Сомневаюсь, чтобы вы были от меня счастливы.

Краткая пауза.

Я никого еще не делал веселым и счастливым. (*На Интергом.*) Вероятно — только ее.

И н т е р г о м. Да, Иоганн, от вашей любви я ужасно счастлива!

Х о з. Знаю, знаю... Вы же вперед женщина, потом человек.

И н т е р г о м. И вперед, и назад — я всюду женщина.

Х о з. Вы контр-умница, Интергом... Ах, мадемуазель девочка, мне давно уже надоело жить в своем организме, в этой жизни, в тоске текущих фактов: дайте мне молочка! Мне скучно, мадемуазель, от сознательных чувств... Молочка!!

И н т е р г о м (*вынимает из своего чемодана бутылочку консервированного молока и подает ее Хозу*). Кушайте, дедушка, вы не волнуйтесь, вы не думайте: у

вас так слаб желудок... Ну, ради Бога, дедушка, не оставляйте капель на дне, я вас люблю.

Х о з (отдавая бутылку, допив молоко). Теперь чего-нибудь химического, едкого!

Интергом (роясь в чемоданчике). Вот — неизвестно что... Что-то химическое, невкусное такое.

Х о з. Давай его, мне надо глотать! *(Берет таблетку из рук Интергом и глотает. Затем враз обращается к Приветствующему Деятелю.)* Где здесь социализм? Покажите его сейчас же, меня раздражает капитализм!

Приветствующий Деятель. Отдельные элементы нашего строя я вам в состоянии предъявить немедленно... Пожалуйста! Сейчас же направо будет комната матери и ребенка...

Интергом. Благодарим вас. Предъявите нам, ради Бога, комнату для самых бедных старичков и что они там делают!

Приветствующий Деятель (в затруднении). Простите, она ремонтируется...

Х о з. Не спешите, Интергом. Здесь нет старичков, здесь люди умирают вовремя. *(К Приветствующему Деятелю.)* Вождь, товарищ, остановите ремонт комнаты старичков: она у вас будет пустая.

Приветствующий Деятель. Я преувеличил, господин Хоз. Этой комнаты у нас нет.

Х о з. Не смущайтесь: я знаю, что вы понемногу... *(Бормочет невнятно.)* Но ведь мы вовсе подлецы. Компривет! *(Ко всем спутникам.)* Товарищи, подумаем так. У них есть комната матери и ребенка — это пустяки. У них мало стариков и нет для них комнаты — это успех. Не ошибаюсь ли я, господа?

Три писателя (напряженно, одновременно, почти вместе). Привет! Доблесть! Ажур! Гут! Принципно! Мерси!

Приветствующий Деятель. Вы глубоко ошибаетесь, господа! У нас есть лозунг: «За здорового советского старика! За культурную, еще более плодотворную»

творную старость!» Прочитайте! (*Показывает на лозунг на стене.*)

Интергом. Иоганн, большевистские старички тоже любят женщин, как ты?

Хоз. Сомневаюсь.

Интергом. А если они догонят и перегонят?

Хоз. Тогда ты уйдешь к ним, а я женюсь на юной комсомолке — моложе тебя.

Интергом. Это ужас, Иоганн!

Хоз. Это моя техника, Интергом. Вы ее знаете?

Интергом. Ах, вполне, Иоганн. Мое тело прогрессирует от вашей старости.

Хоз. Оно и увядает также, Интергом. Я говорю о вашем теле. А мой опыт приобретает рациональность.

Приветствующий Деятель (*смущенно*). Господин Хоз, вас ожидает наша страна.

Хоз. Да, да, сейчас мы отправимся в русское пространство, на воздух, в зеленую рощу, на колхозную печку нового мира, в природную чепуху!..

Приветствующий Деятель. Господин Хоз, для вас давно заведены моторы. Разрешите узнать ваш курс!

Хоз. В неизвестность истории, в Азию, в пустоту Востока... Мы хотим измерить светосилу той зари, которую вы якобы зажгли.

Уборняк. Могу я узнать у господина всемирного мыслителя его точку зрения на какой-либо всемирно-исторический предмет?

Хоз. А вы кто такой — вы трудящийся?

Уборняк. Я прозаический великоросский писатель Петр Поликарпыч Уборняк. Я надеюсь, что вы знаете мои книги: «Бедное дерево», «Доходный год», «Культурнейшая личность», «Вечно-советский» и прочие мои сочинения?..

Хоз. Не надейтесь: я не знаю ваших книг.

Уборняк. Народам известна моя международная деятельность по обороне моей родины...

Х о з. Простите мое невежество. В чем выразилась эта ваша деятельность?

У б о р н я к. В момент угрозы интервенции со стороны Англии — я женился на знаменитой англичанке. В эпоху японской угрозы — я обручился с японкой из древнего рода.

Х о з. Благодарумно. Интервенция, как известно, не состоялась — ваша заслуга неоценима. Но на ком вы женились в гражданскую войну?

У б о р н я к. На образованнейшей дочери почтенного русского генерала.

Х о з. Отлично. Вы, господин Уборняк, совсем неглупый человек — для дураков.

У б о р н я к. По добрейшему обычаю моей родины, по сердечнейшему дружелюбию нашей наибогороднейшей и наиболагодарнейшей отлично-превосходной страны — разрешите обменяться поцелуем, дабы получилось у нас это культурно и исторически!

Х о з. (указывая на Интергом). Поцелуйте вон её в щеку. Она заведует моими чувствами.

Интергом подставляет свою щеку, раздув ее изнутри, а Уборняк вежливо прикладывается к ней.

П р и в е т с т в у ю щ и й Д е я т е л ь. Вам, господин Хоз, желают представиться еще два писателя: господин-гражданин Мечислав Жовов и Геннадий Фушенко.

Х о з. Скорее, пожалуйста. Мне нужна действительность, а не литература.

Мечислав Жовов медленно подходит почти вплотную к Хозу и молча, несколько застенчиво улыбается.

И н т е р г о м. Иоганн, отчего у него лицо счастливого корнеплода? Я забыла его по-русски.

Ф у ш е н к о. Это российский овощ, мадемуазель.

Ж е л е з н о д о р о ж н ы й с т о р о ж (у дверей). Тыква! Какой овощ?! Эх ты, Мордовцев, Камо грядеши!

Интергом. Счастливая тыква!

Пауза. Жовов молчит.

Приветствующий Деятель (Хозу). Он говорить не может: у него десять человек иждивенцев. Но он вам рад.

Фушенко (тихо, но настойчиво). Господин Хоз, я член правления. Я пишу рассказы из турецкой жизни...

Хоз не замечает Фушенко. Пауза полного, коснеющего недоумения.

Уборняк (оттирая Фушенко). Многоуважаемый господин Хоз, какая загадка судьбы привела вас в далекую Россию, чтобы сопутствовать и споспешествовать революции?

Хоз. Не загадка, молодой человек. Жизнь загадочна лишь в семнадцать лет, но в двадцать она уже сладка. В тридцать — трудна. В пятьдесят — сомнительна. А в сто лет — жизнь есть жульничество, и тогда она превосходна. Жизнь несерьезна, мой мальчик. Если бы она стала серьезной, она бы исчезла...

Приветствующий Деятель. Может быть, господин Хоз выскажется более научно о цели своего путешествия в страну строящегося социализма?

Хоз. Научно?! Не раздражайте меня! Я приехал сюда веселиться, я еду по пустяку!

Уборняк (торжественно). Вы ошибаетесь, господин Хоз. У нас в стране, на одной шестой суши, где...

Фушенко. Господин Хоз, я...

Хоз. Не притворяйтесь серьезными, господа. Вам хочется рассмеяться в своей стране, а вы стараетесь мыслить! Смейтесь и сочувствуйте!

Фушенко. Господин Хоз! Я орга...

Хоз. Хорошо. Пишите рассказы. Играйте в свою славу.

Шум поезда, вошедшего в вокзал, гул толпы пассажиров. Уже по этим звукам ясно, что пришел обыкновенный поезд дальнего следования.

Несколько будничных пассажиров входят по ошибке в зал на сцене, но железнодорожный сторож выпирает их обратно. Два пассажира, однако, успевают миновать сторожа и пройти через сцену с мешками. Третьим пассажиром, спокойно и нечаянно прошедшим мимо сторожа, является СУЕНИТА. Через плечо у нее висят ее вещи, связанные узлом на плече; за спиной мешок с сухарями и железная кружка, спереди — книги, обвязанные веревкой. Суенита — смуглая, юная женщина, она сейчас утомлена дорогой и грязна. Она оглядывает людей и обстановку удивленными, немного грустными глазами.

Х о з (наблюдая Суениту). Какое бедное творение природы!

Су е н и т а. Мы не богатые... Где тут уйти на Казанский вокзал? Мне нужно ехать в пустыню.

Х о з (неподвижно разглядывая ее). Как тебя зовут, Божие создание?.. Куда ты спешишь отсюда, советское дитя?

Су е н и т а. Суенита. Я не дитя, я председатель пастушьего колхоза Красные Избушки. Я еду домой на Каспийское море.

Х о з. Какое чудо жизни — ребенок правит деревенским царством! Откуда же ты едешь, беззащитная моя?

Су е н и т а. Я не беззащитная — у нас колхоз, у меня муж в Красной Армии. Я в Ленинград ездила, библиотеку в премию получала.

Ф у ш е н к о. Товарищ председатель, сколько у вас обобществлено хозяйств? Не активничают ли кулаки? Нет ли мелких прорывов в организационно-хозяйственном укреплении? Не нужно ли срочно послать в ваш колхоз ликвидационно-прорывочную бригаду писателей? Я член культбригады...

Су е н и т а (задумчиво). Писателей?.. А они умные?.. У нас четырнадцать красных избушек. У нас не

было чтения, всё уж прочитали, у нас в колхозе читают вслух по ночам. Лампа горит, стекло треснуло от огня, а я читаю, и все думают около меня, а кругом темно, слышно, как шумит Каспийское море. Книги все прочли, стали неинтересны, нам было скучно жить с одним своим умом. Мне дали тогда в премию библиотеку, что я трудодни прекрасно сосчитала. А книги хотели прислать, только не прислали — всё нет и нет: у бюрократизма не болит социализм. Я поехала сама, взяла и везу — не знаю теперь, где Казанский вокзал, где билеты берут без плацкарты.

Приветствующий Деятель. Вот перед вами, господин Хоз, небольшое существо социализма.

Хоз. Огромное, дорогой мой. Весь Божий мир скрылся в этом бедном существе. (К Суените.) Дайте мне вашу руку, счастливая моя!

Суенита несмело подает Хозу свою руку. Хоз целует ей руку.

Суенита. Плюньте лучше. У меня рука сейчас грязная. Руками ведь не целуются, а только работают и обнимаются.

Уборняк. Она санминимум проходила.

Суенита. Да, я санитарка и детей умею принимать.

Хоз. А рожать вы не пробовали?

Суенита. Успела уже.

Интергом. Хотите одеколону для рук?

Суенита. Так себе. Не хочется. Где Казанский вокзал?

Фушенок. Разрешите, я вам билет возьму без всякой очереди!

Суенита. А разве можно? Там люди в очереди стоят, это против закона, я за кило пшена людей наказывала.

Уборняк. Можно, голубушка. Он возьмет без очереди. Он и живет без очереди — его очередь давно прошла, а он живет себе по-культурному! Геня, давай поцелуемся!

Ф у ш е н к о. Давай, Петр Поликарпыч!.. (Целуются.)

И н т е р г о м (Суените). Хотите молока?

Су е н и т а. Я в колхозе его пила. До свидания. Я пойду в очередь билет покупать — боюсь, не достанется. Чего те двое целовались? Неприличные какие!

Х о з. Погодите... Я еду с вами — разрешите пожилому человеку!

Су е н и т а. Вы старый. У нас лесу нету: если умрете — гроб не из чего делать. Мы вас в песок положим.

Х о з. Я согласен. До свидания, господа! Пишите сочинения, приветствуйте, встречайте поезда дальнего следования, будьте здоровы!..

Хоз и Суенита направляются к выходу.

И н т е р г о м (бросаясь вслед). Иоганн! А где же я буду жить? Иоганн! Здесь чужая страна, я умру без тебя, Иоганн!

Х о з (приостанавливаясь). Ну, дальше что? Ну, раздражай, раздражай меня! Выпускай из тела пустяки!

И н т е р г о м (припадая к Хозу). Иоганн, ты исчерпал своей любовью всю мою молодость...

Х о з. Да, исчерпал. Я же мужчина, Интергом!

И н т е р г о м. Не бросай меня сразу! Выпей своего молочка, съешь чего-нибудь химического — уйдем в отель, забудемся... Возьми меня в пустыню, я засохну по тебе в Европе. (Плачет.)

Х о з. Умирают от любви и живут в пустыне — только ангелы, Интергом... Ты женщина, ты в пустыню не поедешь. Сегодня же ты будешь улыбаться...

Су е н и т а. Старичок, там во все колхозы поезда уйдут. Мы останемся.

Х о з. Сейчас. Сейчас всё организуем, бедные мои!

И н т е р г о м (в слезах). Где же ты станешь пить молоко, есть порошки и пилюли? Кого ты будешь теперь любить? Я изучила тебя, я чувствовать привыкла, а теперь надо забывать!

Суенита. Я его буду кормить из своей сумки. У меня сухари и корки есть.

Хоз (к Уборняку). Господин писатель! Интергом — голландская фламандка, хотя и родилась в России. Я считаю полезным улучшить нравственно-политические отношения между вашей родиной и Голландией. Возьмите Интергом под вашу любовь и покровительство. Сделайте одолжение голландской королеве!

Интергом. Ах, Иоганн! Я так грустна сейчас! Ну, поцелуй мне руку!

Хоз. Успокойся, Интергом: ты знаешь, что жизнь всё равно несерьезна. Прощай, мое бедное тело! (Целует Интергом в лоб и оставляет ее, отходя к Суените.)

Уборняк (к Интергом, предлагая ей руку). Сударыня, разрешите предложить вам культурную дружбу и гостеприимство! Мой дом открыт всей Европе!

Суенита (Хозу). Пойдем скорее, дедушка, в нашу деревню, у меня ребенок там плачет.

Хоз. Пойдем, Божье создание. Дай мне сухарик пососать из твоего мешка.

Суенита. После. Сядешь в вагон — тогда и будешь трескать.

Приветствующий Деятель. Господин Хоз, вас ожидает «Бьюик». Мотор всё время горячий, машина дежурит для вас.

Хоз. Остановите его. Я начинаю теперь согреваться сам — моторы пусть остынут.

Уходит с СУЕНИТОЙ.

Уборняк (ведя под руку Интергом). Вы отлично и серьезно заживете у меня в доме, моя славная и милейшая госпожа Интергом.

Все расходятся. Уборняк берет Интергом за обе руки.

Уборняк. Ах вы, моя голландка! У вас же чудесная гидротехническая родина! Мы с вами романы будем писать и — очерки!.. У меня дома собака Макар есть, вот зверь обрадуется вам!

Интергом (*улыбаясь*). Да, господин Уборняк, я люблю романы... И Макаров я тоже люблю — они мне нравятся!

Уборняк. Голубушка, дайте мне попить этого хозовского молочка!

Интергом вынимает из своего маленького чемодана бутылку молока и подает Уборняку.

Интергом. Ну, пожалуйста!

Уборняк (*выпив молоко*). Культурная была привычка у этого научного старичишки!.. Послушайте, превосходнейшая моя, как же вы жили с этим ветшайшим старичком?..

Интергом (*улыбаясь*). Ах, господин Уборняк, жизнь ведь так несерьезна!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Край низкой плетневой огорожи; оголенные колеблемые ветром ветви отоцалого дерева; далекий шум Каспийского моря. За плетневой огорожей деревянная пристройка избы — в виде большого крыльца или сеней. Там стоит стол для занятий.

Вся эта обстановка занимает правую часть сцены.

Слева видна даль, уходящая в смутное пространство. Спереди левой части стоит столб с советским гербом и надписью: «СССР. С-х пастушья артель 14 Красных Избушек. Высота над уровнем моря 19,27 м. Средн. год. колич. осадков 140 мм. Душ — едоков

34. Председ. С. И. Гармалова».

В средней части сцены стоит *чучело*, устроенное из глины, соломы и различной ветоши. Чучело похоже на сурового человека, ростом в полтора человека. Правая рука чучела высоко поднята в неопределенной угрозе. Вечер.

Приходят ХОЗ и СУЕНИТА из дальнего пути. Суенита несет те же вещи, что и на вокзале в Москве. Они останавливаются. В колхозе не слышно ни одного человеческого голоса.

Суенита (*прислушивается*). Не слышно никого. Чучело какое-то поставили! Должно быть, людей не хватает!..

Краткая пауза.

Мы дошли, дедушка... Ты видишь — это наш пастуший колхоз. Мы здесь овец кормим и рыбу ловим понемножку. Давай переобуемся в чистое.

Садятся на землю, Суенита начинает переобуваться.

Хоз. У меня нету ничего чистого. Я так посижу и отдохну от своего умозрения.

Суенита (*переобуваясь*). Ну, посиди, поскучай, а потом ночевать на печку пойдешь.

Вдалеке, где-то за колхозом, заплакал грудной ребенок; тихо проговорил что-то женский человеческий голос.

Хоз. Кто там заплакал у вас, в ваших социальных полях?

Суенита. Это наши дети играют в яслях.

Хоз. А я слышал, что плачут.

Суенита. Напрасно ты слышишь.

Снова слышится далекий плач ребенка.

Хоз. Вот опять тоскует чей-то мелкий голос.

Суенита. Это один мой ребенок плачет — он по мне скучает, он родную мать давно не видел... Отвернись, я соски свои оботру — сейчас пойду кормить его грудью. (*Обтирает соски на своих грудях. Хоз. глядит на грудь Суениты, не отвернувшись.*) Ты видишь, как молоко скопилось!

Хоз. Вижу.

Суенита. Напрасно ты видишь.

Хоз. Устал я шагать по неопределенной земле! В цветах, в слезах и в пыли живут люди, а я, старик, нахожусь при них свидетелем. Чем же это всё кончится, бедные мои?

Суенита. Ну что, дедушка, понравился тебе наш

эсесер? У нас ведь всё может случиться, чего только захочет наше сердце!.. Что ты говоришь — кончится?

Х о з. Да, мне ваш эсесер понравился: кругом противоречия, а внутри неясность... Я говорю: когда же кончится наше дыхание в этом пустом пространстве и мы обнимемся в общей могиле! Когда же, девочка?

С у е н и т а. Мы — никогда, а ты скоро: ты же дедушка — старичок, ты сохнешь уж! (*Переобувшись, вставая.*) Ну, обутка готова... (*Кричит в колхоз.*) Антошка! Ксюша! Дядя Филя!.. Мы пришли! Ксюша, неси мне моего мальчика скорей! (*Более тихо.*) Я соскучилась вся. (*К Хозу.*) Дедушка, ступай на колхоз, там на печку ляжешь, у кого топилась, и там накормят тебя. Когда я приберу горницу, я тебя позову.

Х о з. Кормиться я не люблю. У вас есть что-нибудь химическое?

С у е н и т а. У нас колхозная аптека в ящике есть. Съешь порошок!

Х о з. Пойду съем. (*Уходит.*)

Суенита выходит на крыльцо избы и складывает там свои грузы.

С у е н и т а (*разбирая принесенные книги*). Скорей бы только его увидеть. Маленькое, теплое тело и всегда оно пахнет вкусным чем-то... Почему-то так тихо стало в колхозе!.. (*Зовёт.*) Ксюша, Ксюша! Неси мне моего мальчика!

Всюду тихо. Краткая пауза.

Скоро я еще рожать буду — мне так нравится, когда из меня выходит что-то горячее, жалкое и плачущее такое, бедный комочек моей жизни. (*Зовёт.*) Ксюша!.. Где же кто-нибудь! Где мой ребенок и весь колхоз?

Тихо является ФИЛИПП ВЕРШКОВ.

В е р ш к о в. Здравствуй, товарищ председательница! С прибытием тебя, с достижением здоровья и с прочими делами успеха! (*Подает руку Суените.*) Видала в центрах-городах хороших наших людей, передала им наше почтение, иль промолчала?

Суенита. Передала.

Вершков. А как их здоровье?

Суенита (*во время диалога — постепенно переодевается в другое чистое платье, исчезая на момент в избу и возвращаясь оттуда*). Ничего. Они велели тебе сказать — пусть побольше трудится, поменьше брешет на руку врагу.

Вершков. Да неужели же, Суенита Ивановна?! Иль им и про меня донесли сводку настроения? Ну, теперь я гроыхну! Теперь я вполне — всеми костями своими!

Суенита. Дядя Филя! А в колхозе что — всю траву собрали? Я шла — стогов не видела! Свезли нашу заготовку в Союзмясо?

Вершков (*смущенно*). Не управились еще, Суенита Ивановна!

Суенита. Что же вы, черти! Я же вам наказывала! Ты чего глядел? На что мы тогда здесь государству нужны? — пусть лучше тут море будет, а не люди: в море — рыба...

Вершков. Море?! Вопрос этот интересный, Суенита Ивановна... Каких-то ты жизненных книжек привезла?.. Когда будешь население знакомить?

Суенита. Где Антошка? Ксюша куда девалась?

Вершков. А они побираться на море пошли — мертвую рыбу по берегу искать, а Антошка даже лопух приступал жарить и лепешки печет из овечьего желудочного добра. Нам харчиться нечем стало: баранины нету.

Суенита. А овцы наши колхозные?! Дядя Филя!!

Ход диалога начинает ускоряться и ускоряется всё более.

Вершков (*поспешно, задыхаясь горлом*). Ты слушай меня, Суенита Ивановна... Я как общественность, я от лица всех самых ударных и сознательных... Ты только слушай меня: я тебе наговорю реально, убедительно в высшей степени — тут бантик был...

Суенита. Какой бантик такой? Говори мне скоро!

Вершков. Я тебе говорю сокращенно, арифметически, вроде Совнаркома и Цекубу: бе - а - не - те - ке — белогвардеец-антиколхозник! Федор Кириллыч Ашурков — бантик! Ты его еще раскулачивала перед второй большевистской, и он теперь явился...

Суенита. Ты убил его?

Вершков. Нипочем! Это он меня треснул трижды по горбушке, а Антошку они сапогами мяли, кирпичами по сознанию в голову били, но ведь кирпичи-то мягкие, они же без обжига, они саманные, и Антошка воскрес без ущерба...

Суенита. В голову по сознанию?! А вы что здесь ознакомились тогда?

Вершков. А мы сознавать не поспевали, Суенита Ивановна, — их цельных семеро бантиков было! Они из темной степи пришли, а у берега наш колхозный корабль рыбачий стоял — «Дальний свет». Тут же мы с Антошкой находились — весь гурт гнали купать от паразитов, всю сумму нашего имущества, а прочий народ родячий колодезь рыл вдалеке — не видать и не слышать!..

Суенита. Ну, скорее! Ты говоришь так долго, как будто молчишь!

Вершков. Они гурт наш овечий на корабль колхозный загнали, один баран только остался, а избушку живьем на берег уволокли, вместе с оконными стеклами, и на баркас погрузили, а потом уехали в испуге на арусе... Случилось ужасное явление упущения!

Суенита. А солонина, а хлеб где наш общий, который в мешках залатанных лежал? Говори мне враз!

Вершков. Враз я не могу — мне психа в горле ешает. А солонина, а бедняцкое зерно наше, которое в мешках залатанных лежало, тоже в море на баркасе ашем поплыло — на тот берег империализма...

Суенита. А почему же вы кулаков побить не огли? У тебя револьвер есть! Значит, вы за них стоите?

Кто трус, тот теперь подкулачник! Вы мелочь — сволочь, ничуть не большевики! Проверить всё надо, чтобы сердце у каждого биться стало, а не трусить!..

Суенита сбегает с крыльца.

Вершков (*спокойно*). Да то нет, что ли? Конечно, проверить надо! Культработа мала среди нас, вот что я тебе скажу. А револьвер вынимать опасно было — его отымут!

Суенита (*кричит*). Ксюша!

Голос Ксюши вблизи. Ау-у!

Вершков (*тихо*). Это ведь трагедия!

Ксеня (*бережно обнимает Суениту*). Суня моя приехала...

Суенита. Ксения! Как же вышло? Почему избушка наша пропала, всех овец уворовали, дети плачут?..

Пауза; подруги стоят обнявшись.

Там старик явился со мной — пускай кормят его на мои трудодни.

Ксеня. Сказала уж, травяную тюрю сидит хлебает, два порошка из аптеки съел.

Суенита. Вкусней тюри у нас ничего нет?

Ксеня. Нету. Бантики уворовали всё.

Суенита. Ксюша! А ты всё время кормила моего ребенка, у тебя не пропадало молоко?

Ксеня. Не пропадало.

Суенита. Ну, принеси мне его поскорей, я сама его хочу кормить, а то груди распухли.

Ксеня (*вскрикивая*). Горюй по ним, Суенита: у нас с тобой нет детей!

Суенита (*не усваивая*). А как же нам быть-то? А почему ты не горюешь?

Ксеня (*сдержанно*). Я своего отгоревала. (*Теряя сдержанность.*) Не мило мне, жутко мне, ветер качает меня, как пустую, я в Бога верить хочу!

Суенита. Ксюша! Бога нету нигде — мы одни с тобой будем горевать... (*Томясь и сдерживаясь.*) Что же

мне с му́кой моей делать теперь — ведь нам жить нужно и жить неохота!.. Куда вы закопали моего мальчика?

Вершков *(поспешно, задыхаясь в горле)*. Суенита Ивановна, ты разреши мне, чтоб я выразился наконец! Я всё знаю, я давно стою наготове!

Суенита *(горюя и медленно плача)*. Дядя Филя, зачем вы колхоза не сберегли, зачем вы ребенка моего схоронили?..

Вершков. Как так схоронили?! Ничто! Ты не плачь по нем, не горюй, наша умница, он плывет сейчас спокойно по Каспийскому морю — в руках классового врага!

Суенита. Не тревожьте меня! Дядя Филя, где наши дети?..

Вершков. Нет никакой информации!.. Ты слушай меня! Бантик Федька Ашурков, когда напал на наши избушки, так он сперва не расчухал добра — и поволок одну избу к берегу. А в избе той наши ясли были, и там спали — на религиозный грех, будь он проклят! — твой мальчишка да Ксюшкин сосунок. Я тут бросился на банду, но меня ударили какой-то кулацкой тяжестью, я так и сел на свой зад: спасибо, хоть сесть на что было...

Суенита. Дядька Филька, почему же ты детей не отнял у них?

Вершков. А что дети? Я овец старался отбить — не детей. Дети — одна любовь, а овцы — имущество. Ты детей тоже не переоценивай, ты баба не слабая — нарожаешь!

Суенита. Уйди прочь от нас!..

Плачут грудные дети в глубине колхоза.

Суенита *(забываясь)*. Ксюша! наших детей несут!

Ксеня. Колхозницы с берега ворочаются. Боятся теперь дома ребят оставлять — с собой таскают, а ребята от голода орут.

Суенита. Принеси мне чужого ребенка, я кормить его буду и ночевать с ним лягу потом. Возьми у Серафимы Кощункиной...

Ксеня. Ну, ты очень-то не блаженничай! Сейчас принесу... *(Уходит.)*

Суенита *(зовет)*. Антоша! Антошка!

Голос Антона. Дай и мне управиться! Я близко нахожусь — в пределах!

Приходит ХОЗ.

Хоз. Благодарю вас за гостеприимство. Я вкусно напился какой-то пустынной травой.

Суенита. Неначем. Завтра барана будешь есть. *(Зовет.)* Антошка!

Голос Антона. Обожди: я ветер смерю. Воздушные пути республики должны быть безопасны!

КСЕНЯ приносит ДВУХ ГРУДНЫХ ДЕТЕЙ. Одного отдает Суените, другого оставляет у себя.

Ксеня. Давай чужих кормить, а то молоко в голову бросится, от горя помрешь. *(Уходит, баюкая ребенка.)*

Суенита *(разглядывая ребенка)*. Почему у него такое скучное лицо?.. *(Дает ему в рот свою грудь.)* Он не сосет молока из моей груди!

Хоз. Положи его на землю, Суенита. Твой ребенок, наверное, хочет умереть.

Суенита. Он один останется — на всем свете, без нас и без жизни!

Хоз. Не тоскуй, Суенита. Ты зачала его, шутя, веселясь и задыхаясь, зачем же раздражаешься теперь? Это несерьезно... Что тебе один ребенок! Ты качаешь в своих бедрах, как в люльке, целое будущее человечество. Подойди ко мне!

Далекий, невнятный гул летящего аэроплана.

Суенита. Я не слышу тебя, старичок. Мне трудно сейчас.

Приходит АНТОН, обвязанный на голове тряпками от полученных ранений.

Суенита. Антошка! Бери коня. Скачи в район к телефону — кричи в ГПУ на Каспийское море. Чего раньше не гнались за кулаками?

Антон. Съедобную пищу из всякого брачного праха организовали: нервничать некогда было! Тем более, всё равно бдительность на границах у нас сугубая — никто не уплывет!

Усиливающийся гул: летит аэроплан.

Суенита. Аэроплан летит! Антошка, пусть он спустится, мы на нем кулаков догоним!

Антон (*глядя в высоту*). Спущу! Я враз спущу! Никогда на машине не летал! Великая техника, всё сердце гремит, так и хочется крикнуть — вперед!

Хоз. Ты сигналов не знаешь.

Антон. Я член Осоавиахима. Я зажгу костер и пущу дым государственной опасности, а тебя надо арестовать: ты мой ум рассеиваешь!.. (*Исчезает.*)

Хоз. Спит твой ребенок.

Суенита. Спит мой мальчик. (*Укрывает ребенка и кладет его в сених на лавку.*) Все теперь спят — на земле и на море. Только один далекий ребенок кричит сейчас на нашем маленьком корабле... Он меня зовет, он без защиты там! Я в воду брошусь, я уплыву к нему в темноте...

Хоз (*приближаясь к Суените*). Не шуми, девочка, наша судьба беззвучна. (*Обнимает Суениту и склоняется около нее.*) Я тоже плакать с тобой хочу и тосковать около твоей нищей юбки, у пыльных ног твоих, где пахнет землею и твоими детьми. (*Обнимает ослабевшую Суениту и держит в объятиях.*)

Далекий стихающий гул удаляющегося аэроплана.

Целый век грусти я прожил, Суенита. Но теперь я нашел твое маленькое тело на свете, теперь я тоскую по

тебе, как бедный печальный человек. Я хочу смирно зарабатывать свои трудовни.

Суенита (*слегка глядя Хоза*). А ты живи с нами до смерти в пастушьем колхозе и радуйся помаленьку. Поедешь в район и сдашь курс на счетовода.

Входит АНТОН.

Антон. Промчался в высоте без остановки! Но я еще подкараулю: они летают тут часто по великому маршруту. Буду ходить и сигналы жечь из огня всю ночь! (*Уходит.*)

СУЕНИТА уходит в сени и склоняется там над спящим ребенком. Хоз подходит к плетню. Он стоит молча небольшое время.

Вечер стемнел в ночь.

Хоз. Жульничество! (*Маленькая пауза.*) Какое всемирное, исторически-организованное жульничество!.. И ветер, дескать, как будто грустит, и бесконечность обширна, как глупое отверстие, и море тоже волнуется и плачет в берег земли... Как будто всё это действительно серьезно, жалобно и прекрасно! Но это бушующие пустяки!

Суенита (*из сеней*). Дедушка, с кем ты напрасно разговариваешь?

Хоз. Ах, девочка, Суенита, это жульничество! Природа не такая: и ветер не скучает, и море никого никуда не зовет. Ветер чувствует себя обыкновенно, за морем живет сволочь, а не ангел.

Является АНТОН и проходит.

Антон. Никто не летит. Одна тьма на свете, и море шумит.

АНТОН уходит. СУЕНИТА идет в избу, возвращается с зажженной лампой и садится за стол заниматься.

Суенита. А почему вы такой умный? Может, вы тоже — так себе старичок!

Х о з. Я не умный. А жил сто лет и знаю жизнь от привычки, а не от ума.

Су е н и т а. А кто такие жулики, почему их не расстреливают, чего они думают?

Х о з. Они думают, как и я: мир существует по поводу одного пустяка, который давно забыт. Они обращаются поэтому с жизнью, как с заблуждением, — беспощадно... Дочка, иди я тебя поцелую в голову.

Су е н и т а. Почему?

Х о з. Потому что я тебя люблю. Мы ведь оба обмануты... Не раздражай меня!! Когда два обманутых сердца прижмутся друг к другу — получается почти серьезно. Тогда обманем мы самих обманщиков.

Су е н и т а. Не хочу.

Х о з. Почему не хочешь?

Су е н и т а. Не люблю тебя.

Х о з. Молочка!! Дай мне молочка! Где моя Интергом?

Су е н и т а. У нас молока для тебя нету — детей надо кормить... Иди, дедушка, трудодни считать — я запуталась.

Х о з. Иду, девочка. Займемся пустяками для утомления души.

Су е н и т а. Это не пустяки. Это наш хлеб, дедушка, и вся революция.

Приходит АНТОН.

А н т о н. В воздухе никто не летит! Буду инвентарь проверять. Надо стараться что-то делать. (*Уходит.*)

Хоз идет к Суените.

Х о з. Где мои очки? Где, ты говоришь, вся революция?

Су е н и т а. Очки ты у своей любовницы в сундуке оставил. Ты в одних штанах к нам приехал, без куса хлеба. Вот очки нашего пастуха лежат, — носи теперь их... (*Меняясь.*) Слушай, дедушка Хоз!

Пауза. Слышен шум моря. Темная ночь.

Опять мне скучно стало. Сердце мое болит, и телу жить стало стыдно.

Х о з. Ничего: твоё тело неплотное сидит на твоей душе, оно потом прирастает. *(Надевает очки со стальным оборудованием, увязывает их за ушами, садится на место Суениты и читает ведомости.)* Зачем считать? Ну, зачем считать цифры, когда всё в мире приблизительно?.. Суенита, полюби меня своим печальным бессознательным сердцем — это единственная точность в жизни.

Су е н и т а. Наоборот: я вас люблю сознательно!

Х о з. Сознательно!.. Сознание — это светлый сумрак юности перед глазами, когда не видишь пустяка, господствующего в мире.

Су е н и т а. Сознание — это ум. Раз не понимаешь, то молчи.

Х о з. Сознательная моя... Я рад, когда не понимаю.

Су е н и т а. А я тогда скучаю... Считаю скорее, чтобы к утру была раздаточная ведомость: ты мне расчет с колхозниками задерживаешь! Чтобы всё было ясно каждому — нам неясности не надо... Я скоро вернусь! *(Берет закутанного ребенка с лавки и идет с ним.)* Холодно стало, пойду согрею его, где печка топилась. *(Уходит.)*

Х о з *(один)*. Мне всё ясно. Но я хочу неясности. Неясность! Я давно потерял тебя и живу в пустоте ясности и отчаяния.

Стук молотка в колхозе; визг напильника. Эти звуки повторяются и в дальнейшем.

(Считает на счетах по ведомости. Вдруг бросает считать). Пусть они будут счастливы приблизительно! Всё равно — всякий счет и учет потребует потом переучета. *(Пишет по ведомости.)* Прохору Берданцику — десять килограммов: ты, Прохор, траву собирал без усердия, к советской власти относишься косо...

Ксении Секущей — хороша ты, Ксения, Божье дыхание, наживай себе силу в тело — тебе сто килограммов баранины, не считая шерсти. Антону этому — Антошка!! — тебе целый центнер: ешь говядину! Ты траву сеял посредством ветра, два колодца вырыл — оба сухие стоят, ты море меришь для Академии Наук, спектакль поставил о топоре и добился уяснения хозрасчета всеми колхозниками... Летит там аэроплан или нет?

Г о л о с А н т о н а. Нету ничего — тьма, пустые стихии шумят!

Х о з (считая). Скащу! Скащу! Скащу со всех наполовину. Шестнадцать лет с коммунизмом возятся, до сих пор небольшой земной шар не могут организовать. Схластики! Я штрафовать вас буду!

Г о л о с А н т о н а. Штрафуй нас, товарищ всемирный академик! Бей трудоднем по психозу масс!

Х о з. Нельзя, Антошка... Карл Маркс говорил мне в середине прошлого века, что психоз пролетариату не нужен.

А н т о н. А ты знал Карла Маркса?

Х о з. Ну как же не знал!? Ну, конечно же, знал! Он всю жизнь искал чего-либо серьезного и смеялся над текущими пустяками всех событий.

Г о л о с А н т о н а. Ты врешь, научный человек! Маркс не смеялся над нами — он любил нас вперед навсегда, он плакал над гробом Парижской коммуны и протянул дорогу своего умозрения за горизонт всемирной истории! Ты брось здесь свои кругозоры, ты пойми нас — или мы тебя поймем!

Х о з (считает). Серафиме Кощункиной и ее мужу, тому же Кощункину, — по нулю, ничего, два нуля.

Приходит АНТОН.

А н т о н. Ты чего раздражаешь меня своим энным пониманием каждого предмета? Ты эффект жизни смазываешь мне перед глазами!

Х о з. Блаженны бормочущие! (Считает по ведомости.)

А н т о н. Мы еще не блаженные, мы трудящиеся, а ты что здесь психуешь по-жуткому?

Х о з. *(не отрываясь от занятий)*. Тебе чего, малолетний?

А н т о н. Психани по-жуткому — тебе говорю! Из чего сделан весь мир — из атомов или нет?

Х о з. Из психующего пустяка!

А н т о н *(мучительно)*. Значит, и атому жутко! Пойду море мерить и гири проверять, а то в мире как-то плохо реально — надо его с точностью организовать!

Х о з. Антошка! Зачем ты чучело это поставил — три трудодня истратил! Расточительство!

А н т о н. Пугать классового врага! Чучело больше человека и страшней, а человек пускай трудится, нам его не хватает.

Х о з. Но классовый враг не испугался.

А н т о н. Поскольку чучело мертвое, то нет — нисколько. Это Филька Вершков указал мне: сделай чучело, сторожа не надо. Стали оставлять избушки без человека, ушли все колодезь рыть, а классовый враг набежал... Пойду скорей трудиться! Аэроплана нету, темнота стоит. *(Идет со сцены.)*

Навстречу Антону идет СУЕНИТА с ребенком.

А н т о н. Не спит?

Су е н и т а. Нет, он бредит. Холодно везде, печку никто не топил, а мать его от голода спит равнодушно.

Х о з. Суенита, что ты носишь это дитя: пусть оно умрет. Иль мало в тебе любви, чтобы рожать их без жалости?

А н т о н *(Хозу)*. Я вот как дам тебе сейчас — так ты из башмаков вылетишь вверх! Ты у нас на все свои детали разлетишься — от удара пролетариата!

Х о з. Неверно, Антошка!.. Что мне пролетариат? Он же моложе меня! Я родился, когда пролетариата еще не было, и умру, когда его не будет! Пролетариат сам изуродуется, если вдарит в мои жесткие кости!

Суенита. Аэроплана нету?

Антон. Нет... Давай я отнесу его. В корзинку — и там покачаю. *(Берет ребенка из рук Суениты и уходит.)*

Суенита. А ты сосчитал раздаточную ведомость?

Хоз. Сосчитал.

Суенита. Дай я проверю.

Хоз. Не проверяй, Суенита: ведь овцы твои не в пастушьем колхозе, а в руках классового врага.

Суенита. Ты бедный, дедушка! Ты не знаешь сугубой охраны наших границ... Хлеб наш священный возвратится в наше тело.

Бледный рассвет. Далекий гул аэроплана. Суенита прислушивается. Пауза.

(Кричит.) Антошка! Аэроплан к нам летит! Зажигай сильнее сигналы! Обожди меня! Я избу зажгу! *(Убегает.)*

Голос Антона. Я уже вижу всё и принимаю максимальные меры!

Пауза. Приближающийся гул самолета.

Хоз. Спешат всякие случайности. Надо итог подводить.

Сильный красный свет: загорается изба в колхозе, подожженная Суенитой. Стихающая работа близкого снижающегося самолета. Пауза. Приходят ЛЕТЧИК и АНТОН, за ними является Ф. ВЕРШКОВ.

Антон. А где Суенита Ивановна?

Вершков. Сейчас явится. Крышу зажгла на избе, никак не потушит.

Вбегает СУЕНИТА.

Летчик *(Суените)*. Вы — председатель?

Суенита. Вы же видите, что я!

Летчик. Слушаю. Я водитель машины сельхоз-

авиации 42-07. Шел по маршруту на рисовый совхоз. Приземлен огневыми сигналами. Товарищ Антон сообщил мне о необходимости погони за бандой кулаков. Я согласен сделать разведку над морем, но мне нужен проводник для опознания вашего рыбацкого судна.

Су е н и т а. Летим скорее со мной!

А н т о н. Я тоже лечу. У меня сердце от радости рвется!

Л е т ч и к. Двое?! Ну, ладно. Давайте скорей! (Уходят. Суенита оборачивается с пути.)

Су е н и т а (Хозу). Дедушка, береги колхоз, ты меня любишь. (Уходит.)

Х о з. Лети, бедная птичка. Я буду бдительный.

Остаются Хоз и Ф. Вершков.

В е р ш к о в. Ну вот мы и хозяйева с тобой, Иван Федорович! Давай теперь распоряжаться.

Х о з. Распоряжаться? Я тебе распоряжусь! Ступай вперед трудиться!

В е р ш к о в. Это верно, Иван Федорович, я пойду. Жесткое руководство нам необходимо! (Уходит.)

Свет от горевшей избы потух. Серый скучный рассвет. Рев мотора отлетающего аэроплана.

Д Е Й С Т В И Е Т Р Е Т Ь Е

Внутренность правления колхоза. Портреты, лозунги. Сельскохозяйственные животноводческие плакаты. Стенгазета. В углу свернутое красное знамя. Стол со счетами. Лавки. Одно окно, оно закрыто. Ночь под утро. Горит лампа. За столом ХОЗ в очках, сильно обросший и дремучий.

Х о з. Ночь! Тишина! Люблю, когда не слышно никаких стихий! Когда раздается одно дыхание человека! (Слушает, под окном храпит человек.) Социалист

Филька Вершков храпит. Целый стог травы один собрал — сутки работал, лунным светом пользовался. Десять трудодней придется ему вписать. Но он же мнимый человек — запишу ему четыре трудодня.

Входит КСЕНЯ, сильно похудевшая.

К с е н я. Бери весточку. (*Достает из-за кофты письмо и дает Хозу.*) Утром кольцевая почта подбросила, кольцевик говорил — еле сыскали тебя. Читай теперь.

Х о з. (*оставляя без внимания письмо*). Я давно ничего не читаю.

К с е н я. А может, интересно!

Х о з. Нет. Не интересно, Ксюша! А ты забыла, что твой ребенок плывет сейчас по Каспийскому морю!

К с е н я. Нет, не забыла, Хозушка, нипочем не забыла! Как живой, как милый — так и стоит перед глазами. Самой есть нечего, а груди молоком набухли... И-их, только усну — забуду!

Х о з. Ну хорошо — мучайся, это прекрасно. Я тебе напоминаю, чтоб не забыла. А наряд — мешки штопать — ты перевыполнила?

К с е н я. Выполнить — выполнила, а перевыполнить — не успела. Руки от горя болят, я уж и плакать не могу, а только вылуплю глаза и гляжу, как мертвая рыба...

Х о з. Ксюша! Бедное грустное вещество, пойдی сюда. Дай я тебя обниму и поглажу! (*Ласкает Ксению.*)

К с е н я (*прижимаясь к Хозу*). Дедушка Иван, ты ученый, ты добрый, скажи — как мне жить теперь, помоги мне отстрадаться...

Х о з. Не плачь, Ксюшка! В детстве ты тоже плакала над разбитым пузырьком, над потерянным синим лоскутом, — и горе твое было таким же печальным. Теперь ты плачешь о ребенке. Я тоже плакал когда-то. У меня были четыре официальных жены, все умерли. Они родили мне девятнадцать детей — юношей и

девушек, — ни одного не осталось на свете, даже их могил я не могу найти. Ни одного следа, где ступила теплая нога моего ребенка, я никогда не видел на земле...

К с е н я. Не скучай, дедушка, я тоже скучаю. Бедный ты мой горюн!

Х о з. У вас есть аптека?

К с е н я. Маленькая.

Х о з. Пойди принеси мне чего-нибудь химического — я проглочу.

К с е н я. Сейчас притащу.

Х о з. Сбегай, девчонка.

КСЕНЯ уходит.

(Зовет в окно.) Филипп!

Г о л о с В е р ш к о в а. Тебе чего, Иван Федорович!

Х о з. Иди сюда.

Г о л о с В е р ш к о в а. Сщас. Дай вытянусь — кости обломаю.

Х о з (роясь в делопроизводстве). Опасность отставания налицо. Уборка травы не закончена. Налог по мясопоставке не сдан, мешков на зимние запасы не хватает, две колхозницы вчерашний день рожать легли — в один день зачатые получили. Ну, где я теперь мешочных штопальщиц возьму, Боже мой... Суенита, дыхание мое, ворочайся скорее в наши избушки, у тебя сердце бьется умнее моей головы. Я классового врага не вижу! А ведь это всё его проделки!

Входит ФИЛИПП ВЕРШКОВ.

В е р ш к о в. Тебе чего?

Х о з. Вот что — отчего ты спишь помногу?

В е р ш к о в. У-у, едрена-зелена! Я думал: ты контра-человек, а ты тоже вроде нас. Неужто заграницей, кроме нас, никакого интереса у вас нету?

Х о з. Слушай, Филька, ты классовый враг!

В е р ш к о в. Я-то? Да, можно сказать, что так точно, а можно — и нет! Можно сказать, это гнусная

ложь, уловка и клевета на лучших людей. Как хочешь, Иван Федорович: и вперед, и назад, в общем — загадочно!

Х о з. Врешь, ты вредный! Я сквозь целое человечество всю судьбу вижу!

В е р ш к о в. Мало ли что ты видишь! Ведь — теоретически!

Х о з. Практически, гад! Я второй век живу, я проверил на событиях! Ты политику партии не любишь, ты здесь притворяешься, что за нас, а сам за Европу стоишь, за зажиточных!

В е р ш к о в. Ты... ты меня не распсиховывай, я заикаться начну, я в тебя... предметом воткну... Кто тебе стог-гигант сложил, десять ден в одни сутки включил?

Х о з. Ну это ты, Филипп Васильевич. Я тебе четыре трудодня записал.

В е р ш к о в. Четыре дня! Ты... ты психу нагоняешь в меня, я факты забываю! Ты негодование во мне развиваешь, чёртвов пережиток!

Приходит КСЕНЯ.

К с е н я. На море шум начался. Страшно сейчас плавать одному в воде...

Х о з. Дай порошок.

К с е н я. Бери какие хочешь, все принесла. *(Открывает перед Хозом ящик-аптеку.)*

Х о з. *(глотает три порошка по очереди)*. Запить даже нечем. Пора квас варить в колхозах.

В е р ш к о в. Жуй всухую.

Х о з. Не раздражай меня, ничтожный!

В е р ш к о в. Я тебе дам ничтожный! Ничтожные у нас знаешь где? А здесь одни многозначные!

Х о з. Не распсиховывайте меня! Уйдите прочь из правления!

В е р ш к о в. Забюрократился уже! Вот дай Суетина Ивановна из командировки приедет — я всё скажу.

К с е н я. Я тоже не смолчу. У нас артельное хозяйство и тон должен быть товарищеский. По непроверенным данным срамишь — фу, какое безобразие.

В е р ш к о в. Пойдем, Ксюша, от классово-чуждых. Нечего нам мировоззрение своё марать.

ОБА уходят.

Х о з (счастливо). Живут себе эти Божьи почти существа. Играют в различные шутки, а получается всемирная история... Скоро светать начнет — надо отчетность в райзо готовить. (Занимается.)

Приходит БЕРДАНЩИК с ружьем.

Б е р д а н щ и к. Не ложился еще?

Х о з. Нет. Сижу вот копаюсь в общей жизни.

Б е р д а н щ и к. Пора бы уж на бок, ай ты моложе меня?

Х о з. А тебе сколько времени?

Б е р д а н щ и к. Да годов сто будет ли, нет ли: едва ли! Туман уж в уме пошел — сам вижу белый свет, а интереса нету.

Х о з. Да ты умный, что ль?

Б е р д а н щ и к. А я — когда как! То умный, то опять нет: у меня облака по уму плывут.

Х о з. Ну, ты умный, — ступай колхоз с края карауль.

Б е р д а н щ и к. А я — правда, нет ли? Классовый враг?

Х о з. Так зачем же ты ходишь здесь? Ступай в район и скажи, чтоб тебя арестовали. Пора бы уже сознанию научиться.

Б е р д а н щ и к. Ходил уже. Дважды просился под арест. Не берут никак — признаков нету, говорят, нищий человек. Краюшку хлеба на обратную дорогу выписывают по карточке и пускают ко двору.

Х о з. Значит, ты полезный общественник.

Б е р д а н щ и к. Я-то? Едва ли. Я в книге начался: люди сто тысяч годов живут на белом свете —

ни хрена не вышло. Неужели за пять лет что получится: да нипочем!

Х о з. Прочь отсюда, классовый враг!

Б е р д а н щ и к. Я не евши это сказал. Это я бдительность твою проверял, а может — ты агент Ашуркова! Я здесь сторож, я всё берегу — весь инвентарь и всю идейность... Заря встает — ложись на бок, спи, а то силу днем потеряешь. А нынче каждый день тыщу лет кормит, колхозная революция должна сто тысяч годов покрыть! Вó как! У нас ведь так-то! Отдыхай с Богом! (*Уходит.*) Краткая пауза.

Х о з (*один*). Не понимаю ничего: облака по уму плывут!

Розовая заря в колхозе. Является ВЕРШКОВ.

Х о з. Ты что не спишь?

В е р ш к о в. Не спится: забота! Светает помаленьку, еды нету. Народ ворóчается, лежит.

Х о з. Ну, раздражай, раздражай меня, мешай трудиться!

В е р ш к о в (*вздыхая*). Удивляюсь я всемирному человечеству. Как это тебе империалисты — далеко ведь не глупейшие люди — загадку своей жизни приказали отгадать! Ты же отсталый человек, ты овечьего колхоза решить не можешь!.. Я бы давно всё мировое дело разгадал — и не ездил бы никуда, а сидел бы на квартире, ел бы пищу и думал бы себе!.. Их, и выдумал бы я тогда!..

Х о з. Филька! Все мировые дураки всегда ищут мировую истину.

В е р ш к о в. Тебе же лучше! Мы-то с тобой не дураки: ты всемирный двурушник, а я колхозный ударник-пастух. Только всего.

Х о з. Филька! Прочитай в конверте, что мне Европа там еще пишет. Напиши ответ этому кулацкому колхозу. Ты, оказывается, великий человек! (*Отдает Вершкову конверт.*)

Вершков (распечатывая конверт). Да я что хочешь! Когда как! Когда великий, когда мелкий! Что ж делать: жизнь ведь — мероприятие незаконченное! Приходится!

Хоз. Да ведь и я тоже, Филька, такой: когда как! Мы оба с тобой — трудящиеся люди!

Вершков. А ништ я тебя не вижу? Я вижу! (Пишет, не читая, несколько слов на письме — резолюцию.) Большевик-человек наблюдает вас, дураков, насквозь! (Отдает Хозу письмо с конвертом.)

Хоз (читая резолюцию). Филька! Неужели это верно? Неужели вся мировая экономическая загадка решается твоими четырьмя словами!

Вершков. Зря ничего не пишем. Я-то знаю.

Пауза.

Да.

Хоз (размышляя). Это верно. Вы знаете. А что мне пишут оттуда?

Вершков. Пишут, что им так себе: неудовлетворительно. Прочитай сам вслух!

Хоз (читает с пропусками, злобно бормочет). ...Из Москвы получено сообщение... На вокзале вы хотели жениться на известной красавице — пастушке Суените... Вследствие некоторого ограничения ваших умственных способностей... Концентрированный круг европейской трагедии... Шлите... новый принцип... Разрешение мировой политико-экономической загадки.

Вершков. Я же сам написал. Теперь мировой загадки нету.

Хоз. Ты написал ясно: загадки нету. Пора отсылать, утро наступило.

Вершков. Подпиши. А я дай за секретаря.

Подписывают. Запечатывают конверт... Входит РАЙОННЫЙ СТАРИЧОК — с деловой сумкой и с запасом свернутых знамен, сделанных из кумача и рогожи.

Р а й о н н ы й с т а р и ч о к . Здравствуйте! Тушите лампу, чего вы здесь сидите!.. Я из райцентра пеший пришел, за соревнованием гляжу!

Районный старичок берет из угла горницы красное знамя, свертывает его, берет к себе, а из своего запаса выделяет рогожное знамя и ставит его взамен.

В е р ш к о в . Ты за что нас обижаешь!

Р а й о н н ы й с т а р и ч о к . Не заслужили, значит. Обыкновенное дело! (Уходит.)

Х о з . Боюсь, Суенита Ивановна раздражаться будет...

В е р ш к о в . Это ничего... Надобно, Иван Федорович, что-нибудь народу дать, он, не евши, плачет, лежит на земле.

Х о з . Я не слышу.

В е р ш к о в . Тут не слушать надо, а думать. Ну, послушай!

Растворяет окно правления. Слышна ругань мужчин и женщин — и редкий, отдаленный плач детей, мирный по своим звукам.

Х о з . Они не плачут, они ссорятся.

В е р ш к о в . Они друг друга грызут, это хуже слез. Народ от голода никогда не плачет, он впивается сам в себя и помирает от злобы.

Х о з . Закрой окно. Сколько дней Суениты Ивановны нету?

В е р ш к о в . Девятые сутки ушли.

Х о з . А ты разве не хочешь есть?

В е р ш к о в . Нет. Я живу от сознания, разве у нас от пищи проживешь?

Х о з . Пойди позови ко мне Ксюшу!

В е р ш к о в . Пользы не будет... Но сходить можно. (Уходит.)

Х о з (один). Боже мой, жизнь, в чем твое утешение?.. Надо отчетность в райземотдел кончать...

Приходит КСЕНЯ.

К с е н я. Я и сама бы пришла, я проснулась уже. *(Дует в лампу и тушит ее. За окном стоит ранний солнечный день.)* Давай наряд на задание.

Х о з. Ксюша! У тебя сердце болит — пусть оно отдохнет.

К с е н я. Это еще что такое за новости такие. А вдруг-де ГПУ ребенка моего догонит, а я здесь, значит, лодырничала? Вот так симпатично будет!

Х о з. Ксения, принеси мне чего-нибудь химического, я ослабел.

К с е н я *(укрощаясь)*. Ну, сейчас. А молочка не хочешь? У меня в грудях скопилось, всё равно выдавливать на землю буду. Женское молоко полезно.

Х о з. Ну, ступай, подои сама себя, принеси в бутылочке. А химию тоже не забудь!

К с е н я. Ладно уж! Без порошков-то жить не можешь!

Х о з. Умру.

КСЕНИЯ уходит.

Я чувствую тепло человека в этой стране... Отчет в райзо закончен, слава Богу. Книги писал, а никогда так не радовался. *(Расписывается с размахом.)* Хорошо!

Брань, крики женщин и плач детей слышатся сквозь закрытое окно. Быстро входит ВЕРШКОВ, за ним БЕРДАНОЧНИК с ружьем.

В е р ш к о в. Слышишь, как бормочу? Тебе надо, Иван Федорович, теперь на Берданщика опереться, у него ружье, он районной властью утвержден!

Б е р д а н щ и к. Это зря: ни к чему! Народ только между собой будет злиться, это всегда так, а посторонних он никого не тронет.

Х о з. Ты, Филька, классовый враг! Народ надо кормить.

Б е р д а н щ и к. Вот верно сказал! Мы, старики, всё знаем!

В е р ш к о в. А чем ты накормишь его? Только политически! Лозунг выпустишь из ума!

Х о з. Берданщик, возьми его под арест! Ты видишь — кулак проявляется!

Б е р д а н щ и к. Я вижу. Твое руководство работает хорошо.

Х о з. Отведи его в наш тюремный кузов, какой Антошка сделал!

Б е р д а н щ и к. Отведу. А народ кормить ты не раздумал?

Х о з. Нет. Исполняй свою службу!

Б е р д а н щ и к. Сейчас. Иль ты обиделся? *(Вытаскивает прикладом Вершкова вон.)* Иди прочь, двоякий человек!

Уходят ОБА. Прибегает КСЕНЯ с бутылочкой молока.

К с е н я. Дедушка Иван! Чего-то у нас там делается такое. Все орут, томятся, друг друга раздражают!

Х о з *(беря у Ксении бутылочку)*. Твое молочко-то?

К с е н я. Мое. Из груди своей тебе нацедила, да не поспела всю бутылку налить — мужики так и рвут из рук, лопать хотят. Сначала облатки проглоти! *(Дает Хозу порошки в облатках.)*

Х о з. Сколько у нас детей в колхозе — без твоего с Суенитой?

К с е н я. Обожди... *(Считает шёпотом.)* Семеро!.. Двоих схоронили — пятеро!

Х о з. А много у тебя молока в груди еще осталось?

К с е н я. И старого и малого накормлю — и в резервный фонд останется!

Х о з *(отдает ей бутылку с молоком обратно)*. Ступай корми всех детей своим молоком. Сколько успеешь, пока себя всю не иссосешь.

К с е н я *(радуясь и удивляясь)*. А верно, дедушка Хоз! Чего я себя, дура, берегла, только мучилась!

Х о з. А мужчинам и женщинам дай из аптеки по

одной химической облатке. Пусть съедят их. Скажи, я велел, я тоже ими кормлюсь — второй век живу.

К с е н я. О, они умные, они терпеливые, дедушка Хоз! Им чуть-чуть дай только, у них сразу сердце болеть перестанет!

Х о з. Накорми их, Ксения, из груди своей и из аптеки.

К с е н я. Иду, дедушка... (*Уходит.*)

Х о з (*один, глотает облатки и пережевывает их*). Хорошо. Питательно!

Пауза.

Буду жить на свете, как Берданщик-сторож, стеречь случайности и фонды!

Незаметно, неслышно входит смеющаяся СУЕНИТА. Углубленный Хоз не видит ее.

С у е н и т а. Здравствуй, дедушка Хоз!

Х о з. Суенита! Ты вернулась к нам, удивительная моя! А где твой ребенок?

С у е н и т а. У нас в колхозе. Сейчас я его Фимке Кошункиной понянчить отдала, больше меня никто не видел. И Ксюшкин мальчик тоже цел — я обоих принесла, они живы... Сделай мне доклад о положении хозяйства!

Х о з. Обожди ты с этими бесчеловечными делами: хозяйство, доклад, положение! (*Открывает окно в колхоз: в колхозе тихо, ничего не слышно, стоит светлое позднее утро.*) Тихо стало, народ наедается... Дай я тебя поцелую по старости лет!

С у е н и т а. Ну, ладно, поцелуй — я не засохну.

Хоз целует Суениту в лоб.

Х о з. Вечная моя! Как давно я искал тебя — сто лет.

С у е н и т а. Я тогда на свете не была — напрасно искал.

Х о з. Я рождения твоего ожидал.

Су е н и т а. Поздно явился — я уж сама рожаю.

Хо з. Я народ здесь кормлю. Мое руководство работает хорошо.

Су е н и т а. Мы проверим.

Хо з. А хлеб наш колхозный и овцы где? Ты отняла их у классового врага?

Су е н и т а. Мы догнали наш парусник на аэроплане. Потом его повернул к Астрахани катер ГПУ и взял на буксир.

Хо з. Ашурков где, я спрашиваю!

Су е н и т а. Когда морское ГПУ начало гнаться за ними, они спустили в море половину нашего хлеба. Сорок овец потопили — остальные целы, и избушку нашу бросили — она поплыла-поплыла... А ребяташки наши, мой и Ксюшин, в трюме лежали, их сам Ашурков нянчил и плакал по ним, когда его арестовали...

Хо з. Приличный человек!

Су е н и т а. Да. Он меня любил когда-то в девушках, до ликвидации классов...

Хо з. Где хлеб и овцы наши, я тебя спрашиваю!..

Су е н и т а. Их Ашурков на нашем паруснике домой к нам из Астрахани везет.

Хо з. Какой Ашурков?

Су е н и т а. Бантик бывший. Он по ветру едет, скоро мы парус на море увидим. С ним агент ГПУ плывет, до нас провожает.

Пауза.

Хо з. Ничто не ясно... Откуда же ты явилась?

Су е н и т а. Из Астрахани же, старый человек! Мы с Антошкой и с детьми на аэроплане до совхоза долетели, а оттуда пешие прошли. Понимаешь ты? А Федьку Ашуркова я велела ГПУ простить и дать мне на воспитание, я из него колхозника-ударника сделаю, он годится лучше наших, я знаю! Он кроткий будет!

Хо з. Значит, это и есть классовая борьба! Ну что ж, пускай возвращаются пустяки!

Су е н и т а. А ты думал — это одно убийство!

Х о з. Хорошо. Классовый враг нам тоже необходим: превратим его в друга, а друга во врага — лишь бы игра не кончилась. А есть чего мы будем, пока Ашурков твой с добром приплывет?

Су е н и т а. Химию, старичок! Ты игры не понимаешь!

Вбегает КСЕНЯ и обнимает Суениту.

Су е н и т а. Ксюша, мы опять с тобой две матери!

К с е н я. Опять, Сунечка моя!

Су е н и т а. Дедушка Хоз, пошли ко мне Фильку Вершкова. Я его арестую.

Х о з. Я его уже арестовал!

Су е н и т а. Ты молодец! Тогда пойдй приведи его!

Х о з. Я схожу. Только несерьезно это всё! (*Уходит.*)

Су е н и т а. Ксюша, ну что? Где наши ребятишки?

К с е н я. Хорошо, Сунечка! (*Щекочут и ласкают друг друга.*) Они у Фимки спят, я их нашла.

Приходит БЕРДАНЩИК.

Б е р д а н щ и к. Главная гражданка наша приехала. Здравствуй, девка!

Су е н и т а. Старичок, ты знаешь, что ты классовый враг — иль это тебе нипочем неизвестно?

Б е р д а н щ и к. Знаю. Я уже давно говорил, что я — не тот.

Су е н и т а. Ашурков сказал, как ты притворился и спал посреди колхоза, когда они избушку волоком волокли! Одно чучело безличное дежурило за тебя!

Б е р д а н щ и к. Свободная вещь.

К с е н я. А это что, по-твоему, — тухлая мошонка?

Б е р д а н щ и к. Акт.

Су е н и т а. Что такое? Повтори мне, жалкий!

Б е р д а н щ и к. Акт, — говорю.

Су е н и т а. Будет общее собрание — уйдешь из колхоза навеки! Поставь ружье в угол.

Пауза.

Б е р д а н щ и к (*положив ружье*). Пойду сумку

шить... Ксюшка, дай иголку! Была своя, сломал один коннонарочный, попросил штаны заштопать — и сломал. Какие теперь иголки? — одно перевыполнение, а не иголки!

К с е н я (*вынимает из юбки иголку*). Бери иголку! Ступай скорей, пока терпит тебя мое сердце.

Б е р д а н щ и к. Сердце что! Оно болит и терпит! (*Уходит с иголкой.*)

Г о л о с А н т о н а в к о л х о з е. Я вас всех по всем линиям проверю, он видит ваше антинаучное лицо классового врага, достойное презрения! Товарищ Антошка понимает, отчего дребезжит колхозная тележка! Он видит в упор бесстрашно! Еще нет такого человека, который обманул бы или испугал товарища Антона Концова! Я всё человечество здесь по всем принципам пересортирую! Наука! Всемирные академики! Вы здесь улыбаться приехали: идите бороться за качество-количество продукции против классового врага!

К с е н я (*почтительно*). Антошка пришел.

С у е н и т а (*в окно*). Антошка!

Г о л о с А н т о н а (*более спокойно*). Ввиду необходимости контрольной проверки ожидаемого с бантиками хлеба, у меня явилась потребность пересмотреть сотенные весы системы Фербенкса, так как есть возможность испортить их бесшумной рукою кулака.

С у е н и т а. Ксюша, мне Антошка не нравится.

К с е н я. Оголтел от своего ударничества... Все они здесь на одну морду, — так бы и треснула всех: колхозные притворщики! Уж, по-моему, бантик и то лучше. Его арестуй, он и работает. Да ей-ей так!

Приходит ХОЗ.

Х о з. Филька сейчас явится. Он письмо в Европу заклеить пошел... Я здесь отношение из Европы получил — там трагедия!

С у е н и т а. У тебя одна Европа на уме, а у нас целый мир на руках — ты же видишь!

Х о з. Я вижу. Вы запутались. Вам есть нечего будет...

Является ВЕРШКОВ.

В е р ш к о в. Здравствуй, товарищ председатель! С победой тебя — над классовым врагом бантиком!

С у е н и т а. Не надо. Ты тоже бантик.

В е р ш к о в (*улыбаясь*). Ты нынче веселая!..

С у е н и т а. Я не скучная... А ты горевать будешь сейчас. Зачем ты велел Антошке чучело ставить? Чтoб чучело колхоз стерегло, когда бантики явятся?! Возьми свой револьвер — Ашурков велел тебе отдать. Он хотел из него тебя застрелить, да знал, что я тебя всё равно раскулачу.

В е р ш к о в (*без револьвера*). Аль до всего дознались, ехидны сухие?

С у е н и т а. До всего, дядя Филя, — до гибели твоей дошли.

К с е н я. Помирай скорее, терпенья нету думать о тебе!

В е р ш к о в. Я здесь премированный ударник, не увлекайтесь, граждане, своей забавой!

К с е н я. И верно: он премированный! Что ж это делается такое!? Суня, давай лучше бантиков в колхоз наберем — они боязливые будут и не такие двуручные!

С у е н и т а (*Вершкову*). А кто виделся с Ашурковым у бродячего колодца? Кто сказал ему — вдарить в колхоз, махнуть овечий гурт и жить потом вольно в кавказских краях, как члены профсоюза?

В е р ш к о в. Что же такое, что говорил! Молча скучно сидеть, говоришь слова в виде опыта. Слова не считаются, это звуки.

Х о з. Господин Вершков, разрешите спросить: вы за колхоз, то есть за социализм, — или напротив?

В е р ш к о в. Я за него, Иван Федорович, и напротив. Я считаю одинаково: что социализм, что — нет его. Это же все несерьезно, Иван Федорович, одна расписка людей.

Х о з (*задумчиво*). Несерьезно, дядя Филя. Распсиховка!

Су е н и т а. Перебrehать нас всякому дураку можно, а победить и умник даже не сумеет... Ксюша, покличь Антошку!

К с е н я (*в окно*). Антошка! Иди сюда скорее, скверный такой!

Г о л о с А н т о н а. Успеешь! Я здесь тару чиню.

Х о з. Господин Вершков, где письмо в Европу?

В е р ш к о в (*отдавая письмо*). Ты видишь: я здесь ударником был, мировую загадку экономики решил — и погибаю.

Су е н и т а. Какую он загадку решил?

Х о з. Мировую! Он написал рукою: да здравствует товарищ Ленин! Мировой загадки больше нет.

В е р ш к о в. Нету. Я сразу догадался.

К с е н я. Ишь, демон какой!

Пауза.

Су е н и т а. Мы здесь бедные, у нас нет никого, кроме Ленина. Мы шепчем его имя, а ты его срамишь. Вы богатые, у вас много ученых вождей, у нас — один. Ты что, Вершков?!

В е р ш к о в. А ты что?

Су е н и т а. Я здесь колхозница, я социализмом буду.

В е р ш к о в. А я-то кто ж? Я тоже социализм!

Су е н и т а. Социализм, как и Ленин, у нас один. Два не нужны. (*Мгновенно всаживает в грудь Вершкова кинжал.*)

Вершков садится на лавку в изнеможении смерти.

Х о з (*Вершкову*). Дядя Филя! Что делается на том свете, — ты чувствуешь?

В е р ш к о в (*сваливаясь*). Так себе — пустяки и мероприятия... Тут тоже несерьезно, Иван Федорович, зря люди помирают.

Х о з. Хорошо видит смерть этот человек.
В е р ш к о в. Я не умер, я переключился.

Пауза.

С у е н и т а. Кончился он?

К с е н я (*пробуя тело Вершкова*). Кончился, холо-
деть начинается.

С у е н и т а (*щупая кинжал*). А кинжал почему-то
еще теплый!

Является АНТОН.

А н т о н (*не вникая в обстановку*). Каждый теперь
должен жить как сознательно, так и ответственно!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Берег Каспийского моря. Полуденный горизонт. Небо. Сияющий свет над пустынной далекой водой. Маленький кузовок, в форме цилиндра, устроенный сплошь из плетня — и цилиндрическая круглая стена и крыша; стоит этот кузов на трех камнях. Весь кузов, в том числе и крыша, оплетены колючей проволокой. Это — тюремный колхозный кузовок. Около плетневого кузова сидит АНТОН с самодельным ружьем, которое было у Берданщика, и сторожит заключенную в тюрьме Суениту.

С у е н и т а (*невидимая, негромко поет изнутри тюрьмы*).

Нулимбатуйя, нулимбатуйя,
Аляйля бедная моя.
Увенкувейра фиулумаила —
Аляйля халма сарвайджа!

Пауза.

Антошка, ты тут?

А н т о н. Я всегда там, где мне необходимо быть по соответствующему распоряжению или по личной точке зрения на государственную пользу.

Суенита. Я вижу отсюда в скважину — как у вас в колхозе солнце светит!.. Сколько времени я еще буду сидеть в темноте?

Антон. Эн-количество.

Суенита. А сколько это — эн?

Антон. Никому неизвестно: это математически. В море эн количество воды, в пустыне нету эн количество, везде одно гигантское эн!

Суенита. Мне холодно тут. Здесь тень кругом.

Антон. Поскольку природа отпускает в настоящее время достаточное количество температуры — ты говоришь клевету на весь климат СССР!

Суенита (*тихо поет*).

Трава на свете теплее стала.
И дождь над родиной идет,
Далек от сердца товарищ Ленин,
Его Аляйля в колхозе ждет.

Антон. У нас есть наличие государственной связи снизу доверху — через край, район и правление колхоза, — здесь я заменяю тебе всё высшее руководство: мучайся без скуки!

Пауза.

Суенита. Антошка! Я вылезу. (*Царапается изнутри тюремного кузова.*)

Антон. Получится умерщвление тебя.

Суенита. А кто Филька был?

Антон. Филипп Вершков не кто иной, как разоблаченный до конца классовый враг, опасный двурушник, надевший маску премированного ударничества.

Суенита. Врешь: он был настоящий ударник!

Антон. А зато классовый враг!

Суенита. И классовый враг тоже настоящий!

Антон. Вопрос исчерпался.

Суенита. Классовый враг у нас вне закона по конституции. Его можно убивать. Я вылезаю. (*Царапается изнутри.*)

А н т о н. Я ликвидирую тебя насмерть на месте, поскольку нет оформления твоего освобождения!

С у е н и т а. А ты знаешь нашу конституцию?

А н т о н. На память! Все пункты: спроси любой!

С у е н и т а. А не выпускаешь чего ж?

А н т о н. Я не помню в точности всех изменений и дополнений, внесенных в конституцию соответствующими постановлениями Президиума ЦИК СССР.

С у е н и т а. А я помню.

А н т о н. Всё равно у тебя нет документов под руками.

С у е н и т а. Ты пособник классового врага!

А н т о н. Товарищ Антон Концов знает себя лучше, чем любые голословные психические девки, заключенные под стражу за превышение полномочий власти на местах!

Краткая пауза.

С у е н и т а. Там вон идет кто-то. Антошка, позови его!

А н т о н (*вглядываясь*). Это идет районный старичок, заведующий учетом соревнования и качества продукции. Он же пешком разносит и вручает директивы по важнейшим мероприятиям райцентра.

С у е н и т а (*протяжно*). А лицо у него какое чуждое!..

А н т о н. Лицо есть маскировка идейной вооруженности — на обе стороны фронта борьбы!

Р а й о н н ы й с т а р и ч о к (*голос*). Караульщик! Слушай меня отсюда — у меня ноги ходить утомились, я вздохнуть сяду.

А н т о н. Я слушаю, товарищ из района. Говори.

Р а й о н н ы й с т а р и ч о к (*голос*). Ты слушай меня! Пускай Суенита Ивановна опять гуляет — ей райпрокурор велел. Вперед до особого распоряжения — ты и прочий никто не трожь ее. Все права службы и состояния отдай ей обратно!

А н т о н. Вперед до особого? А насколько времени впредь полагается?

Р а й о н н ы й с т а р и ч о к (голос). Раз впредь — значит навеки. До самого гроба так и будет гулять, аль у прокурора делов боле нету?.. Суенита Ивановна — девка добрая — зря не убивает.

А н т о н. Ступай, скажи товарищу Хозову — пусть он мне даст установку как председатель. Ты для меня мало вероятен.

Р а й о н н ы й с т а р и ч о к. Пойду кликну сейчас... ходьба доняла, хоть бы мне до транспорта дожить!

А н т о н. Транспорт твоей должности полагаться не будет.

Р а й о н н ы й с т а р и ч о к (голос). А я тогда карьеру сделаю — выше стану. Я ведь усердный... Надо трогаться. Эх ты, служба районная — в такой период времени! (Слышно бормотанье и кряхтенье.)

Пауза.

С у е н и т а. Старый, старый сволочь-старичок!

А н т о н. Старость, в случае доходности от нее государственству, на эн-отрезок времени допустима.

Приходит, бдительно оглядываясь, демобилизованный красноармеец, в армейской шинели, с пищевой сумкой, — ГЕОРГИЙ ГАРМАЛОВ — муж Суениты.

С у е н и т а. Ты в колхоз наш вернулся? Ты ко мне пришел? Георгий! Я здесь сижу, я заперта.

Г а р м а л о в (пугаясь). Суня! Ты где? Ты зачем тут? Кто тебя мучает?

С у е н и т а. Прислонись ртом к плетню — я тебя поцелую.

Г а р м а л о в. А мальчик наш живой или помер?

С у е н и т а. Он живой, он на меня с тобой похож... наклонись ко мне, я тебя вижу, меня проволока колет в лицо... (Царапается изнутри.) Скорее! Мне холодно делается здесь.

Гармалов шарит руками по кузову тюрьмы.

А н т о н (*вставая*). Отойдите, гражданин, дальше от секретного сооружения.

Г а р м а л о в (*узнавая Антона*). Ты Антошка Концов?

А н т о н. Кто бы я ни был, я человек определенный!

Г а р м а л о в. Товарищ Концов, выпусти мне жену.

А н т о н. Много вас здесь шедевров является — отойдите несколько прочь!

Г а р м а л о в. Не бойся. Я красноармеец, я вреда не сделаю. Я по семейству соскучился.

С у е н и т а. Егорка! Ты красноармеец, а я председатель колхоза — отними ружье у Антошки, я приказываю тебе!

Г а р м а л о в. Не смей обижать! (*Бросается на Антона.*) Здесь председатель — Советская хозяйка!

А н т о н (*стреляет*). Я живу серьезно, от меня каждому жутко!

С у е н и т а. Не попал!

А н т о н. Попаду — не радуйся: это одно предупреждение! (*Становится в позу стрелка.*) Взводный командир запаса Красной Армии никогда не промахнется!

Гармалов с воплем кроткого человека схватывает Антона, выбивает у него ружье, ломает ружье пополам и швыряет его в сторону.

А н т о н. Ага — нападение на пост!.. Десять лет по мирному времени тебе обеспечено. Факт сложный!

Появляется ХОЗ.

Х о з. Антошка! Уходи прочь — я тебя сменяю!

А н т о н. Пора тебе не опаздывать! Лицо из района приказало Суениту Ивановну...

Х о з. Знаю. Знаю. Мне всё уже давно известно и понятно.

А н т о н. А этого (*указывает на Гармалова*) надле-

жит немедленно посадить в тюремную организацию сроком на десять лет!..

Х о з. Кто это такой — чей воин?

А н т о н. Супруг Суениты Ивановны, совершил нападение на пост, необходимы беспощадные...

Х о з. Остановись, классик масс! Мы запишем это событие в конце календарного года в итогах классовой борьбы. Ступай проверять весоизмерители, составь метеорологическую сводку, займись землеустроением пастбищ, просмотри кухонный очаг в столовой, начерти твоё изобретение в масштабе...

А н т о н. Какое изобретение? У меня их максимальное количество!

Х о з. Самое важнейшее — эту избушку, заключающую в себе человека.

А н т о н. По всей колючей проволоке необходимо пустить электрический ток.

Х о з. Втыкай, Антошка!

А н т о н. Антошка знает сам, где что воткнуть и вынуть нужно.

Х о з. Ну, спеши организовать!

АНТОН исчезает.

Г а р м а л о в. Старичок, выпусти мне бабу.

Х о з. Успеешь еще, береги свое терпенье для блаженства.

С у е н и т а (*царапаясь изнутри*). Мне холодно тут. Я сжимаю сама себя руками, чтобы согреться. Во мне остывает что-то горячее внутри...

Х о з. У тебя теплые руки, ты согреешь остывающее.

С у е н и т а. Дедушка Хоз, я не знаю... Может, в руках у меня один холод останется — и руки остынут!

Г а р м а л о в. Суня! Ты дыши сама на себя, ты согреешься.

С у е н и т а. Я и так дышу, я согреваюсь уже. Идите трудиться на колодцы, кормите чем-нибудь неевший народ. Не видно там паруса на море?

Гармалов (*вглядываясь в море*). Не видно, Суеня, парусов.

Хоз (*открывает тюремный забор*). Выходи, Суенита Ивановна, опять в свое прежнее счастье. Любит тебя советская власть.

Суенита (*выходя, зажмуривается, трет руками свое исхудалое тело*). А где красноармеец Егор? Он мой муж!

Гармалов. Я здесь, Суенита Ивановна!

Суенита. Весь срок отслужил?

Гармалов. Освобожден досрочно по успехам. Прибыл на постоянное место жительства в бессрочный отпуск — на помощь колхозному строю!

Суенита обнимает Гармалова. Тот, в ответ, осторожно прижимает ее к себе и держит в скромных объятиях.

Суенита. Ты не будешь классовым врагом?

Гармалов (*отстраняясь*). Я красноармеец. Не смею оскорблять!

Суенита (*привлекаясь к нему*). Я любить тебя буду, женою стану опять.

Гармалов. Спасибо, Суенита Ивановна! Я опять буду колхозником, я соскучился по земле.

Суенита. Ну гляди — старайся! У нас здесь томление стоит от голода и классовых врагов, мы корабль ждем с хлебом и овцами своими... Не видно там паруса? (*Глядит в море*.) Немножко ветер начинается... (*Мужу*.)

Гармалов. А сын где?

Суенита. У Ксюши. Погляди его и ступай трудиться — переделывай всё, что Антошка сделал.

Хоз. Антошка сам беспримерный ударник!

Суенита. Молчи: у тебя бдительности нету никакой! У Антошки непрочно всё выходит — вырыл колодезь, он сухой стоит, сто гирь из глины обжег — они рассыпались, тюрьму эту сделал — преступнику там жутко и можно убежать! Нам нужно, чтобы всё было прочно и навеки... Твой Антошка — несерьезный пустяк!

Х о з (кратко). Я молчу.

С у е н и т а (Гармалову). Поцелуемся теперь.

Гармалов, вытерев рот, нежно целует Суениту, оберегающе обнимая ее.

С у е н и т а. Я люблю тебя: нам нужны мужья и верные колхозники.

Г а р м а л о в (четко). Буду стараться жить строго, как мужем твоим, так и колхозником.

Х о з (задумчиво). Мужчины в мире исчезают, но женщины остаются вечными.

Г а р м а л о в. До свиданья, Суня.

С у е н и т а. Приходи вечером ко мне — я тебе трудовень запишу по фактической выработке.

ГАРМАЛОВ уходит.

Х о з. Суенита!

С у е н и т а. Ну что, дедушка Хоз?

Х о з. Давай поцелуемся.

С у е н и т а. Не в губы только.

Х о з. Куда хочешь — лишь бы тело было твое.

С у е н и т а. Тебе тело только — мировоззренья ты не любишь.

Х о з. Тело, только тело. (Целует Суениту в висок.) Люблю эту сущность! Девочка, нет ли чего у тебя химического?

С у е н и т а. Нету, дедушка, ты уж и так всю аптеку нашу съел. Возьми пойдешь у Ксени жавель, я ей давно велела купить.

Х о з. Пойду пожую жавель этот. (Уходит.)

С у е н и т а (одна). Не видно в море никакого корабля! Какой яркий свет горит везде — должно быть, весело сейчас в мире жить!.. Шум какой-то слышен! Что там делается на всем свете? (Озадаченно всматривается в пространство и прислушивается.) Там империализм, там скучно и жутко, я одна здесь на берегу, а позади меня весь целый Советский Союз большевиков... Но я

ослабла, на мне ребра стали видны, меня муж любить не будет... Скорее надо зимние овчарни делать, хлеб беречь буду, сама караулить, сама не спать...

Слышен далекий гармонический гул. Суенита следит за небом.

Аэроплан летит над пустыней! Он тоже наш — в нем капля нашей колхозной крови. Пусть летит выше, мы вытерпим!

Приходит КСЕНЯ.

К с е н я. Суня! Еды нету никакой, мужики все томятся. Антошка блюет — бешеной травы сейчас наелся.

С у е н и т а. Надо хлеб и овец было беречь от кулаков. Пусть терпят теперь — это им наука и техника.

К с е н я. Во мне молоко пропадает — детей наших с тобой нечем кормить.

С у е н и т а. Сукровицу выдавливай из себя, как я своего вчера кормила.

К с е н я. Суня, народ ведь подымется?

С у е н и т а. Подкулачники — не народ, они лягут, а не подымутся.

К с е н я. Суенита, неужели душе с телом расставаться от жизни такой?

С у е н и т а. Ксюша! Ты меня на Бога берешь! Ступай к чёрту! Давала сосать моему мальчику?

К с е н я. Давала. Твой мужик ему жеванный хлеб в рот сует — он с собой куски принес.

С у е н и т а. Пусть сует... Слушай, возьми моего мужика, ступай скорей на мясной совхоз — может, за всю траву нашу они овцу нам променяют!

К с е н я. А ребенка кто накормит без меня?

С у е н и т а. Я накормлю, уходи скорей.

К с е н я. У тебя молоко высохло.

С у е н и т а. Не твоя забота, кости свои дам глотать.

К с е н я (дружелюбно). Суня, а ты сама давно не ела?

Суенита. Я в Астрахани уху хлебала, двенадцать дней прошло.

Ксеня. А как же ты?..

Суенита. Ступай отсюда, как я велела! Ты меня не пугай и не ласкайся: ишь, кулацкая неженка какая, то в драку лезет, то в слезы.

Ксеня. Не бурчи ты на меня, сучья старушка стала какая! Несимпатично глядеть на тебя: аж противно! (Отправляется.)

Суенита (зовет). Дедушка Хоз!

Голос Хоза. Иду, девочка! Не шевелись там пока без меня.

Суенита. Ну скорее же!

Является ХОЗ.

Хоз. Скучно тебе, когда меня нет?

Суенита. Да вот, скучно!.. Дедушка, знаешь, что я тебя уже постепенно люблю.

Хоз. Люби понемногу. Но дедушка тебя любить не будет.

Суенита. А любил за что?

Хоз. За мнимость твою. Ты пустое обольщение для моей грусти.

Суенита. Это правда. Я никогда не зазнавалась — я пустое обольщение.

Хоз. Мне известно с точностью всемирное устройство. Оно состоит сплошь из стечения психующих пустяков. И в тебе нет ничего лучшего!

Суенита (ложится на землю). Во мне тоже пустяки, дедушка, я их чувствую.

Хоз. Ты лишь бедное тело, болеющее от стесненного в нем грустного вещества...

Суенита. Во мне мало осталось вещества, я давно не ела.

Хоз. Это безразлично. Я сто лет ел и всё равно ничтожный.

Суенита. Дедушка Хоз, ты великий ученый всего мира, накорми колхоз!

Х о з. Как же, девочка?..

С у е н и т а. Ты выдумай, ты как-нибудь химически! К нам смерть идет — попробуй мои кости.

Хоз пробует кости Суениты.

Х о з. Ты худая... Я слышу твое сердце — оно близко теперь стало.

С у е н и т а. Скоро оно совсем наружу пробьется... Я спать захотела.

Х о з. Не спи, вечная моя. Поговори со мной, — мне скучно.

С у е н и т а. Выдумай нам пищу поскорей. Ты знаешь вещество всего мира — оно ведь пустяки, ты сам говорил.

Краткая пауза.

Думай же скорее — тебе всё известно.

Х о з. Я уже думаю. Поцелуй меня.

С у е н и т а. Успеешь. Сначала пищу выдумай нам: хоть немножко.

Х о з. Сейчас.

Пауза. Хоз ворочается по земле в томлении тщетной мысли.

С у е н и т а. Ну как — тебе думается?

Х о з. Думается.

С у е н и т а. Выдумал?

Х о з. Нет еще. Не приставай с пустяками. Я спать хочу.

В глубине колхоза заплакали грудные дети.

С у е н и т а. Ну спи. Я детей пойду кормить.

Х о з. Чем ты кормить их будешь? Ты иссохла вся.

С у е н и т а. Чего-нибудь выдавлю из себя, может — кровь пойдет. *(Уходит.)*

Х о з *(один, лёжа)*. Как выдумать мне хлеб колхозу... Никто же ничего не думает на свете! И мысли нету никакой, есть лишь жульничество и комбинация случайности...

Является ИНТЕРГОМ с чемоданом. Она замечает Хоза.

Интергом. Ах, это ты, Иоганн? Ты здесь, ты жив-здоров и слава Богу?

Хоз (вставая с земли). Интергом! Верное безумное дитя мое!

Интергом (прижимаясь к Хозу, говорит быстро). Я десять дней ездила на авто по степи одна. Шофер умер. Я искала тебя по местной республике, авто стоит в районе, где вся власть, я семьдесят километров шла пешком, мне сказали — господин Хоз в избушках живет, и — хорошо! Я с тобой буду опять без разлуки! Господин Уборняк дал мне командировку во весь Советский Союз — искать древние страшные силы против революции, а сил нет, я искала, устала, не нашла. Он триумфальный мужчина! Я жила прелестно, но он не марксист и у него взяли... как она зовется?.. Лошадь, которой делают карьеру!.. Милый мой, Иоганн, как ты измучился, вечный мой дедушка-муж? (Целует Хоза.)

Хоз. Подожди, ничтожная! Ты знаешь — я люблю ласкаться радикально.

Интергом. Я тоже теперь халтурить не люблю.

Хоз. Халтурить! Кто ты такая теперь?

Интергом. Я теперь марксистка, Иоганн. Меня господин Уборняк научил — это так не трудно и приятно, все так удивлялись мне и обожали! Так интересно жить и умереть за всех трудящихся! Я в партию хочу, я буду бороться!! Только я одно забыла, мне советовали быть как можно... как можно... сознательней? — серьезней?.. Нет!.. Еще как-то быть!..

Хоз. Бдительней!

Интергом. Ну да! Ты догадался, ты гениальный!

Краткая пауза.

Хоз. Но откуда ты — сволочь такая? Кто тебя выдумал?

Интергом. Я не сволочь. Я научилась всей прелести и бонтону в московских домах общественности. Я перестроилась!

Х о з (*серьезно и грустно*). Слушай меня, девчонка! Здесь живут большевики, а не Уборняки, тебя выгонят отсюда.

И н т е р г о м. Очковтирательство! Недооценка! Я идеологический работник, я боец культфронта, я три очерка уже написала и пьесу пополам! Я член Всесоюзного Союза Советских Писателей, от меня ждут вырастания качества, меня везде сберегут.

Х о з (*задумываясь*). Ты права, Интергом. Если мир пропадает, значит, ты живешь. Что у тебя в чемодане?

И н т е р г о м. Пища и гигиена.

Х о з. Хорошо. Пойдем теперь радикально ласкаться. Кроме чувства, ничего не выдумаешь!

И н т е р г о м. Ах, Иоганн! Но куда?

Х о з. Вот сюда! (*Указывает на тюремный кузов.*)

И н т е р г о м. Ну скорее только! Я вся завяла в дороге: без любви нет полной гигиены.

Уходят оба в плетеный кузов.

Пауза.

Слышен напевающий голос Суениты, баюкающий ребенка. Она поет примерно следующее:

Спи, просыпайся нескоро,
Спи и во сне не скучай,
Вырастут наши коровы,
Будем пить с сахаром чай.

Суенита зовет: «Дедушка Хоз!»

Молчание.

СУЕНИТА входит на сцену, закутывая ребенка и прижимая его к своей груди.

Су е н и т а. Но грудь моя тоже холодная стала... Куда же девать мне его, чтобы он согрелся? В живот спрятать опять? Там тесно, он задохнется. А здесь просторно и пусто, он умрет. (*Разглядывает своего ребенка.*) Ты сильно мучаешься, или нет? Скажи, что не сильно! Скажи мне что-нибудь! Что же ты закрыл глаза и молчишь! О чем ты думаешь сейчас один?

Плетеный кузов пошевеливается: оттуда начинают раздаваться редкие скрипящие звуки. Звуки эти повторяются. Суенита прислушивается, не уясняя причины этих звуков.

Что это — едет кто-то далеко!.. Остановился! Приезжай скорее, нам скучно! *(Склоняется.)*

Прибегает АНТОН.

А н т о н. Тело смертью томиться начинает! Сознание боюсь потерять! Народ умолк и дремлет лежит.

Су е н и т а. А он дышит еще?

А н т о н. Я всем велел дышать без остановки! Кто продышит до вечера, тому трудовень запишу!

Су е н и т а. Не надо, Антошка! Это ошибка, у нас отчетность не примут!

А н т о н. Все не без ошибки, на ошибках учимся. Я десять дней продовольствия не ел — руки работают, тело мчится, а голова не думает ничего!.. *(Мечется по сцене.)*

Су е н и т а. Кому променять себя на хлеб и крупу для колхоза? Антошка, где взять мне еду для неевших? *(Садится на землю в печали.)*

Звуки из плетеного кузова прекращаются.

А н т о н. Еду пора теперь организовать! Нагревай ребенка, храни его жизнь в запас будущности!

Су е н и т а. Я храню его.

А н т о н. Он будет жить вечно в коммунизме!

Су е н и т а *(разглядывая ребенка)*. Нет, он умер теперь. *(Подает ребенка Антону.)*

А н т о н *(беря ребенка)*. Факт: умер навсегда.

Клокочущий гортанный крик Интергом из плетеного кузова.

Су е н и т а. Женщина где-то умерла!

А н т о н. Неважно. Вскоре наука всего достигнет: твой ребенок и все досрочно погибшие люди, могущие дать пользу, будут бессмертно оживляться, обратно к активности!

Краткая пауза.

Суенита. Нет. Не обманывайте меня. Дай мне ребенка — я буду плакать по нем. Больше ничего не будет. *(Берет ребенка у Антона.)*

Антон. Плачь сиди, как дождь. А мы будем рассматривать слезы как саботаж действия! *(Исчезает.)*

Из плетеного кузова выходит ХОЗ.

Хоз. Плачь, Суенита!

Суенита. Я вытерплю.

Хоз. Я слышал всё, моя девочка! Как же нам жить теперь с тобой?..

Суенита. А ты выдумал еду для колхоза?

Хоз. Выдумал. Я задушил сейчас классового врага, и от него осталась пища — колбаса, масло, стабильное молоко, хочешь кушать?

Суенита. Где?

Хоз. Возьми в тюремной избушке. Там лежит Интергом — моя бывшая европейская женщина. Я оборвал ее дыхание...

Суенита. За что ты убил ее?

Хоз. Она опасна для тебя и всего социализма — она опасней старого империализма.

Краткая пауза.

Суенита. Уходи от нас, дедушка Хоз.

Хоз. Некуда, Суенита.

Суенита. Найдется. Лучше уходи. Мы похороним твою женщину в могилу, мы наедемся своей едой... Ты — пустяк!

Хоз. Где же мне быть, Суенита?

Суенита. Возьми и умри.

Хоз. Пора, пожалуй... Уже поздно стало на свете! Хотя тоже — юмористика! Что такое смерть? — Сырье для глупейших стихий!.. Некуда исчезнуть серьезному человеку!

Суенита. Подержи моего мертвого сына. Я лицо

пойду вымою в море. *(Встает с земли, отдает ребенка Хозу и уходит.)*

Х о з (один, к ребенку). Ты уже умер, маленький человек. Ты — остывшая плоть Суениты, ты милый, маленький мой! *(Целует ребенка.)* Ну что ж, давай ляжем рядом на землю, я тоже умру вместе с тобой. *(Ложится на землю, кладет рядом с собой ребенка и обнимает его.)* Пусть в глазах потемнеет свет и сердце перестанет раздражаться... Боже мой, Боже мой — детский и забытый!

Являются КСЕНЯ и ГАРМАЛОВ.

К с е н я. А где же Суня-то?.. Все спят, чего-то лежат, досадные какие!

Показывается СУЕНИТА.

С у е н и т а. Сменяли траву?

К с е н я. Шут ее сменяет! Приказчика встретили колхозного: у вас полынй, говорит, одна растет, от нее шерсть у овцы не всходит, жуйте ее сами впроголодь!.. Вот тебе и колхоз: помирай теперь! Эх, думали-гадали!.. Мой малый уж обомлелый лежит.

С у е н и т а. А мой — мертвый!

Г а р м а л о в. Кто мертвый?! *(Бросается к ребенку, лежащему с Хозом.)* Слабый ты мой, чего же я чувствовать буду без тебя!.. Я жить теперь сомневаюсь! *(Ослабевает над своим сыном.)*

Х о з. Не шуми надо мной, гражданин, дай мне покой... Ксюша, принеси мне на ночь химикалия какого-нибудь!

К с е н я. Жижки тебе надо навозной, старый паралич! Хоть бы ты сдох, я бы съела тебя! *(Кричит.)* Химия! Я все бельма выпцарапаю тебе за судьбу нашу такую! *(Исчезает со сцены.)*

Вбегает АНТОН.

А н т о н. Контрреволюция развязывает себе руки!! *(Падает на землю от слабости. Снова поднимается.)* Это

ничего, мой разум жив, идея цела полностью, в одном только теле лежит гнездо голода, а больше нигде! Я встану еще и брошусь вперед до победы! Да здравствует... (Забывается.)

Гармалов (поднимаясь от ребенка, к Суените). Ты чего ж здесь дисциплину распустила, что еды нету и дети помирают!

Суенита. Умер один наш ребенок: ты его хлебом обкормил. Больше никто — все живы. (Задыхаясь, напевает.)

Нулимбатуя, нулимбатуя,
Аляйля, бедная моя...

(Хватает ребенка.) Слабый ты мой! (Несколько успокаивается, кладет ребенка вплотную к Хозу.) Согревай его!

Хоз. Я сам холодею.

Гармалов. Прочь горе! Опомнимся! Мы не семейство, мы всё человечество! Пора терпеть и трудиться — давай мне наряд, пока ум опомнился.

Суенита. Опустит в море этот тюремный кузов. Поправь на нем погуще колючую проволоку, мы рыбы наловим, мы тогда наедемся...

Гармалов. Ага, это рационализация, я понимаю! Я вентарь, я ловушку сделаю для подводной рыбы, я это знаю. А приманку где взять?

Суенита. Я дам ее тебе потом.

Гармалов. А веревку толстую!

Суенита. В колхозе сыщи.

Гармалов. Там нету.

Суенита. Тогда я волосы обрежу свои...

Гармалов. Не надо — я веревку пойду построю. (Уходит.)

Суенита. Дедушка Хоз!

Хоз молчит.

Антошка! Вставай, скоро есть начнем.

Антон молчит.

(Близко склоняясь к Хозу.) Дедушка Иван! Ты притворяешься? (Ощупывает его.) Нет, он умер уже: его нету!.. Дедушка! Не притворяйся, у тебя щека теплая... Дедушка Иван, ведь смерть — пустяк, а ты умер! (Тихо плачет над Хозом.)

Антон. Неприлично глядеть, если плачут над чужим человеком... У меня один глаз не закрылся — я всё вижу!

Суенита. Он Карла Маркса знал и счетоводом у нас работал, вот я и плачу. Я хозяйка в колхозе, я должна его жалеть.

Антон. У меня чистый разум, а это диалектика! Слезам я не возражаю.

Суенита. Спи, Антошка!

Антон. Сон без пищи заменяет хлеб. Я сплю.

Суенита. Если все помрут, я одна останусь. Кому-нибудь надо быть, а то плохо станет на свете, вот что.

Хоз (встает и садится). Думал, что умер, засмеялся и проснулся.

Суенита. Не будешь больше умирать?

Хоз. Не выходит ничего, девочка, смерть же — это вещь несерьезная.

Суенита (садясь рядом с Хозом). А как же ты будешь теперь?

Хоз. Никак. Буду неподвижно томиться среди исторического течения. Я такой же пустяк, как всё живое и мертвое. Понять всё можно, сирота моя, а спастись некуда.

Суенита (печально). Ты уйдешь от нас?

Хоз. Я пойду. Вы надоели мне со своей юностью, энтузиазмом, трудоспособностью, верой в будущее. Вы стоите у начала, а я знаю уже конец. Мы не пойдем друг друга. Прощай, Суня!

Суенита. Прощай, дедушка, навеки! (Бросается к Хозу, обнимает его и целует в губы.)

Х о з (*держит Суениту в объятиях*). Навеки?! Нет, с тобой навеки прощаться нельзя... Я еще вернусь к тебе, но — не скоро! Когда и ты уже будешь старушкой, бедная, худая моя, глупая теплота моего старого сердца... (*Целует Суениту в глаза. Затем отстраняется от нее и уходит со сцены.*)

Пауза.

На море показывается белый парус маленького рыбацкого судна; над белым полотном паруса — красный флаг. Суенита паруса не видит.

Су е н и т а. Ребенок мой не дышит. Дедушка Хоз ушел. Скоро уже вечер — как скучно делается мне одной!

А н т о н (*вскакивая на ноги*). Я с тобой один остался до полной победы — кто кого — на эн количество веки веков! (*Падает снова на землю.*)

Су е н и т а (*равнодушно видит парус*). Вон корабль наш плывет, хлеб и овцы едут домой... Один ребенок мой не чувствует ничего... Пойду колхоз разбужу.

На сцене остается лежать Антон и рядом с ним мертвый ребенок Суениты.

На море — парус.

Пауза.

А н т о н (*вскакивая в рост*). Пора вперед!! (*Мгновенно исчезает.*)

К О Н Е Ц

Из книг „Итак, итог” и „Вне России”

*Моей дочери Ольге**

Садится солнце за рекой Казанкой.
Вдали. В пыли.
Земля земная кажется изнанкой
Иной Земли.
Чернеют деревянные скелеты
Над пустырём.
И мысли непонятны и нелепы
И ни о чём.
Нам никуда не выбраться, не деться,
Везде — заслон.
Садится Солнце, дальше, как детство,
Во тьму времён.
И так пустынно на Земле заклётой,
И как во сне
И судороги зимнего заката
И синий снег.

*Из поэтоочерка № 5 «7 раз Казань».
Москва, 71.*

* Ольга Иофе (р. в 1950) — студентка МГУ. Была арестована 1.12.69 г. и судима Мосгорсудом 20.8.70 г. Осуждена по 70 ст. УК РСФСР (за «активное участие в изготовлении листовок анти-советского содержания и хранение и распространение документов антисоветского содержания»). После «экспертизы» в ин-туте им. Сербского, где она была «признана невменяемой», суд направил О. Иофе в Казанскую психотюрьму. 28.7.71 Ольга Иофе была освобождена (см. «Хронику текущих событий» №№ 11, 15, 16, 21, и 24). — Р е д.

Небо тяжкое, стопудовое,
И облезлая осень мертва.
Здравствуй, лагерная Мордовия,
Замордованная мордва!
Пахнет падалью ветер Севера,
И торчат из грязи вразброс
То осина, иудино дерево,
То кривые скелеты берёз.
Кособокая, необутая,
Плачь, Мордовия, день и ночь!
Злою проволокой окутанная,
Не помочь тебе, не помочь...
И бредут-ползут жёны вдовы,
Старики ползут к сыновьям —
По Мордовии, по Мордовии,
Уподобившись муравьям.
И не спится мне ночью чёрною
Возле лагерной проходной.
Ах, Мордовия, заключённая!
Ах, Мордовия, край родной!

19-й лагпункт.

Мордовия 72.

Не знаю, легко или трудно
К стране прилепиться другой.
Как в детстве, МОГЕС пятитрубный
Дымит над Москвою-рекой,
И так же Ордынка щербата,
И так же Татарка темна.
И красную заводь заката,
Как в детстве, видать из окна.
Сегодня, вчера и когда-то,
В безумье, в смятенье, в тоске,
Студентом ходил и солдатом
По этой по самой Москве.

И, видимо, стыдно и странно,
Что я не осилил беду,
Что в дальние вольные страны
Теперь без оглядки бегу.

Москва, 72.

С. С. Курдюкову

Пусть Россия черна, не бела.
Но какой бы она ни была,
Только в ней для меня белый свет.
Ибо вне — и дыхания нет.
Что мне блеск чужеземной страны?
Плотный плеск средиземной волны?
Кипарисовый рай во дворе?
Обольщенья ночных кабаре?
Всё постыло, ни встать и ни лечь.
И настырна нерусская речь.
Страшен чёрный провал впереди.
Отойди от меня. Отойди.

Иерусалим, 72.

Пыль . . . Пыль . . . Солнце

(Этюд о детстве)

Пыль, пыль, пыль, пыль... И солнце. В ветреный день, особенно когда пересекаешь чудовищно огромную главную площадь, пыль взмывается облаком, скрипит на зубах. Город в степи. Ставрополь Кавказский. Почему Кавказский? Гор отсюда как бы и не видать. Впрочем, размышлять мне об этом некогда; у меня и без того дел по горло. Скоро, через два... Через три! Нет, через четыре месяца мне исполнится восемь лет.

Здесь прямые, обсаженные высокими тополями улицы. Белые одноэтажные домики. Улица, на которой мы живем, называется Барятинской. Если идешь в центр города, то непременно пройдешь мимо кондитерской. Там продают слоеные пирожные «наполеон», но без сахара. Это что-то не то. Не лежит сердце. В общем же здесь не плохо. Нет веселой и хорошенькой чернушки мадемуазель Люси, но нет и французских уроков. Скромный, боязливый молодой человек учит нас с сестрой лишь русскому и арифметике, да и то через пень-колоду: мы его не слушаем. Правда, нет электричества. В первый раз я живу там, где нет электричества. По вечерам наши комнаты освещаются забавными пузатыми лампами, и противно пахнет керосином. Еще хуже: нет трамваев. В Киеве и в Одессе были трамваи; что же теперь с моей мечтой стать вагоновожатым? Никогда в жизни не видеть трамваев? Брр... Самое же скверное: нет сахара. Взрослые говорят — во всем городе ни кусочка. По утрам мама варит нам какао и кладет в него мед. Это сладко. Но это не сахар.

Мы снимаем комнаты у старушки Вильгельмины Карловны, румяной, круглолицей и близорукой. Каждый день разноцветной метелкой она сметает пыль с потолка, а потом наводит на потолок маленький перламутровый бинокль: не осталось ли пылинки?

Выйти из дому, спуститься вниз по невысокой лестнице — вот и двор. Затем — узкая полоска садика, клумбочки и папоротники, и забор. В заборе калитка. Дальше — точно такой же садик, точно такой же двор, точно такой же дом. Там живет зеркальное отражение Вильгельмины Карловны, ее сестра Леопольдина Карловна, и с ней — огромный черный кот Теодор, или Тео.

У Леопольдины Карловны снимает комнаты одна семья. У ней дочь Люда. Мы с ней играем в палочку-стукалочку и прыгаем на одной ноге по «классам», выведенным на песчаном дворе квадратам. Каждый день до половины первого — сухо и жарко. В половине же первого небо затягивает черная простыня и грохочет страшная гроза. А в два — снова тихо сияет солнце и прихоращивается, стряхивая капли, всякая Божья тварь.

Да, я забыл сказать: играть с Людой не так интересно. Гораздо интереснее пробраться в соседний дровяной двор. Вот там, у штабелей бревен и досок, собирается компания! Все босиком, мальчишки вихрастые, девчонки в заплатанных платьях. Я и сам во дворе бегаю босоногий, но кажусь им богачом: у меня есть деревянный аэроплан. Он не летает, но если вообразить, — ринется за облака. Здесь играть куда веселее.

Здесь есть одна: веснушчатая, с большущими серыми глазами, лет двенадцати, зовут ее Домна, а то и Домка. «Ты не наш», — как-то грустно сказала она мне, держа меня за руку и глядя по голове.

«Не наш?» Как это «не наш»?

А однажды все они сбились в кружок и хором спели песню. Заунывную. Но она мне понравилась.

Товарищ, товарищ мой бедный,
За что ты попал в рудники?
От вас я, братцы, не скрою,
Не скрою от вас я ничего.

И дальше — что-то очень долгое, заунывное и грустное. Но красивое! Рудники — это там, где копают землю. В наказание. Вот как папа на днях меня отшлепал. Он хитрый: лежа на диване после обеда, притворился спящим. А на столе стояла бутылка вина, прописанного почему-то врачом сестре. Я и хлебнул из бутылки. А папа возьми да открой глаза.

— Ты пил из бутылки?

— Нет.

— А ну подойди,дохни...

Папа... Он то появляется, то исчезает. Тогда мама говорит: «Папа на фронте». Фронт — это там, где стреляют: я уже знаю. Там очень интересно и весело, хотя и страшновато. Но не мне. Я ничего не боюсь.

У папы на рукаве нашиты четыре ленточки: три золотых и одна серебряная. Мне говорят: золотые — за раны, а серебряная — за контузию. Что такое контузия, я не знаю, а вот что такое рана, знаю очень хорошо: в прошлом году в Киеве я сам был ранен. И не как-нибудь: из огнестрельного оружия, как на фронте. Стащил из папиного письменного стола пистолет (системы «Штеер»), трофейный, австрийский. Как было мне не знать? И начал его вертеть, как полагается, в правой руке: хотел отыскать мушку. Вдруг что-то громко лопнуло. Глаза на миг застило дымом. По левой руке побежали мурашки: от плеча к кончикам пальцев. В комнату — вот это было смешно! — не вошла, а влетела, курицей растопыря крылья, бабушка. Хлоп на колени перед образами и ну креститься обеими руками: «Благодарю Тебя, он жив!» Такого я еще никогда не видывал! Прибежала мама, что-то сердито крикнула бабушке, повела меня в ванную, и тут я впервые увидел свою руку: страшная, черная от дыма, с красным пятном выше запястья. А откуда-то выше локтя тоже капала кровь: рана оказалась сквозной. Дальше провал: открыл глаза уже в кровати.

Самым интересным было, когда меня потом возили в госпиталь на электризацию: и езда трамваем, и разбросанные среди газонов уютные кирпично-красные домики переоборудованного под госпиталь женского монастыря, и сама электризация, то мокрая, то сухая; то проводили по руке валиком, то клали ее в ванночку с теплой водой и пускали слабый ток.

Но золотой ленты на рукав так мне и не нашили. Должно быть, забыли. Забыл (странно, он никогда ничего не забывал) и папа свою угрозу: выдрать меня, когда я поправлюсь. Так что о ленте лучше не заговаривать.

Ставрополь... Я стою рядом с папой на тротуаре. Мимо проходят солдаты. Все одинаковы, как игрушки. На всех зеленое: фуражки, рубахи, брюки. Солдаты машут руками и поют. Слова уже давно мне знакомы.

Смела-а мы в бой пойдем
За Русь святую-у
И как один прольем
Кровь ма-аладую...

«...нение на-право!» Солдаты перестают махать руками и смотрят вскинув головы, на папу и на меня. Папа прикладывает руку к фуражке, я — просто к виску (где моя шапчонка? И есть ли еще она у меня вообще?). «Тыл губит армию», — сказал как-то папа маме. Армия — это зеленые солдатики, много-много солдатиков. А что такое тыл? Я представляю себе огромного мохнатого паука, хватающего то одного, то другого солдата. Когда я вырасту большим, я тыл убью. Вот этой папиной саблей.

— Папа, дай мне твою саблю.

— У меня не сабля, а шашка. Сабля у дяди Боба, — поправляет папа.

— Да, конечно, шашка, — мямлю я, — я знал, да только забыл.

Папина шашка мне нравится. Особенно белый крестик, вделанный в рукоять, и черно-оранжевая полосатая лента с золотистым помпоном на конце. Но вынимать шашку из ножен мне строго-настрого запрещено. Жаль. А то промчаться бы, размахивая ею, по деревянному дворику верхом на белом коне!

У меня есть одна тайна. Вдоль тротуаров здесь, на иных улицах прорыты канавки, а по канавкам журчит вода. На перекрестках канавки исчезают в небольших, выложенных камнем тоннелях. И вот, в одном из входов в такой тоннель, я обнаружил зверька. Он как мышь: острая мордочка и длинный-длинный хвост, — только гораздо крупнее, больше даже Тео. Он рыжеватого-серого цвета. Каждый раз, когда я прохожу мимо и вижу зверька, я наклоняюсь и протягиваю в канавку руку: мне хочется взять зверька, приласкать его, быть может, приручить. Но зверек не хочет приручаться. Он уходит в тоннель и оттуда видны только его поблескивающие зеленоватым светом глазки. Никому на деревянном дворе я не говорю о зверьке: неровен час, может быть, захотят перехватить его у меня и приручить сами.

Мы ездили на автомобиле в село Московское. Правил папин товарищ, Николай Иванович Бородин, а рядом с ним восседал его брат Адриан Иванович. У обоих окладистые, по грудь, темно-каштановые бороды. Вокруг степь; вдали синяя полоска леса. Вдруг — переезд через железнодорожное полотно. Станция со странным, но звучным именем Пелагиада (это имя я уже слышал; иногда говорили: «у Пелагиады опять стреляли»). За станционными постройками белые стены, а за ними возвышаются, горя на солнце, золотые купола. Это женский монастырь. Там, в чистой-чистой комнате поила нас чаем и угощала необыкновенно вкусным сотовым медом матушка-игуменья. Рассказывала, как однажды разбойники ломились ночью в монастырь, даже стреляли, да крепкие ворота, надежные, вот и отсиделись матери, лишь страху натерпелись. И снова солн-

це, степь да бесконечная синяя полоска вдали. На полдороге остановка. Потеряв часы на ремонт автомобиля, приехали в Московское, когда уже стемнело. О возвращении домой в тот же день нельзя было и думать.

Двор. Во дворе наш автомобиль, крышка кузова поднята. Над ним склонились братья Бородины, рассматривая какие-то там свечи. Вокруг, затаив дыхание, толпятся дети. Слева темнеет дом. Это дом священника. Поповичи зеркалом поймали свет автомобильных фар и направили зайчик куда-то вбок и вверх. Серебряное пятно сделало на миг зримым край колокольни. И снова она исчезла: как в сказке.

Заночевали у священника, в какой-то большой комнате без мебели, прямо на одеялах, постеленных прямо на полу.

Уехали утром; батюшка подарил ведро абрикосов. Всю дорогу я запускал в ведро руку: уж до чего сочной и сладкой была их желтая мякоть! Приехав домой, узнали, что в городе была тревога: не явившихся на службу братьев Бородиных и нас искали повсюду, боялись, что где-то за городом нас похитили и увели с собой разбойники. А мне целый-целехонький день ничего не давали есть. Ах, абрикосы...

Как часто я скакал, рубился на всем скаку, совершал самые отчаянные подвиги — и всё в рядах волчьей сотни под командованием прославленного героя генерала Шкуро, освободившего от злых большевиков Ставрополь.

И вот теперь я слышу: генерал Шкуро приезжает в Ставрополь. Город готовит своему освободителю торжественную встречу.

С утра на тротуарах толпы. Я стою где-то поближе к холму, на котором белые здания губернаторского дома и Ольгинской женской гимназии. Проходит час — другой. Вдруг тысячеголосое надсадное ревущее «рр-а-а-а-!» В автомобиле — краснощекий, курносый, рыжеусый, в черкеске, с рыжим клоком волос из-под папахи.

И никакого волчьего хвоста на ней нет. Рыжеусый улыбается, раскланивается, прикладывает к папахе руку. Я разочарован: разве герой может быть рыжим? И потом: куда девался волчий хвост?

Мы уезжаем. В Ялту. Через Новороссийск (помню: бухта, катер, изумительное чувство легкости, когда катер летит по волнам), и затем морем. Есть ли в Ялте трамвай?

К вокзалу — в грузовике перед рассветом. Но небо быстро сереет. Главная улица. Высятся громады: такими кажутся трех-четырёхэтажные дома в одноэтажном Ставрополе. К небу устремлены тополя. Тихо. Начинается рассвет. На опаловом небе ни облачка. Но в половине первого сойдутся тучи и хлынет гроза. А в два — снова засияет солнце. Товарные вагоны. Две платформы: одна — в одном конце поезда, другая — в другом. На них маленькие, будто игрушечные, пушки. «Легкая артиллерия», — бросив опытный взгляд знатока, определяю я.

Половина одного вагона чудесным образом превращена в купе. Вдоль стен — вынутые из автомобиля диваны.

С нами — братья Бородины. Им поручена охрана транспорта. Транспорт — это, очевидно, все мы, в том числе и я. Меня охраняют. Я горд.

Гдонн!.. Первый звонок. Гдонн. Гдонн... Второй. Гдонн, гдонн, гдонн...

В раскрытую пасть вагона врывается порозовевшее на холодке утро. Братья Бородины, как по команде, разом снимают фуражки и крестятся. Мимо проплывает вокзал. «СТАВ-РО-ПОЛЬ КАВ-КАЗ-СКИЙ»...

Когда моя душа взглянет сверху на оставленные мной родные места — город многокупольный и многохолмный на Днепре, и еще города и села, степи и леса, и

пролески, то увидит она и Ставрополь Кавказский. Об-
ратясь в прошлое, увидит она, как в февральский бу-
ран двадцатого года падает с лошади наземь в предкав-
казских степях папа — в своей длинной серой шинели,
с любимой шашкой на бедре. Ни шинель, ни шашка
ему больше не нужны.

А если еще чуть-чуть — на несколько лишь меся-
цев вспять! — понапрячь зрение, то увидит душа бело-
брысого босого мальчишку, бегающего по дровяному
двору, что на Барятинской улице, там, где пыль и солн-
це. Много, много солнца.

Глеб Рар

Вступительные замечания к воспоминаниям А. Краснова «Закат обновленчества»

Обобщающих аналитических работ об «обновленчестве» пока не существует. Основные фактические данные и некоторую документацию можно, правда, почерпнуть из книг всех авторов, русских и иностранных, излагавших историю Русской Церкви советского периода. Особенно подробно темы об обновленчестве коснулся J. Chrysostomus в своей трехтомной «Kirchengeschichte Rußlands der neuesten Zeit», Мюнхен и Зальцбург, 1965-1968.

Работы самих обновленцев — А. Введенского, проф. Б. Титлинова и других — все были напечатаны в 1922-1923 годах и освещают только лишь начальный период их деятельности. Почти то же самое можно сказать о книге их оппонента проф. С. Троицкого «Что такое Живая церковь?», которая вышла в 1927 году в Варшаве.

Из иностранных авторов специальную статью обновленчеству посвятил R. Stupperich. Его работа «Живая церковь» вошла в третий том сборника «Kirche im Osten», который был опубликован в 1960 году в Мюнстере.

Пропагандисты атеизма, такие как Е. Ярославский, И. Степанов и В. Бонч-Бруевич, в 1922-1927 годах опубликовали ряд книг и брошюр, носящих, однако, полемический характер и научной ценности почти не представляющих. После войны попытку обобщающей оценки обновленчества с официальных коммунистических позиций сделали М. Шейнман («Обновленческое течение в русской православной церкви после Октября», статья в «Вопросах атеизма», выпуск 2, Москва, 1966) и А. Шишкин («Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви», Казань, 1970).

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В Московской духовной академии в 1957 году защитил магистерскую диссертацию «Обновленческий раскол» архиепископ Сергей Ларин. Лишь одна глава (из семи) этой работы появилась в печати в №№ 45-48 (1964) парижского «Вестника Русского западноевропейского патриаршего экзархата».

В конце 1950-х годов написал, совместно с В. Шавровым, свои «Очерки по истории русской церковной смуты» А. Левитин (литературный псевдоним А. Краснов). Первая часть этих «Очерков» (170 журнальных страниц) была опубликована в 1966-1967 годах в №№ 85-88 нью-йоркского «Нового журнала». Она покрывает период времени до начала 1923 года, то есть, как и опубликованная II глава диссертации архиепископа Сергея Ларина, рассматривает только самый начальный период деятельности обновленцев. Судя, однако, по «Хронике текущих событий» от 31 октября 1969 года (см. Третий специальный выпуск «Посева»), работа А. Левитина-Краснова и В. Шаврова была полностью закончена и составила три тома. О местонахождении неопубликованных частей «Очерков по истории русской церковной смуты» у нас сведений нет.

Воспоминания А. Краснова «Закат обновленчества» не могут рассматриваться как заключительная глава «Очерков по истории русской церковной смуты». И там личные воспоминания одного из авторов восполняли многочисленные пробелы документации (архиепископ Сергей Ларин использует немало документов, которые В. Шаврову и А. Левитину, очевидно, не были доступны). «Закат обновленчества» уже полностью носит характер личных воспоминаний.

О себе А. Э. Левитин писал:

«Мой отец в свое время принял крещение (из чисто утилитарных соображений). Это дало ему возможность окончить Киевский университет и стать чиновником (мировым судьей)... жил в городе Баку, где я и родился... Мать моя — более «аристократического» происхождения: чистокровная русачка, она, будучи дочерью учителя словесности Тифлисской гимназии, выросла в интеллигентной среде... Дед был в молодости личным другом Н. Г. Чернышевского и на всю жизнь остался убежденным атеистом. Такой же атеисткой является моя мать (ныне

жена одного из крупных деятелей советского театра — народного артиста РСФСР и старого коммуниста). Мой отец также был человеком глубоко равнодушным к религии... питал непреодолимое отвращение к моим идеям. Именно по его настоянию я дал слово, что буду называться псевдонимом. «Не хочу, чтобы мое имя болталось под всякой поповской галиматьей», говорил мне Эммануил Ильич».

А. Э. Левитин родился в 1915 году. С 1920 года семья жила в Петрограде-Ленинграде, где Анатолий Эммануилович окончил среднюю школу, педагогический техникум и педагогический институт имени Герцена. Еще учеником педагогического техникума вошел в обновленческие церковные круги и по доносу «архиепископа Лужского» Н. Платонова впервые подвергся аресту, правда, на этот раз краткосрочному. В июне 1941 года А. Э. Левитина мобилизовали в армию. Участвовал в обороне Ленинграда, заболел дистрофией, в 1943 году был вывезен в тыл и поехал в Ульяновск к идейному вождю обновленцев А. Введенскому.

В 1949 году, уже после смерти А. Введенского, по доносу его старшего сына А. Э. Левитин вновь подвергается аресту. «Я действительно в резких выражениях выступал против культа личности Сталина, я выражал свое возмущение зверскими актами бывшего МГБ, — вспоминает А. Э. Левитин в одной из своих полемических статей против журнала «Наука и религия». — Я не мог молчать перед лицом этих зверств и горячо осуждал князей Церкви за то, что они молчат».

В 1956 году «дело» Анатолия Эммануиловича было «производством прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения», и он смог вернуться к педагогической деятельности. Но уже в конце 1959 года или в начале 1960 его заставили уйти из школы после того, как одна из статей А. Э. Левитина на религиозную тему, переданная им писателю В. Тендрякову, оказалась в редакции журнала «Наука и религия», где расшифровали его псевдоним и добились отстранения А. Э. Левитина от работы в школе.

В №№ 65 и 66 нашего журнала в 1967 году была опубликована работа А. Э. Левитина «Анализ антирелигиозности», известная в Самиздате также под названием «Библиографические

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

заметки». В №№ 71-73 «Граней» (1968 г.) была помещена его статья «Христос и мастер» — разбор романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В журнале «Посев» были напечатаны статьи А. Э. Левитина «Слушая радио» (№№ 39 и 40 за 1966 год), «Драма в Вятке» (№ 10, 1969), «Свет в оконце» (№ 11, 1969) и отрывки из большой работы «Строматы», которая в 1972 году вышла в издательстве «Посев» отдельной книгой. Другие работы А. Э. Левитина, попавшие за границу, вошли в сборники «Защита веры в СССР» и «Диалог с церковной Россией», выпущенные в 1966 и 1967 годах издательством «Ихфис».

12 сентября 1969 года А. Э. Левитина арестовали по обвинению в нарушении законов «об отделении церкви от государства» и в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Одиннадцать месяцев, проведенных им в заключении, А. Э. Левитин описал в очерке «Мое возвращение» («Грани» № 79, 1971 г.).

Следствию не удалось доказать виновности А. Э. Левитина, и он в августе 1970 года вышел на свободу, но в декабре дело против него было возобновлено. 19 мая 1971 года он был приговорен к трем годам содержания в концентрационном лагере «общего режима». Он отбывает свой срок в Сычевке Смоленской области.

Публикуемые нами воспоминания А. Э. Левитин назвал «Закатом обновленчества», по-видимому, полагая, что со смертью А. Введенского это явление безвозвратно стало достоянием прошлого.

Но обновленчество — не только эпизод, начавшийся 8 мая 1922 года с приезда в Москву петроградских лжепастырей Введенского, Белкова и Красницкого и с ареста на следующий день патриарха Тихона и закончившийся смертью 25 июля 1946 года того же Введенского и передачей его последней церкви 9 октября 1946 года двадцатке, признававшей патриархию.

У обновленчества есть свои исторические корни, которые обыкновенно возводят к «новому религиозному сознанию» русских экс-марксистов и «христианских социалистов» начала нашего века. Б. Титлинов в своей книге «Новая церковь» претен-

довал на преемственность также и от Толстого, Вл. Соловьева, Достоевского и даже от славянофилов. А. Введенский незадолго до смерти провел параллель между собой и предшественниками Лютера.

Исчерпывающего ответа на вопрос об истоках обновленчества пока не дано. Ясно лишь, что искать этот ответ надо не столько в истории Русской Церкви, как в истории русского секуляризованного общества и феномена русской интеллигенции, восходящей к «великому скачку» и «культурной революции» императора Петра I, к его капитуляции перед Немецкой слободой. А если так, то, быть может, придется заглянуть еще глубже в прошлое и дойти до дня 29 мая 1453 года, когда падение Константинополя погасило главный творческий очаг христианской культуры и подорвало развитие явления, которое Д. С. Лихачев назвал «восточноевропейским Предвозрождением» (см. его книгу «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого», Москва-Ленинград, 1962). Водительство перешло к итальянским гуманистам и началась дехристианизация европейской культуры, через некоторое время сказавшаяся и в России.

Но если верно, что у обновленчества были глубокие исторические корни, то оно как течение мысли и как внутренняя установка не могло исчезнуть с распоряжением МГБ передать в ведение патриархии Старо-Пименовскую церковь.

Автор-атеист А. Шишкин в своей приведенной нами выше книге высказывает мысль, что в известном смысле сама регистрированная властями часть Русской Церкви стала обновленческой:

«Более 5 лет патриарх Тихон держал в своих руках знамя церковной контрреволюции и только в 1923 году... стал менять свою политическую ориентацию... Это было вынужденным актом, актом приспособления церкви к новым социальным условиям. Инициаторами этого приспособления явились обновленцы. Патриаршая церковь с запозданием пришла в конце концов к обновленческим общественно-политическим позициям. Окончательный переход староцерковников на обновленческие позиции был объявлен митрополитом Сергием. В своем известном воз-

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

звании в августе 1927 года он провозгласил о признании им и его Синодом Советской власти и справедливости Октябрьской социалистической революции. Староцерковники шли по стопам обновленцев, шли тем политическим курсом, который проложили для церкви обновленцы... Поэтому не верен установившийся в нашей атеистической (как и в церковной) литературе взгляд на то, что обновленчество «ликвидировалось», «провалилось» и т. п. Как внутрицерковное течение оно не ликвидировалось и, тем более, не провалилось, а наоборот, победило; провалилось староцерковничество. От него сейчас остались лишь полуистлевшие останки в виде реакционной секты (организационно разбитой) ИПЦ — «истинно православной церкви» — хранительницы былых традиций тихоновской церкви».

Духовные антиподы А. Шишкина, сосланные на Соловки епископы, приблизительно так же оценивали самовольный (помимо законного местоблюстителя) сговор Заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия Страгородского с властью. В прошлом году за границу проник материал Самиздата, приписываемый погибшему в 1929 году в заключении архиепископу Верейскому Илариону (Троицкому). В документе приводится выдержка из записной тетради этого святителя-исповедника, датированная еще 3 марта 1924 года:

«Может быть, скоро мы окажемся среди океана нечестия малым островком. Как постепенно подкрадывалось и быстро совершилось падение самодержавия и изменился лик русской государственности, таким же образом происходит и может быстро завершиться реформационно-революционный процесс в нашей церкви. Картина церковных отношений может видоизмениться, как в калейдоскопе. Обновленцы могут вдруг всплыть как правящая в России «церковная партия», причем противников у нее может оказаться очень немного, если открытые обновленцы и скрытые предатели поладят между собой и совместно натянут на себя личину каноничности».

Авторы, стоящие на совершенно различных позициях, — А. Шишкин, архиепископ Сергей Ларин, А. Э. Левитин — все признают одним из главных импульсов обновленчества 1922–1946 годов не церковное реформаторство, а политическое при-

способленчество. И на такой же путь приспособленчества встал, по словам другого умершего в заключении исповедника, Б. В. Талантова, митрополит Сергей Страгородский. В статье «Сергиевщина или приспособленчество к атеизму» (пространные цитаты см. в статье «Иродова закваска», «Посев» № 5, 1970) Борис Владимирович писал:

«Приспособленчество состояло прежде всего в ложном делении всех духовных потребностей человека на чисто религиозные и общественно-политические. Церковь должна была удовлетворять чисто религиозные потребности граждан СССР... Общественно-политическая деятельность каждого верующего, по смыслу этого обращения (декларации митрополита Сергея Страгородского от 29 июля 1927 года. — Г. Р.), должна быть направлена на построение социалистического общества под руководством КПСС. В дальнейшем развитии это приспособленчество вылилось в теорию советских богословов, по которой коммунистический строй общества является единственным счастливым и справедливым, якобы указанным самим Евангелием... По существу, приспособленчество к атеизму представляло собой механическое соединение христианских догматов и обрядов с социально-политическими взглядами официальной идеологии КПСС... Впоследствии приспособленчество к атеизму завершилось еретическим учением Хьюлетта Джонсона о новой религии, которая должна, по его мнению, заменить христианскую и явиться синтезом христианства и марксизма-ленинизма».

Отнюдь не «завершилось». И. А. Мацкевич в своей книге «Под сенью Креста» (Józef Mackiewicz, «W cieniu Krzyża», London 1972) показывает, как приспособленчество к атеизму с избранием на папский престол Иоанна XXIII овладело и ватиканской курией.

В № 2 самиздатовского журнала «Вече» были помещены пространные выдержки из документа, в котором священник Николай Гайнов и миряне Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук подвергают анализу богословские высказывания таких известных деятелей зарегистрированной властями части нашей Церкви, как митрополит Никодим Ротов, митрополит Иоанн Вендланд, архиепископ (ныне тоже митрополит) Николай

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Юрин, профессор протоиерей Ливерий Воронов и профессор протоиерей Виталий Боровой. Приведя целый ряд высказываний официальных деятелей патриархии, в которых социалистическое строительство и социальные революции объявлялись осуществлением евангельского идеала, критики отмечают, что «православный христианин не может связывать ни с какими формами секулярной цивилизации вообще, ни с коммунистическим идеалом, в частности, никаких религиозных чаяний».

Приведя ряд иных текстов митрополита Никодима Ротова и других упомянутых лиц, составители цитируемого документа отмечают, что на основании этих текстов «возникает представление, что митрополит Никодим и другие единомысленные ему лица стремятся провести мысль о том, что в акте Воплощения Сын Божий, восприняв человеческую природу, воспринял в ней и весь род человеческий, так что всё человечество в каком-то смысле стало Христовым Телом». Критики же считают, что «человеческий род никак не может быть назван даже и «потенциальной церковью», ибо всё человечество в целом, как и каждый человек в отдельности, имеют две потенции: потенцию добра и потенцию зла... Более того, Святое Писание многократно и многообразно пророчествует о том, что род человеческий в конце истории разделится на два стана — на Церковь Христову и на тех, которые «не приняли истины для своего спасения» (2 Фес. 2, 10)» (более подробные выдержки см. в статье «Церковь в России есть и спасает», «Посев» № 11, 1971).

В «Посеве» № 12 за 1968 год было опубликовано обращение к П. М. Литвинову письмо священника Сергея Желудкова, в котором этот священник также развивает мысль о некоей «церкви людей доброй воли», охватывающей как христиан, так и неверующих. Подробнее он излагает эту свою мысль в книге «Почему и я — христианин», которая (снабженная необходимыми пояснениями) готовится к печати в издательстве «Посев». Феликс Карелин, которого считают соавтором известных обращений священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина (см. «Грани» № 61, 1966 г.), не случайно, по-видимому, касается идеи «церкви людей доброй воли» в своем отклике на «Пасхальное послание» о. Сергея Желудкова А. И. Солженицыну:

«...писатель Александр Солженицын в полном соответствии с мировоззрением христианским утверждает, что человеческий дух, укрепляемый Божественной благодатью, сильнее всех внешних обстоятельств, а священник Сергей Желудков в полном соответствии с мировоззрением социалистическим настаивает на том, что общественная среда сильнее человеческого духа и является по отношению к нему силой определяющей... Вы назвали свое письмо «Пасхальным посланием». Подумайте, какую же экклезиологию Вы выводите из факта Пасхальной Победы: «Христос воскрес, а потому Церковь слабее мира сего»?.. По-видимому, не даром обходится православному священнику увлечение протестанствующим адогматизмом и так называемой «Церковью людей доброй воли...» (полный текст см. «Вестник РСХД» № 103, Париж, 1972).

«Мировоззрение социалистическое», «общественная среда — сила определяющая», «адогматизм» и «так называемая Церковь людей доброй воли», всё это, по существу, упреки в типично обновленческих грехах и заблуждениях.

Автор помещаемой нами статьи, А. Э. Краснов, во многом остается приверженцем таких же идей и представлений. Будучи членом Инициативной группы по защите прав человека в СССР, активным участником движения за права и законность, которого, как и о. Сергея Желудкова, никак нельзя упрекнуть в политическом приспособленчестве, продолжает, например, думать, что «Октябрьская революция была великой победой русского народа» («Строматы», стр. 124), многократно называет себя «христианским социалистом». Вопреки собственной формулировке, что «трудно себе представить преподобного Серафима в содружестве с революционерами, Феофана Затворника плечом к плечу с Герценом или, скажем, Амвросия Оптинского рядом с Плехановым» («Строматы», стр. 33-34), он выдвигает идею «теократии», созидаемой посредством «Интернационала неогуманистов», что не так уж далеко от «Церкви людей доброй воли» о. Сергея Желудкова.

Тем более убедительным предостережением звучат яркие воспоминания А. Э. Краснова-Левитина о бесславном конце одной из волн обновленчества в недавнем прошлом.

Закат обновленчества

Из воспоминаний

*Ветер форточку приоткрыл,
Не задев остального здания,
Он подслушать, верно, хотел
Твои подошедшие воспоминания.*

Мих. Светлов, «Рабфаковке».

Кавказ. Пятигорск. Горы. Там воздух чист и небо близко — и далеко; далеко внизу — муравейник: маленькие люди...

Я всхожу в горы, одинокий, усталый и больной... Как хорошо в горах ранней весной: солнце над головой, а под ногами хрустит снег. И отчетливо и ясно встают в голубоватой дымке давно ушедшие, полузабытые, замолкшие навсегда...

1938 год. Над Россией пролетел ураган. Огромные опустошения произвел он во всех областях. Особенно пострадала Русская Православная Церковь: десятки иерархов, тысячи священников, огромное количество верующих мирян ушли из жизни. Ежовщина уничтожила подавляющее большинство русского духовенства. Девяносто пять процентов церквей, существовавших в двадцатые годы, были закрыты, огромное количество их было снесено. Самое понятие «церковь» в ушах большинства населения звучало анахронизмом. Не запрещенная официально, Церковь практически была нелегальной организацией, так как малейшее соприкосновение с «церковниками» считалось верным признаком политической неблагонадежности со всеми вытекающими отсюда последствиями (а последствия были страшные).

«Церковники и сектанты пытаются отравить ядом религии наших детей. Дадим отпор враждебной работе церковников и сектантов!» Этот лозунг, выдвинутый впервые в майские дни 1937 года, неизменно появляется среди других лозунгов ЦК ВКП(б) в майские и октябрьские дни, на протяжении четырех лет — с 1937 по 1941 г.

Обновленчество разделило судьбу всей Православной Церкви. Власти в это время совершенно перестали делать какое-либо различие между представителями двух церковных ориентаций.

«Мавр сделал свое дело — мавр может уйти», — этими словами одного из персонажей шиллеровской трагедии «Заговор Фиеско» можно охарактеризовать официальную линию по отношению к обновленцам в те годы.

В 1937-38 гг. были арестованы и физически истреблены наиболее видные лидеры обновленчества: Петр Блинов — глава сибирских обновленцев, Петр Сергеев — обновленческий митрополит Ростовский, Василий Челябинский, обновленческий глава Урала. Еще раньше — в 1935* году был арестован вскоре умерший в заключении Александр Иванович Боярский — виднейший лидер обновленчества, ставший в последние годы своей жизни митрополитом Иваново-Вознесенским.

В эти годы обновленчеству был нанесен удар в самое сердце: в 1935 году последовал «самороспуск» Синода. Единственным духовным центром обновленчества с этого времени является митрополит Виталий (Введенский) — бывший председатель Синода. По инициативе проф. Зарина (своего секретаря) митрополит Виталий принимает пышный титул «Первоиерарха Московского и всех православных церквей в СССР». Ему присваивается небывалый титул: «Ваше первосвяти-

* В тексте год написан неразборчиво: можно прочесть 1935 и 1936. — Ред.

тельство», а к его имени прилагается эпитет: «перво-священнейший». Однако вся эта внешняя pompa не может скрыть той парадоксальной ситуации, в которой очутилось обновленчество. Яркие противники единоличной власти и сторонники «соборного начала» вынуждены отныне перейти сами к единоличному управлению. Правда, в том же положении находилась и Православная патриаршая Церковь, возглавлявшаяся митрополитом Сергием; власти считали в это время неприемлемым любой коллективный орган церковного управления, — соратники Ежова приходили в ужас при одном слове «соборное» управление и совершенно так же, как купчиха у Островского при слове «жупел», падали в обморок.

Однако с ликвидацией Синода отпадал всякий осмысленный повод для раскола, и отныне вся церковная распря сводилась лишь к борьбе за власть между двумя иерархами. Впрочем, мало кто думал в это время о церковных разногласиях. Уцелевшему духовенству было не до теоретических споров. С другой стороны, резкое сокращение храмов исключало возможность выбора для верующих: ходили в тот храм, который уцелел в данной местности, причем принадлежность этого храма к той или другой ориентации определялась чисто случайными факторами. В Средней Азии, на Северном Кавказе и на Кубани все без исключения храмы были обновленческими просто в силу инерции — такими они стали в двадцатых годах благодаря умелой работе местных деятелей. В России, наоборот, обновленческие храмы попадались лишь изредка, а в Сибири (после ареста Петра Блинова) обновленческая организация фактически распалась.

В Москве после 1937 года было семь обновленческих храмов — Воскресенский собор в Сокольниках, Старо-Пименовская церковь и все московские кладбища (Ваганьковское, Дорогомиловское, Пятницкое, Калитниковское и Даниловское) и несколько церквей в

пригородах. Засилие обновленцев на московских кладбищах было остатком тех славных времен, когда обновленцы находились в фаворе: тогда кладбища были им даны на «кормление» и были главной статьей дохода в бюджете обновленческой церкви.

В Ленинграде после массового закрытия церквей оставалось после 1937 года от бывшего обилия обновленческих храмов лишь две церкви: Спасо-Преображенский собор и небольшая церковка на Серафимовском кладбище.

В обновленческой иерархии также произошли большие изменения: большинство иерархов было арестовано, другие иерархи тихо и скромно ушли на покой и сидели тише воды, ниже травы по глухим углам, больше всего на свете желая, чтоб про них забыли. В это время происходит совершенно скандальный уход из церкви знаменитого обновленческого деятеля Николая Федоровича Платонова.

Н. Ф. Платонов в тридцатые годы начинает занимать в обновленческой иерархии всё более заметное место и не только спорит за влияние с А. И. Введенским, но уже оттесняет его на задний план. Еще будучи до 1934 года архиепископом Лужским — викарием Ленинградской митрополии — Н. Ф. Платонов держит в своих руках все нити Ленинградской епархии. Будучи настоятелем Андреевского собора на Васильевском Острове, Николай Федорович по-прежнему пользуется огромной популярностью среди народа. Снискав жгучую ненависть со стороны приверженцев строгого православия, которые говорят о нем как об агенте ГПУ и о предателе Церкви, он тем не менее является кумиром для огромной массы прихожан Андреевского собора. Настоятель служит почти каждое воскресенье и каждый праздник. Его ораторский талант достигает в это время своего зенита: его яркие и эмоциональные речи волнуют слушателей. Его ораторское мастерство всё совершенствуется. Если раньше Платонов во время ре-

чи не всегда соблюдал определенную меру, доходя в конце речи до истошного крика, то теперь ритм его речи становится более четким и ясным. В это время он — уже хозяин своего темперамента, и пламенные концовки его речей не имеют крикливых интонаций. Путем упорной работы над собой Платонов преодолевает в это время свои природные дефекты: гнусавость и шепелявость, его голос звучит во время проповеди мужественно и энергично, и лишь в отдельные моменты, по тому напряжению, с каким произносятся отдельные фразы, внимательный слушатель чувствует, как трудно оратору преодолевать свой природный порок речи.

По своему содержанию речи Платонова также представляют собой большой интерес: летом 1933 года Платонов выступил с кафедры Андреевского собора с целым циклом речей на тему «Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь». На эту тему им было произнесено шесть речей, из которых каждая продолжалась не менее двух с половиной часов, а три речи продолжались в течение трех часов с минутами. Речи произносились по воскресеньям, после вечерни и акафиста Спасителю. Облеченный в мантию оратор произносил их, стоя на проповеднической кафедре (слева от алтаря). Не менее двух тысяч слушателей с пристальным вниманием ловили каждое его слово, каждую интонацию. Четыре речи из шести раскрывали смысл четырех эпитетов девятого члена Символа Веры. Две речи — первая и последняя — представляли собой вступление и заключение. Шесть речей Платонова не только содержали глубокий богословский анализ учения о Церкви, но и касались широкого круга проблем, связанных с Церковью. Все речи оратора были произнесены с огромным подъемом, и в отдельные моменты чувствовалось искреннее воодушевление. Внимательный слушатель, однако, мог бы услышать в речах оратора нотки пессимизма и неверия в Русскую Церковь, по которым можно было бы догадаться о будущей судьбе Платонова. Так, толкуя уче-

ние Спасителя о Церкви (как о Камне), который не одолеют врата адовы, Платонов особо подчеркнул, что обетование Спасителя относится лишь к вселенской Церкви, а не к отдельным поместным Церквам.

«Поместная Церковь, — настойчиво повторял оратор, — может совершенно исчезнуть!»

Далее следовали примеры Карфагенской и Александрийской Церквей. Перейдя затем к русской Церкви, оратор продолжал:

«Еще очень и очень большой вопрос, сумеет ли Русская Церковь найти себе место в новом, строящемся мире, не исчезнет ли она в водовороте революционных бурь».

Такие заявления не были редкостью в то время в речах Платонова:

«Пройдет немного времени и жизнь, быть может, не оставит ничего из того, что для нас священно, — из того, чем мы еще дорожим по привычке...»

Еще более определенно высказывался он в частных разговорах:

«Церковь, видимо, идет у нас к концу, — сказал он однажды одному из своих прихожан, — религия будет существовать, вероятно, в каких-то других, новых формах».

Червь сомнения и неверия медленно, но верно, делал свое страшное дело — постепенно подтачивал этого блестящего проповедника и большого талантливое человека. Летом 1934 года Н. Ф. Платонов произнес цикл столь же блестящих проповедей на тему: «Таинства Церкви». Эти проповеди также охватывали широкую тематику многообразных церковных проблем.

Человек вдумчивый и глубокий, Платонов порой бросает с кафедры смелые, оригинальные мысли:

«Из далекой Византии пришла Владычица светозарной иконой Своей на Святую Русь, — говорил он за всенощной под праздник Тихвинской Божией Матери в 1934 году, — и из Вла-

димира пришла она в Тихвин, — учили наши предки и делали из этого вывод: первый Рим пал от ереси, второй Рим — от турок, а Москва есть третий Рим, а четвертому не бывать. А что скажем мы сегодня? Сюда ходила Владычица, туда пришла Царица Небесная, — видим мы и не гордимся тем, что Она к нам пришла, а страшимся, как бы не ушла Она от нас. Не шовинизм и не гордость а страх перед Богом — желание нравственного обновления и очищения рождает в нас сегодняшний праздник...»

Порой он поднимался до настоящего пафоса.

«Как трудно говорить сегодня, когда лежит перед нами бездыханное Тело Спасителя, — восклицал он в Страстную пятницу в 1935 году, — хочется лежать у плащаницы и плакать, а не говорить. И все-таки надо говорить, надо говорить, чтоб не случилось снова того, что происходило две тысячи лет назад.

Умер на кресте Христос, — и ведь главный ужас в том, что в это время люди собирались праздновать Пасху, приготовляли пасхального агнца, искренне желали служить Богу и как-то случайно, незаметно, убили Божественного Агнца».

Все эти отдельные блестящие проповеди Платонова представляли собой, однако, лишь отдельные яркие вспышки этого большого таланта.

Повседневные его проповеди были обычно посвящены иной теме: он всё чаще и чаще использовал кафедру проповедника для сведения фракционных счетов со «староцерковниками»: личные выпады, мелкие грязные сплетни, «сенсационные» открытия из жизни православных иерархов, выискиваемые со старанием сыщика, — таково основное содержание его проповедей. И этот несомненно крупный человек вдруг мельчал: пламенный проповедник неожиданно превращался в какого-то героя кухни в коммунальной квартире.

«Мне незачем анализировать скандальные выступления Вашего Высокопреосвященства, посвященные внутрицерковной тематике, — с мальчишеским задором заканчивал письмо обновленческому Владыке 5 мая 1935 года пишущий эти строки, —

эти ваши выступления не имеют никакого отношения ни к религии, ни к социализму, ни к христианству, они имеют отношение лишь к Гоголю, к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

1933 и 1934 годы — переходные, кризисные годы в жизни Н. Ф. Платонова. 31 декабря 1933 года умерла его первая жена — Елизавета Михайловна Платонова, религиозная, глубоко порядочная, одухотворенная женщина. Она умерла после продолжительной долголетней болезни, и Н. Ф. Платонов делал всё для того, чтобы ее вылечить и облегчить ее муки. Он любил свою жену искренно и сердечно и лишь одно интимное обстоятельство — невозможность иметь от жены детей — отравляло его двадцатилетнюю семейную жизнь. Платонов был искренно потрясен смертью жены. Трогательно и просто рассказывал он о ее предсмертных муках, о том, как она просила его расчесать ей волосы и как, уже чувствуя приближение смерти, сказала: «Как хорошо, но только что-то совершенно новое...»

Со смертью жены ушел единственный близкий Платонову человек, единственный любимый им человек...

«А люблю я все-таки Ленинград!» — воскликнул однажды Александр Иванович Введенский со свойственной ему экспансивностью, когда подъезжали оба они (Введенский и Платонов) к Ленинграду — ехали они в купе экспресса «Красная стрела» из Москвы. «Я ничего не люблю», — вырвалась вдруг у Платонова унылая фраза.

Одиночество и духовная опустошенность характерны для Платонова в начале тридцатых годов: разрыв с ближайшими родственниками (братом и сестрой, причем молва настойчиво приписывала Платонову участие в их арестах) и тайная служба в органах ГПУ с 1923 г. (выражавшаяся в непрерывных доносах, в результате чего погибло много людей), — всё это наложило мрачные блики на его душу.

Особенно острым был разлад Н. Ф. Платонова с его сестрой — Александрой Федоровной Платоновой (в монашестве Анастасией), известной духовной писательницей и последней игуменьей Ивановского монастыря.

«Стоим мы с Александрой Федоровной на трамвайной площадке, — рассказывала пишущему эти строки А. В. Волкова (в первой части нашей совместной с В. Шавровым работы мы на нее ссылались), — вдруг входит в трамвай Платонов. Александра Федоровна посмотрела на него и отвернулась. А он к ней: 'Что ты, Шура, или брата не узнаешь?' А она ему: 'И ты еще меня спрашиваешь, Коля? Наши родители в могиле переворачиваются. Что ты делаешь, ведь ты дьяволу служишь!'».

В том, что Н. Ф. Платонов был непосредственным агентом ГПУ, имело возможность убедиться на своем печальном опыте огромное количество людей (в том числе и пишущий эти строки).

Сейчас, почти через тридцать лет, мне трудно себе представить, что семнадцатилетний чернявый парнишка с угреватым, некрасивым лицом, который впервые переступил порог квартиры Платонова в понедельник 3 июля 1933 г., был действительно я. Жил Н. Ф. Платонов на 6-й линии Васильевского Острова во дворе Андреевского собора, во втором этаже церковного дома. В его квартире помещался епархиальный совет, который носил громкое название «Ленинградского митрополитанского управления». Это учреждение со столь блестящим титулом уместалось, однако, в столовой Н. Ф. Платонова. Здесь, рядом с буфетом, стояла пишущая машинка, на которой бойко отстукивала «Указы по митрополии» быстрая, маленькая пожилая женщина в пенсне — Александра Ивановна Тележкина. У окна рылся в делах также не блещущий красотой молодой человек — здравствующий ныне А. Ф. Шишкин, довольно известный церковный деятель, полученный Патриархией по наследству от Н. Ф. Платонова. На обеденном столе лежала раскрытая книга, в которую по-

сетители должны были вписывать свои имена. Каждый лист в этой книге был разделен на три графы:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Ориентация.
3. По какому делу.

А. Ф. Шишкин бдительно следил, чтоб какой-нибудь посетитель не проскользнул мимо этой почтенной книги. Важно в ней расписавшись, я поставил в графе «Ориентация» — «христианский социалист».

Платонов принял меня тотчас же и удостоил беседой, которая длилась более двух часов. Беседа носила теоретический характер, касаясь взаимоотношений между христианством и социализмом. Я вышел из кабинета совершенно очарованный умом, любезностью и широтой взглядов хозяина, который настойчиво приглашал меня заходить как можно чаще. Между тем более опытный наблюдатель, чем я, обратил бы внимание на целый ряд странностей в поведении собеседника.

Во-первых, всякого бывалого человека удивила бы поразительная откровенность собеседника: он не только не избегал говорить на политические темы с незнакомым посетителем (да еще с семнадцатилетним мальчишкой), но, наоборот, сам охотно задавал самые острые вопросы. Помню, в частности, совершенно невероятную по своей откровенности фразу Платонова: «Я не думаю, чтоб этот эксперимент увенчался успехом».

Во-вторых, всякий обратил бы внимание на то, с какой настойчивостью высокий собеседник расспрашивал, спускаясь с теоретических высот, о весьма конкретных вещах — главным образом, о знакомствах, единомышленниках, друзьях.

Но находясь под обаянием высокого сана, я, конечно, поспешил открыть Платонову всю свою душу и выложить ему всё, что я знал.

Результат приятных и высоко поучительных бесед с высокопреосвященным владыкой (таких бесед было

несколько) сказался через девять с лишним месяцев: 24 апреля 1934 года я был арестован, и мне было предъявлено политическое обвинение. Обвинение оказалось совершенно вздорным, и вскоре я вышел из тюрьмы. Однако, несмотря на всю свою неопытность, я убедился в том, что содержание моих бесед с Платоновым до мельчайших деталей было известно следователю.

При всей моей приверженности, — я бы сказал влюбленности к знаменитому проповеднику, — у меня не могло быть ни малейших сомнений в том, что он осведомитель.

Вскоре после моего освобождения, в праздник Троицы, я пришел в Андреевский собор к литургии. Богослужение было торжественным и совершал его сам архиепископ. После вечерни и положенных коленопреклонных молитв, прочтенных с необыкновенной проникновенностью, обновленческий иерарх, разоблачившись, величественно направился к выходу; с колокольной раздавался неумолчный трезвон колоколов, толпа верующих устремилась к владыке под благословение. Когда он поравнялся со мной, я шагнул прямо к нему.

— А вы напрасно сказали, что Михаил Яворский был моим духовником, он никогда моим духовником не был, — резко бросил я ему в лицо, с запальчивостью бурша, не подходя под благословение.

— Что такое, кому я сказал? — после минутного молчания произнес Николай Федорович.

— Сказали тем, кто вас расспрашивал обо мне, — бросил я столь же резко. Иерарх отвел глаза и промолчал. — А я не был духовным сыном Михаила Яворского, — с глупым упрямством повторял я.

— Не помню, не помню, — прогнусавил Платонов, проходя мимо.

Впоследствии мне приходилось неоднократно встречаться с Платоновым. Я говорил с ним в обычном почтительном тоне; ни он, ни я никогда не упоминали о прошлом.

В сентябре 1934 года Платонов взлетел на вершину обновленческой церкви.

Указом Священного синода от 1/IX-34 г. «Преосвященный Николай, архиепископ Лужский, (был — А. К.) назначен Митрополитом Ленинградским взамен ушедшего на покой митрополита Серафима (Руженцева)». Это назначение явилось результатом длительных закулисных маневров и интриг Н. Ф. Платонова.

«Бывало, приедет в Москву, и сразу же начинаются разговоры о митрополите Серафиме — и малоактивен, и что-то еще, и чего-чего только о нем не говорит», — вспоминал в 1943 году митрополит Виталий.

Действительно, между митрополитом Серафимом и Платоновым существовала давняя антипатия. Истоки этой антипатии, быть может, скрывались в коренной противоположности их характеров.

Трудно себе представить двух более отличающихся друг от друга людей, чем митрополит Серафим и Н. Ф. Платонов. Митрополит Серафим был выходцем из придворного духовенства, большую часть своей жизни он провел в качестве священника дворцовой церкви в Стрельне. Это оставило неизгладимый след. Изящные, аристократические манеры, величаяя осанка важного барина, утонченная вежливость, но с оттенком снисходительности, — таков был протоиерей Руженцев (будущий обновленческий митрополит).

В 1919 году, овдовев, он принимает монашество и возводится на архиерейскую кафедру в одном из северо-русских городов. Присоединившись к обновленческому расколу с самого начала, епископ Серафим принадлежал к числу так называемых тихих обновленцев — он спокойно и с обычным своим достоинством управлял различными русскими епархиями, пока в 1925 году не был назначен обновленческим митрополитом Московским.

В 1929 году, после перевода в Москву митрополита Вениамина (председателя синода), митрополит Серафим был переведен в Ленинград. Здесь он сразу же столкнулся с Н. Ф. Платоновым.

Морально чистоплотный и безукоризненно порядочный человек, любивший называть себя джентльменом, митрополит Серафим относился с брезгливым отвращением к своему старшему викарию, который был фактически при нем «комиссаром». Понимая свое бессилие в борьбе с Платоновым, митрополит соблюдал в отношениях с ним внешний такт и вежливость. Всем, однако, было известно, что между двумя ленинградскими иерархами существуют холодные, напряженные отношения. И стиль митрополита был также совсем иной, чем у его собрата: он никогда не позволял себе в проповедях личных выпадов против кого бы то ни было, никогда никого не задевал и ни перед кем не подхалимствовал.

Уволенный в сентябре 1934 года на покой, митрополит отдыхал всего лишь полгода, — он умер 6 марта 1935 года и был погребен на Смоленском кладбище (после торжественного отпевания в церкви св. Великомученицы Екатерины).

Между тем Н. Ф. Платонов 9 сентября 1934 года принял Ленинградскую епархию.

В первые же дни своего управления новый иерарх всячески старался повысить свой авторитет: имея кафедру в Спасо-Сенновском Успенском соборе, он присвоил Андреевскому собору название митрополичьего крестового собора. Торжественные поездки в Карелию, Псков, Новгород, Боровичи должны были повысить его авторитет в провинциальных епархиях. Наконец, к сентябрю 1934 года относится первая акция Платонова во всероссийском церковном масштабе. Осенняя сессия Священного синода, которая назначила Платонова митрополитом Ленинградским, одновременно приняла решение об избрании комиссии по изысканию средств

борьбы против «староцерковничества». Председателем комиссии был избран А. И. Введенский, в качестве членов в состав комиссии входили митрополиты Петр Блинов, Николай Платонов, Михаил Орлов, Петр Сергеев, Василий Кожин и др.

С первого же момента инициативу в комиссии захватил Н. Ф. Платонов. Он выступил с сенсационным планом, основой которого был лозунг: «Бить врага его же оружием».

Согласно плану Платонова, обновленческий синод должен был объявить себя единственным законным хранителем Православия. «Староцерковничество» должно было быть объявлено «еретичесствующим расколом». В соответствии с этим все «староцерковные хиротонии», произведенные *после* 10 мая 1922 года (день «отречения» патриарха Тихона), должны были быть объявлены недействительными, все духовные лица, приходящие из «староцерковничества», могли быть приняты только через публичное покаяние, все храмы, которые переходили в обновленческую ориентацию, подлежали переосвящению (через чин малого освящения).

Самым пикантным во всей этой платоновской затее было то, что всего лишь за несколько лет до этого обновленческие иерархи (в первую очередь сам Н. Ф. Платонов) с пеной у рта доказывали «неканоничность» и «незаконность» перерукоположений священнослужителей и переосвящений храмов. А. И. Введенский (следует отметить к его чести) выступил вначале против «плана Платонова». Однако после нерешительного сопротивления быстро сдал свои позиции. Другим обновленческим иерархам, которые выражали свое недоумение по поводу новоявленного «плана», было под сурдинку указано, что «план Платонова» согласован с некоторыми авторитетными инстанциями, которые желают оживления церковной борьбы. Уже через месяц, 3 октября 1934 года, была созвана новая экстренная сес-

сия Синода (это была его последняя сессия, так как весной 1935 года он уже был распущен). Синод, заслушав доклад Н. Ф. Платонова, принял так называемые октябрьские указы, написанные Н. Ф. Платоновым. Следует, впрочем, отметить, что, кроме нескольких театральных покаяний, поставленных Платоновым в Ленинграде, никаких практических последствий «октябрьские указы» не имели. Сам Платонов очень громко кричал в своих речах о своем «православии». В январе 1935 года он выступил в Андреевском соборе с двухчасовым докладом о «новом этапе в истории обновленчества». Стоя на кафедре, Н. Ф. Платонов в течение двух часов обливал грязью «староцерковников». Облеченный в стихарь А. Ф. Шишкин, стоя на ступеньках, подавал своему «владыке» нужные документы.

Какова была деятельность Николая Платонова в качестве митрополита Ленинградского? Смешно, конечно, отрицать блестящие административные способности Н. Ф. Платонова. «Как администратор он был бесподобен: им можно было любоваться, так у него всё было продумано, разумно, ясно», — говорил в прошлом году в беседе с пишущим эти строки о. С. Р. — один из ближайших помощников Платонова в последние годы его жизни. Трудно было, однако, что-нибудь сделать существенное в эти годы, когда церковная организация стремительно летела под откос.

Ровно через три месяца после вступления Платонова в должность был убит С. М. Киров. В марте 1935 года — на первой неделе Великого поста — начались массовые высылки из Ленинграда духовенства. Обновленческое духовенство разделило общую участь: был выслан из Ленинграда один из старейших протоиереев о. Константин Шахов — духовник Николая Федоровича. Известный обновленческий деятель и проповедник о. Федор Разумовский остался в Ленинграде только благодаря тому, что снял с себя сан. В июне 1935 года раздался первый тревожный сигнал: был закрыт (и

вскоре снесен) ленинградский Вознесенский собор. Правда, Платонову удалось на этот раз взять «реванш»: вскоре в его ведение был передан Спасо-Преображенский собор на Литейном проспекте. Затем, однако, последовал ряд новых закрытий: в 1936 году были закрыты Благовещенская и Екатерининская церкви на Васильевском Острове, Захарие-Елизаветинская, Пантелеймоновская, Космо-Дамианская церкви — в центральном районе города. Вскоре от обновленческой епархии осталось лишь несколько храмов, но и над ними нависла угроза закрытия. После самороспуска Синода было распущено и Ленинградское митрополитанское управление. Платонову предложили сдать пишущую машинку, вся переписка отныне велась в его канцелярии от руки, причем в качестве писца подвизался А. Ф. Шишкин.

Духовенство было охвачено пессимизмом и безнадежностью. Впрочем, про самого Платонова это сказать нельзя. Лето 1936 года он считал наиболее удобным временем для своей новой женитьбы. Избранницей митрополита Платонова оказалась Марья Александровна — певчая в хоре Андреевского собора. В июле 1936 года Н. Ф. Платонов объявил о предстоящей женитьбе ленинградскому обновленческому духовенству, а в августе того же года протоиерей о. Константин Томилин (ключарь Андреевского собора) обвенчал Николая Федоровича и Марию Александровну. Свадьба происходила в соборе при наглухо закрытых дверях, в присутствии лишь небольшого числа прихожан. Новобрачный был одет в штатское — в синий шевиотовый костюм, священник и диакон поминали брачующихся как «рабов Божиих Николая и Марию», без всяких титулов...

Своеобразный характер носили отношения между Н. Ф. Платоновым и А. И. Введенским. Старые товарищи, хорошо знавшие друг друга в молодости, они никогда друг друга не любили. «Легкомысленный человек», — говорил часто Платонов про Введенского. «Да

ведь он сумасшедший!» — сказал он однажды про своего знаменитого собрата в присутствии большого количества мирян. Отзывы Введенского отличались бóльшим добродушием. «Умница, талантливый человек, но только бездушный, совершенно, совершенно бездушный», — говорил неоднократно Введенский.

Отношения между двумя иерархами не ограничивались, однако, обменом колкостями. Были и более серьезные вещи. В 1931 году Н. Ф. Платонов читал курс лекций по гомилетике в Московской богословской академии. Весь этот курс был целиком направлен против А. И. Введенского. Платонов с пеной у рта протестовал против жонглирования именами ученых, против психологических экспериментов и импровизации, вторжения проповедника в не свойственные ему области — словом, против всего того, что являлось характерным для проповеднической манеры Введенского. Самая линия Платонова в церковных вопросах резко противоречила линии Введенского: враг какого бы то ни было новаторства и экспериментаторства, глубокий консерватор в прошлом, Платонов выступал в качестве «ревнителя Православия»: всякие разговоры о реформах всегда вызывали в нем раздражение. В то же время он был отъявленным политическим приспособленцем и сикофантом (доносчиком). Короче говоря, «платоновщина» — это «живоцерковничество» тридцатых годов. От Красницкого Платонов отличался лишь бóльшей скрытностью (он действовал более коварно и конспиративно) и меньшим размахом своей деятельности. Вся беда Платонова заключалась в том, что в тридцатых годах власти считали для себя неприемлемой какую бы то ни было Церковь и не нуждались в услугах даже самых рабоподобных холопов из числа церковников: эпоха нэпа (век Красницкого) уже прошла, а послевоенная эпоха (век Колчицких) еще не наступила — пресмыкающиеся политиканы остались не у дел.

Не у дел остался Н. Ф. Платонов в 1937 году. В

сентябре этого года он был вызван в здание на Шпалерной улице — в ленинградское отделение НКВД. Он пробыл там два дня. Жене, которая в ужасе металась около здания НКВД, обрывая телефоны, было отвечено:

— Вашего мужа здесь нет.

— Где же он? — спросила упавшим голосом несчастная женщина.

— Не знаем, — последовал лаконичный ответ.

Однако через двое суток, под вечер, Платонов пришел домой, осунувшийся, побледневший, но в хорошем настроении.

— На днях уезжаем в Сочи, — объявил он с места в карьер испуганной жене.

Действительно, через три дня Платонов уехал отдыхать с женой в Сочи (обычно он ездил в Крым). Сразу после отъезда уставшего обновленческого Владыки в Ленинграде начались поголовные аресты среди обновленческого духовенства. В один день было арестовано более сотни человек. Среди арестованных находились: протопресвитер о. Николай Сыренский — настоятель (или как называли тогда «наместник») кафедрального собора Спаса-на-Сенной; прот. Константин Томилин — ключарь Андреевского собора и много других, глубоко порядочных священнослужителей, которые навсегда исчезли за роковыми стенами Шпалерной тюрьмы. От всего многочисленного ленинградского духовенства сразу осталась лишь жалкая горсточка — не более десяти-пятнадцати человек.

Н. Ф. Платонов не подавал никаких признаков существования; как говорили, он вел в это время идиллический образ жизни, живя в маленьком домике на берегу Черного моря вместе с молодой женой. Приехал он в Ленинград только в ноябре. По-прежнему он управлял остатками Ленинградской епархии. Однако некоторые его поступки вызывали всеобщее недоумение. Так, он совершенно перестал служить (в течение полу-

года — от августа до своего отречения — он служил лишь однажды, в Николин день).

В начале января 1938 года два обновленческих священника (о. Михаил Бакулев — настоятель церкви Смоленского кладбища и о. Сергей Румянцев — настоятель храма Спаса-на-Сенной) были вызваны к митрополиту.

«Покои» обновленческого митрополита в это время еще уменьшились. Большая квартира была переделана на две части. Квартира Платонова состояла из двух комнат: столовой и спальни, соединенных большим коридором. Николай Федорович, со свойственным ему практицизмом и вкусом сумел, однако, выкроить приемную, достойную его сана: часть коридора была отделена и получилась крохотная комната. Большое окно было обращено прямо на Андреевский собор, в углу висела старинная икона и стоял облаченный архиерейский посох. Сам хозяин обычно сидел за раскрытым бюро в глубоком кресле, а рядом стояла фортепьянная табуретка для посетителя.

Войдя к митрополиту, оба священника подошли к нему под благословение. Митрополит, одетый в рясу, но без каких-либо знаков отличия (без креста и панагии), однако, отстранил руки, протянутые к нему за благословением, и лишь облобызался с ними по обыкновению. Затем, усадив их, дал каждому из них по листку, отпечатанному на машинке, и сказал:

— Прошу вас прочесть указ по епархии.

И ушел в другую комнату, затворив за собой дверь. В указе, под которым стояла подпись «Николай митрополит Ленинградский», говорилось, что Ленинградская епархия, вплоть до назначения нового митрополита, разделяется на две части: в управление одной ее частью (Андреевский собор, Смоленское кладбище, Серафимовское кладбище) вступает прот. о. Михаил Бакулов; в управление другой ее частью (Спасо-Сенновский собор, Спасо-Преображенский собор и церковь Св. князя

Владимира на станции Лисий Нос) вступает о. Сергей Румянцев.

Священники переглядывались в полном недоумении: так что же, значит, он уже не митрополит? В это время из соседней комнаты вышел хозяин (уже без рясы, одетый в штатский костюм).

— Итак, теперь я не имею к Церкви никакого отношения, сегодня мною подано заявление о снятии сана. Работайте без меня, желаю вам успеха.

Бывший митрополит, проводив их до лестницы, по-светски подал им на прощанье руку.

«Вышли мы, как в воду опущенные, — вспоминает один из участников этой встречи, — написали сразу рапорт в Москву митрополиту Виталию, получили ответ о том, что будут даны указания, — и всё: ни указаний, ни приветов, ни ответов».

Через несколько дней в «Известиях» и в «Правде» было опубликовано отречение Н. Ф. Платонова. Текст его отречения мы здесь не приводим, так как он недавно перепечатан полностью в книге «Правда о религии» (Москва, 1959 г., стр. 369).

На этом можно было бы поставить точку. С этого времени Николай Платонов уже не существует как церковный деятель и не должен интересоваться историка Церкви. Но есть еще один фактор — психологический, и с этой точки зрения последние четыре года жизни Н. Платонова захватывающе интересны. О чем думал, что чувствовал этот недавний религиозный вития, став антирелигиозным пропагандистом?

Первое время после отречения Платонов бравировал своим новым положением. Часто он выступал с докладами в заводских и фабричных клубах. Советская пресса благосклонно отнеслась к «кающемуся»: его отречение, как я сказал выше, было напечатано в «Известиях» и в «Ленинградской правде». Вряд ли можно считать случайностью то, что сразу после отречения Платонова началось новое наступление на Церковь: че-

рез месяц после его отречения был закрыт храм Спаса-на-Сенной, обновленческий кафедральный собор. Сразу после Пасхи был закрыт Андреевский собор. Еще через несколько месяцев была закрыта и церковь Смоленского кладбища. От всей обновленческой епархии в 1939 г. остались лишь Спасо-Преображенский собор и церковь на Серафимовском кладбище. Весь этот разгром был осуществлен, однако, исключительно административными методами: нам неизвестен ни один случай ухода из Церкви кого-либо из прихожан Андреевского собора. Самые верные почитатели Платонова, самые ярые его поклонники (такие, например, как Александра Ивановна Тележкина) без колебаний покинули Платонова, — и он остался совершенно один. Уныло и одиноко жили супруги Платоновы в маленькой квартире на 6-й линии. Правда, в 1939 году, на закате жизни, Платонова посетила последняя радость: в пятьдесят лет, за три года до смерти, он стал отцом; худосочный, слабый, полуживой ребенок был назван Андреем.

— Все-таки, кажется, вам навеки остался памятен Андреевский собор, — сказал Н. Ф. Платонову один из его старых прихожан.

— Да это не потому, это в честь... Жданова, — ответил бывший настоятель Андреевского собора.

Однако и эта запоздалая радость не украсила унылой жизни ренегата.

— Живем мы одни, никто к нам не ходит, никто у нас не бывает, — жаловалась его супруга.

— Ребенок слабый, ну, вдруг он умрет, — а крестить нельзя, — печально говорила в другой раз Марья Александровна.

В то время Н. Ф. Платонов работал хранителем музея истории религии. Ежедневно по ступенькам Казанского собора пробирался одетый в потертое пальто с поповской шапкой на голове, с портфелем под мышкой, человек. Светлая бородка и очки — вид старого учителя. Это был бывший митрополит Ленинградский,

много раз служивший в Казанском соборе в бытность свою архиепископом Гдовским — старшим викарием Ленинградской епархии.

Выступления Платонова, собиравшие вначале довольно большое количество народа, постепенно перестали кого-либо интересовать, — его доклады сплошь и рядом срывались из-за отсутствия слушателей. В газете «Безбожник», которая вновь стала выходить в это время в Москве большим форматом под редакцией Е. Ярославского, изредка печатались небольшие статьи Платонова. В частности, перед Великим постом в 1941 году была напечатана небольшая статейка «Исповедь», вульгарная, плоская, в которой повторялись затхлые мещанские сплетни о священниках, под видом исповеди назначающих свидания женщинам.

Так дожили до войны, — и война одним ударом разрушила унылое, жалкое существование Платонова.

В августе 1941 года совершенно неожиданно и непонятно была арестована Марья Александровна, его жена (причины ареста неясны, говорят, что она обвинялась в спекуляции). Через месяц умер от голода двухлетний ребенок, отданный отцом кому-то на воспитание. В это же время эвакуировался из Ленинграда музей истории религии. Хранитель музея в течение нескольких суток не спал, упаковывая фонды. Всё было бережно упаковано и вывезено из Ленинграда — документы, картины, диаграммы, плакаты. Забыли вывезти лишь один ценный экспонат — самого злополучного хранителя музея. Подобно госпоже Раневской, хозяева забыли в оставленном доме своего старого и уже ненужного слугу...

Я увидел его в последний раз в ноябре 1941 года, в самое тяжелое время блокады, когда еженедельно уменьшалась продовольственная норма и на улицах Ленинграда появлялись первые трупы. В декабре Ленинград был уже завален ими.

В небольшой столовке для научных работников (в

Этнографическом переулке) я увидел его, сидящего в вестибюле, исхудавшего, бледного, жалкого... Я ни разу не говорил с ним после его отречения и, встречая его на улице, демонстративно с ним не здоровался, но сейчас меня почему-то потянуло к нему, и, подойдя, я окликнул его по имени:

— Николай Федорович!

Встав, он вежливо поздоровался. Мы обменялись рукопожатием.

— Как вы поживаете, Николай Федорович? — спросил я.

— Плохо, очень плохо, голубчик, семья распалась, а сейчас съел карточку, до двадцатого ничего не дадут, — сказал он упавшим голосом.

Это значило, что он получил по продовольственной карточке ту мизерную норму, которая полагалась на десять дней.

— С сердцем плохо, аорта... — пожаловался он.

Я попробовал (со свойственной мне бестактностью) заговорить на идеологические темы, — он устало махнул рукой:

— Не знаю, не знаю, ничего я теперь не знаю...

«Конченный человек», подумал я, отойдя от него.

Конец наступил через несколько месяцев, весной.

В феврале — всеми оставленный, одинокий, голодный — он постучался к Александре Ивановне Тележкиной, своей старой прихожанке, обожавшей его всю жизнь.

Она открыла перед ним свои двери и приютила в своей маленькой комнатке его, своего бывшего владыку, и поделилась с ним последним куском хлеба.

И еще в одни двери постучался отверженец — в двери Церкви. На третьей неделе Великого поста, в среду, во время литургии преждеосвященных даров в Николо-Морском соборе происходила общая исповедь. Исповедовал престарелый протоиерей о. Владимир Румянцев. Неожиданно в толпу исповедников замешался

Платонов и начал громко каяться, ударяя себя в грудь. Затем в общей массе он подошел к священнику. О. Владимир молча накрыл его епитрахилью и произнес разрешительную молитву.

— Господи, благодарю Тебя за то, что Ты прости меня! Веровал, верую и буду веровать! — воскликнул он, отходя от святой чаши.

Он умер на другой день, в холодный ленинградский мартовский день, и погребен на Серафимовском кладбище в братской могиле, среди беспорядочной груды трупов умерших от голода людей.

— Он был человеком большого ума и большого сердца, — сказал о нем в 1946 году митрополит Николай, его старый товарищ и друг.

— Царство ему Небесное! — тихо молвил, перекрестившись, А. И. Введенский, старый его противник, в 1946 году, также уже больной, разбитый параличом, за месяц до смерти, после того, как я рассказал ему об обстоятельствах смерти Платонова.

— Царство ему Небесное! — восклицаю и я, прощаясь навсегда с Платоновым, и да послужит его судьба грозным предостережением для всех колеблющихся, сомневающих, стоящих на грани предательства.

О самих предателях мы не говорим, — на них никакие предостережения уже не действуют.

«Нет существа более презренного, чем предатель, — говорил в свое время А. М. Горький, — и даже сыпнотифозную вошь можно оскорбить, сравнив ее с предателем».

(Окончание следует)

Человек и природа в произведениях А. Солженицына

(Некоторые аспекты темы)

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОЛЖЕНИЦЫНА

Одна из особенностей произведений Солженицына — их относительная бедность действием, в них мало что происходит, даже в «Раковом корпусе», месте смерти, почти нет смертей: читатель слышит лишь об одной смерти — Ефрема, Азовкин и Прошка, например, *уходят* умирать. И тем не менее напряженные конфликты двух видов пронизывают всю ткань его произведений: конфликты внешние и внутренние. Первые — конфликты идеологические, выражающиеся в спорах героев по самым различным вопросам; так, например, Олег Костоглотов спорит на различные темы с Русановым о несправедливости и неравенстве, царящих в советском обществе, о невозможности решить что-либо раз и навсегда; он же спорит и с Вадимом, оправдывающим советский строй, и с Шулубиным, который видит в советских людях только всё плохое. Главный «спорщик» «В круге первом» — Рубин: он спорит с Сологдиным о молодежи, о том, все ли средства оправдывают цель (ее достижение), о нравственности и сво-

См. статью Л. Клейман «Заметки о «Раковом корпусе» А. Солженицына» в «Г р а н я х» № 83. — Р е д.

боде; спорит с Нержиным о счастье и Сталине... Даже тишайший художник Кондрашёв оказывается вовлеченным в спор о сущности живописи, о возможности или невозможности быть объективным.

Если мы сравним диалоги героев Солженицына с диалогами героев Достоевского, бросится в глаза следующее различие: герои Достоевского ведут идеологические споры чаще всего сами с собой или со своими двойниками. Такой характер носят, например, разговоры Ивана Карамазова с чёртом или со Смердяковым («Братья Карамазовы»); такие же разговоры идут между Раскольниковым и Свидригайловым («Преступление и наказание»). Кроме того, внешние диалоги героев Достоевского часто превращаются в скандалы, примерами которых могут служить поминки по Мармеладову, смерть Мармеладовой («Преступление и наказание») или же ссора в келье у старца Зосимы («Братья Карамазовы»). Столь же характерна для диалогов героев Достоевского форма исповеди: таковы, например, многочисленные исповеди разных героев перед Алешей Карамазовым.

У Солженицына же полярно противоположные мнения высказывают герои-оппоненты. Спор, столкновение разных мнений помогают ищущему герою Солженицына осмыслить окружающую его действительность, наполненную противоречиями, абсурдом, темным и непонятным. Герой Достоевского старается разобраться в самом себе, герою же Солженицына некогда заниматься такой «роскошью»: на него давит внешняя действительность, которая требует ясности, а это не легко. Правда, для одного героя из «Круга первого» спор важен лишь как гимнастика мозга, интересуют же его лишь он сам и его гениальность — я говорю о Сологдине.

Более интересны внутренние конфликты героев Солженицына, которые чаще всего не выражаются в форме диалога, но от которых зависит всё поведение

героев. Так, например, на первых же страницах романа «В круге первом» мы сталкиваемся с героем в критический момент его жизни: блестящий, преуспевающий работник Министерства иностранных дел Иннокентий Володин поставлен перед необходимостью решить вопрос, сущность которого — гамлетовская альтернатива «быть или не быть». Конфликт Володина выражается во внутреннем диалоге, а также в следующих словах:

«Раньше истина Иннокентия была, что ж и з н ь дается нам только раз. Теперь созревшим новым чувством он ощутил в себе и в мире новый закон: что и совесть тоже дается нам один только раз»¹.

Совесть в таком понимании Володина — понятие абсолютное и универсальное (закон ощущает он не только в себе, но и во всем мире). К тому же совесть включает в себе еще одно свойство — активность. Он лично не виноват в страшной судьбе, ожидающей профессора, — виновата система, строй. Легко бы ему было отделаться поговоркой: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Ему не надо, как Вронскому из «Анны Карениной» или Нехлюдову из «Воскресенья» Толстого, искупать свои грехи. Весь грех его прошлой жизни состоит в самой жизни в советской действительности, где равнодушие есть закон самосохранения. Даже такой моралист, как Лев Толстой, оправдывает естественный эгоизм Марьи Болконской, преспокойно отобравшей жениха у Сони (только потому, что была знатна и богата). И даже больше: устами Наташи, называющей Соню «пустоцветом»² за то, что в ней отсутствует этот естественный, жизненный эгоизм, Толстой осуждает Соню.

¹ Александр Солженицын. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 4, стр. 484. Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1970. В дальнейшем ссылки даются на это же издание. — Р е д.

² Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. 4, стр. 343. ОГИЗ, Москва, 1941. — Л. К.

Итак, предпочтя совесть равнодушию и этим губя свою жизнь, герой Солженицына Володин совершает поступок, противоречащий его прежней жизни. Правда, противоречие это лишь внешнее: в конце романа выясняется, что такая жизнь опротивела Володину, что он увидел несправедливость и лживость ее, что она привела его к пресыщению, к внутреннему недовольству самим собой. Острота конфликта усиливается еще и тем, что смелый поступок Володина (его телефонный звонок, предупреждающий профессора об опасности) оказывается бесполезным: профессор всё равно будет арестован. Но разрешив конфликт таким образом, Володин, губя свою жизнь, обретает бессмертную душу, свою совесть.

В начале романа «В круге первом» — в критическую минуту жизни — Володин несколько напоминает Раскольникова («Преступление и наказание»). Но Раскольников должен пройти через преступление, чтобы затем искупить его страданием. К тому же о его раскаянии мы слышим только в эпилоге, в романе оно не показано.

Наиболее близким к Володину мне кажется Митя Карамазов, идущий «пострадать» не за свою вину. Страдания и каторга должны очистить его душу от других прегрешений: от всей его безалаберной, полной грязи и скандалов жизни. Тюрьма и гибель Володина — тоже очищение его от греха равнодушия. Само имя Володина — Иннокентий — как бы символизирует, что он принимает страдания без вины или без большой вины³.

³ Называть героев именами, за которыми скрывается значение, — прием, характерный для Солженицына: Иннокентий — от слова *innocens* (лат.): невиновный, неповинный; Агния — от слова *αγνος* (агнос — греч.): чистый, непорочный; или Костоготов из «Ракового корпуса» — фамилия, наводящая читателя на мысль о твердости характера героя и о его тяжелой жизни. — Л. К.

Перед зарождающимся конфликтом стоит Клара Макарыгина, дочь прокурора, хотя на данном этапе она скорее всего пойдет на компромисс — выйдет замуж за преуспевающего литературного критика советской за-кваски Алексея Ланского. Сама жизнь предъявляет ей свои требования, и Клара им на время уступит. Солженицын показывает нам Клару на этапе, уже пройденном Володиным. Думается, что она последует за ним: совесть в ней уже разбужена, она видит несправедливость и неравенство, царящие кругом.

Что касается создания конфликта в произведениях Солженицына, то наиболее характерный для него способ — следующий: автор ставит нескольких героев в одинаковую ситуацию, а затем анализирует, как каждый из них справляется с ней. Так, например, герои романа «В круге первом» — «жители» шарашки Сологдин, Рубин, Герасимович и Нержин, если согласятся работать на своих угнетателей, помогая им этой работой прямо или косвенно преследовать других, могут получить в награду освобождение или хотя бы возможность продолжить свое пребывание в «круге первом» — месте «избранном», относительно благополучном в советском аду: Сологдин, Рубин, Герасимович и Нержин находятся как бы на различных ступенях совести.

В Сологдине и Рубине побеждает личное, эгоизм. Сологдин считает себя стоящим над толпой, неслучайно его пренебрежительное отношение к простому народу:

« — Ты как на шарашку попал, а, Спиридон? — приглядываясь к дворнику, спросил Сологдин.

Просто нечего было делать. За много лагерных лет Сологдин водился лишь с образованными, не предполагая почерпнуть что-либо ценное у людей низкого развития»⁴.

В этом (и, как мы потом увидим, не только в этом) Сологдин представляет собой прямую противополож-

⁴ А. Солженицын. Т. 3, стр. 187.

ность Нержину. Уходя от внимания начальства и пренебрегая его милостями (стр. 190), он, почти не задумываясь над моральностью или аморальностью поступка (понимание, что он служит Злу, чуть-чуть «язвит» (т. 4, стр. 607) его), сослужит важную службу для этого презируемого им начальства. Прав Рубин, укоряя Сологдина в том, что у последнего нет принципов, называя его разговоры о Добре и Зле абстрактной болтовней:

«Ты посмеиваешься, как вкальывает Семерка, а если б сам мог отличиться — так на брюхе бы пополз!

— Никогда!! — даже затрясся Сологдин» (стр. 567).

Затрясся, но отличился при первой возможности отличиться, хотя и очевидна была ему «некоторая моральная неясность» (т. 3, стр. 247) делаемой им работы, хотя и понимал, что в ней «мало промышленного, много придворного» (там же). Но всё это лишь слова: даже споря с Рубиным, он твердо знает, что выполнит задание ненавидимого им «Заказчика» (там же). Такое поведение Сологдина возможно потому, что в понимании Добра и Зла он занимает странную позицию:

«...главное, он умел по каждому вопросу высказать какое-нибудь несуразное дичайшее мнение, вроде того, что проституция есть нравственное благо, или что в поединке с Пушкиным был прав Дантес...» (стр. 190).

Сологдин стоит как бы вне Добра и Зла, для него существует лишь его неправоммерно раздутое «Я».

Для дополнительной проверки этики человека Солженицын сталкивает своих героев (в том числе и Сологдина) с еще одним испытанием — женщиной. Сологдин поддается искушению в отличие от Нержина (у обоих есть жены на свободе).

Сложнее случай Рубина. Он стоит по крайней мере перед тройным конфликтом. Он может остаться на шарашке, только согласившись на сделку с совестью. Сам будучи арестантом, он ввергает в этот ад других

людей. И не важно, что, как и в случае Володина, люди, подвергшиеся аресту, всё равно были бы арестованы. Важно, что Рубин согласился выполнить задание, ставя тем самым свои личные, эгоистические интересы выше совести, выше вопросов морали.

В то же время Рубин, несмотря ни на что, верит в правильность того, что делает партия или, вернее, что делается во имя партии (или так им понимается). Итак, конфликт Рубина состоит из трех частей: конечно, он хочет остаться в живых; затем ему кажется, что он занимается важным государственным делом. И лишь войдя в работу, он начинает понимать всю абсурдность того квазипреступления, которое совершено кем-то, кого он должен разоблачить. И всё же Рубин завершает свою работу и даже увлекается ею.

Был в молодости Рубина и другой эпизод, когда партия, надев личину совести, заставила его пойти против совести и выдать двоюродного брата:

«Как можно не открыться... Партии?! Партия не карает, она — наша совесть» (т. 4, стр. 577).

Так было сказано Рубину. И того, чего не сделал бы он под угрозой десяти пистолетных дул, карцера или ссылки, добились от него одним упоминанием о партии. Но Рубин, в отличие от Солодина, мучается угрызениями совести, не спит ночами:

«А сейчас вжато в голову. Врезано калёной печатью. Жжёт. И чудится иногда: раны тебе — за это! Тюрьма тебе — за это! Болезни тебе — за это!» (стр. 579).

Конфликт между партией и совестью у Рубина — затяжной, и, вопреки логике, ничто не может выбить из него окончательно веру в справедливость партии, но пошатнуть может. Не случайно вспоминает Рубин басню Крылова «Булат». Трактовкой ее он как бы снимает с себя ответственность за совершенные им поступки и перекладывает ее на других, то есть делает то, чего не сделали бы ни Нержин, ни Герасимович:

«Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен!..» (стр. 580).

Конечно, Рубин — не злодей, и в нормальных условиях он был бы хорошим человеком. Но истинные качества человека, его моральные устои проверяются в беде, в тяжелых условиях. Рубин, оставаясь лично милым для своих друзей человеком, настоящим человеком быть перестал.

В душе Рубина Добро подменено «добром» коммунистическим. Это неким образом символизируется его фамилией: рубин — драгоценный камень, это подчеркивает наличие в Льве Рубине ценного, а красный цвет камня напоминает о том, что это ценное связано с коммунизмом. Не случайно он — лучший представитель из всех показываемых в книге членов партии, и не случайно он — за решеткой. Так же не случайно и то, что в лагере друзьями его были те, кто по мировоззрению должны были бы быть его врагами (Нержин, например). И наконец отнюдь не случайно, что Рубина не смогли заставить в тюрьме стать доносчиком и что друзья его доверяют ему.

Итак, в Рубине живут два существа, находящиеся в состоянии постоянной борьбы с переменным успехом: то побеждает Рубин-партиец, то Рубин-человек. Значительно, что Солженицын сталкивает близких друг другу по духу Рубина и Сологдина в споре, делает их почти врагами, но в конечном итоге оба избирают один и тот же путь.

На конфликте партийного и человеческого долга построен рассказ Солженицына «Случай на станции Кречетовка» (т. 1, стр. 135). Его герой, незлой человек, своим догматизмом, своими застывшими раз и навсегда под влиянием партийной пропаганды взглядами и мнениями, напоминает Рубина. Так, а не иначе, должен выглядеть шпион, — считает герой и предает человека советским властям; исполняя свой «долг» перед партией, герой предает свою совесть, подсказывавшую ему

все-таки, что он не должен был бы этого делать. У героя этого рассказа и у Рубина есть нечто общее. Оба мучаются угрызениями совести. Оба являют собой пример того, что может сделать коммунистическая власть с человеческими душами. Костоглотов об этом высказывается решительно:

«Раз и навсегда никто на земле ничего сказать не может. Потому что тогда остановилась бы жизнь» (т. 2, стр. 157).

Двух героев, Герасимовича и Нержина, которые избирают путь страдания, но не идут на сделку с властью, Солженицын ставит еще перед дополнительным испытанием; он усиливает значение принимаемого ими решения и подчеркивает их моральную высоту, но принятие этого решения делает для них еще более трудным. Дело в том, что жёны этих заключенных умоляют своих мужей изобрести что-нибудь, чтобы раньше освободиться из тюрьмы. Измученный вид этих женщин, особенно жены Герасимовича, апеллирует к чувству любви их близких. Крик души Натальи Павловны Герасимович выражается в следующих ее словах:

«Ларик, родной мой, ну сделай как-нибудь, чтоб освободиться раньше. У тебя же гениальная голова! Ну, изобрети им что-нибудь. Спаси меня! Спа-си меня!..» (т. 3, стр. 319).

Но нет, не пойдет на сделку с совестью этот слабый физически человек, которого Солженицын описывает характерными для писателя сравнениями, почерпнутыми из сферы животного мира. Герасимович —

«...щуплый, казался похожим на воробья.

На того из народной пословицы воробья, у которого сердце с кошку» (т. 4, стр. 655).

Он помнит «иссушенное лицо» своей жены «со стеклянно-застылыми слезами» (стр. 695), но бесстрашно отвечает соблазняющим его начальникам:

«Нет! Это не по моей специальности!.. Сажать людей в

тюрьму — не по моей специальности: я — не ловец человеков! Довольно, что нас посадили...» (стр. 696).

Надрыв жены чувствуется и в его ответе, в этом нагнетании восклицательной интонации крика, в прерывистости, в иронии, скрытой в слове «человеков». Слово «человеков», сохраняя связь с отдельным человеческим индивидуумом, подчеркивает гуманность, которой руководствуется в своем поведении лишенный почти всех прав Герасимович и которая чужда советской власти, — ее представители живут по правилу: лес рубят — щепки летят.

Нержин, поступающий так же, олицетворяет собой, своей жизнью и поступками, как малыми, так и большими, лучшее в русском народе. Для него — представитель народа тот, у кого есть душа, кто является человеком вне зависимости от происхождения или образования. Своей жизнью Нержин полностью заслуживает это звание — не случайна его дружба со Спиридоном, доверие которого он сумел завоевать. Рано прозревший, заметивший пороки окружающей его жизни, рано постигший злодейскую сущность Сталина, Нержин продолжает свои поиски, старается понять происходящее, разобраться в нем. Не случайно он, математик, считает излишней роскошью заниматься своим предметом, столь далеким от подлинной жизни человека. Ему «...нечего сказать о солнцах и мирах», он видит «...лишь одни страдания человека...» (т. 3, стр. 60).

Конфликт Нержина выражен в книге всего лишь при помощи нескольких предложений, особенность же его в том, что он лишь внешний, кажущийся. Нержин, ни минуты не колеблясь, предпочтет доводы сердца доводам разума, отвергнет благополучную жизнь, которую он может заслужить отречением от своей совести.

Знаменательно, что жена Нержина говорит, что ему «идет» быть в тюрьме (стр. 311), а позднее он и сам с этим внутренне соглашается. Нержин — само олицетворение совести, тогда где же как не в сталинской тюрьме

ме наиболее подходящее для него место? Да и разобраться в действительности легче всего было именно в тюрьме — с кем только не сталкивался там арестованный!

Солженицын ставит Нержина еще перед одним испытанием — женщиной, и из этого испытания Нержин выходит с честью: выбирает наиболее трудное решение — отвергая ложь и страдая, остается верным жене. Нержин, как и Рубин, понимает, что жертва его может быть напрасной — неизвестно, дождется ли его жена и выживет ли он сам, но в отличие от Рубина для него важно и умирая знать, что он не подлец (т. 4, стр. 716).

Есть у Солженицына еще по крайней мере одна героиня, которая очень близка к образу Нержина, — это Матрёна, героиня рассказа «Матрёнин двор». Отличаясь от Нержина степенью интеллектуального развития, она сродни ему тем, что ее тоже никакая власть не может заставить поступать против совести и ничто не может «излечить» от Добра, которое составляет ее сущность: всем она помогает, забывая о себе и тем самым позволяя другим забывать о ее нуждах. Внешне ее жизнь выглядит некрасиво: бедность, грязь, тараканы, убожество. Но за всем этим скрывается внутреннее величие. Солженицын даже не ставит ее перед моральным конфликтом, так как она — символ Добра. Такими людьми держится мир — перед нами новая версия библейского рассказа о Содоме и Гоморре. На замученного советскими лагерями героя рассказа присутствие Матрёны оказывает живительное влияние. Рассказ этот, с моей точки зрения, представляет собой лишнее свидетельство веры Солженицына в конечное торжество Добра над Злом, несмотря на количественное преобладание второго (т. 1, стр. 195).

Говоря о конфликтах у Солженицына, нельзя оставить без внимания и «литературный» аспект этой темы. Известно, что советская литература — это литература без конфликтов (рисуеться жизнь, где нет проблем;

где всё ясно и понятно) или же литература надуманных конфликтов. Не раз в произведениях Солженицына мелькает осуждение той псевдолитературы, например, таких ее «шедевров», как роман «Далеко от Москвы» Ажаева, который в «Круге первом» назван «Далеко от нас» (т. 3, стр. 234), и другие. Володин, например, утверждает, что советская литература перестала быть совестью человечества или отдельного человека (т. 4, стр. 501). Характерным для Солженицына приемом разоблачения ложности конфликтов советской литературы (официальной) является столкновение псевдоконфликта этой литературы (например, угрызения совести комсомольца-подпольщика из-за того, что он, будучи занят активной борьбой с врагом, не имеет возможности аккуратно платить членские взносы в комсомольскую организацию) с подлинной жизнью (например, образ настоящей — не книжной — партизанки Эржики).

Официальные советские писатели, даже в лице лучших ее представителей, таких как Галахов, предпочитают не затрагивать тем и конфликтов окружающей их жизни и пишут о загранице, или седой истории, или даже фантазии о лунных жителях (стр. 500). Образ Галахова трагичен, несмотря на всё его внешнее благополучие. Он зашел в тупик, типичный для всей советской литературы, которая, именуя себя реалистической, парадоксальным образом избегает изображения реальной жизни, как самая настоящая романтическая литература.

Затронув проблему совести, следует отметить, что сон Русанова, героя «Ракового корпуса», не есть проявление последней, как утверждает С. Левицкий в статье «Этика Солженицына»⁵. Не случайно этот сон снится Русанову *после* того, как жена сообщила ему о возвращении из лагерей оклеветанного им товарища, и *после* того, как сменяются представители органов «правосу-

⁵ «Новый журнал», № 102, стр. 113 и 114. Нью-Йорк, 1971.

дия». Чувство, испытываемое им, — не что иное, как дикий животный страх перед физической расправой с ним:

«Даже никакие не мысли, а просто — он боялся. Просто — боялся. Боялся, что Родичев вдруг вот завтра утром прорвется через сестер, через санитарок, бросится сюда и начнет его бить. Не правосудия, не суда общественности, не позора боялся Русанов, а просто, что его будут бить» (т. 2, стр. 212).

Типичен именно для советской действительности конфликт, перед которым поставлена аспирантка Московского университета Муза из романа «В круге первом». От нее требуют, чтобы она стала доносчицей. Жизнь ее, которая до сих пор шла так ровно, спокойно и безгрешно (многочисленные трагедии, происходившие вокруг нее, до ее сознания не доходили), — теперь нарушена. Не согласиться с требованиями органов безопасности в лучшем случае означает уничтожение карьеры, в худшем же — арест. Согласиться на такую «работу» Муза не может: в ней жива совесть. Не случаен и выбор ее имени. Последним и самым действенным аргументом, который не позволит Музе выполнить возлагаемую на нее роль, оказывается моральная чистота *литературных героев*. Она думает:

«Но и ты не уступишь! Ты не уступишь, потому что как же можно рассуждать о гамлетовском и донкихотском началах в человеке — и всё время помнить, что ты — доносчица, что у тебя есть кличка — Ромашка или какая-нибудь Трезорка и что ты должна собирать материалы вот на этих девчонок или на своего профессора?..» (т. 3, стр. 381).

Муза — эпизодическая героиня, мы встречаемся с ней в момент кризиса, после чего она исчезает из поля нашего зрения. Автор не сообщает о том, как поведет себя Муза при следующей встрече с властями. Но можно быть уверенным, что для нее не будет иного пути, нежели путь, который был бы приемлем для ее любимых *литературных героев*.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В РОМАНЕ «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Природа в произведениях писателя выполняет различные функции: может служить декорацией, помогает передаче настроения и характера человека, может контрастировать с ним, тем самым его оттеняя, может быть товарищем или советчиком человека; в природе человек может искать свое последнее прибежище от горя и страдания; описания природы помогают также писателю передавать время и его протяженность; описания природы, объединяя факты и события, играют иной раз и композиционную роль. У Солженицына, пожалуй, почти нет описаний природы, функцией которых было бы только украшение рассказа; не бывают они и только фоном событий. Тем или иным образом, но пейзаж Солженицына и человек соотносятся между собой. Рассмотрим же на примерах из романа «В круге первом», какова эта связь.

Явления природы и ее проявления характеризуются или вечностью, или долголетием, или же постоянством процесса обновления. Природа для Солженицына и его героя нередко является областью идеального, с которым контрастирует человек и его поступки. Так, в десятой главе романа рассказывается о создании шарашки, этого дьявольского изобретения человека. Но где же решил человек создать тюрьму? Там, где столетние липы. Когда создается шарашка? В момент весеннего обновления природы, «когда все юно так и так незрело» (стр. 66 и 67), когда липы цветут и сладко пахнут. На фоне этой вечной красоты человек творит свои злодеяния: сажает людей за решетку, там слышится печальная речь... военнопленных... и гудит лагерная брань... (там же).

В то же время природа в произведениях Солженицына не отделена от человека, она подвергается тем же страданиям и по той же причине, как и человек: мы

читаем о роще «столетних лип, которых судьба тоже не пощадила и вкrojила в зону, охраняемую автоматным огнем» (стр. 243). Факт, что «арестована» и природа, усиливает предчувствие, что и люди страдают без вины.

Природа в произведениях Солженицына действует на человека облагораживающе и облегчает его страдания. Так она воздействует на Володина (т. 4, стр. 485) и на взбудораженного тревожными мыслями Рубина: не-бо ощущается им милым, прикосновение снежинок — детски-невинным (стр. 585). Хотелось бы Рубину забыть о «взрослом» зле, им содеянном и его окружающем, не случайно и паровозный гудок напоминает ему о детстве — хотелось бы Рубину объединиться, слиться с природой:

«...стоять так всю ночь напролет, замерев, — блаженно, благословенно, как стоят деревья...» (там же).

Кто же мешает ему очиститься с помощью природы, ее прелести и невинности? Конечно же, человек — конвоир, представитель власти.

Ближе всего к природе крестьянин Спиридон, который не только чувствует, но и понимает ее. И природа не остается равнодушной к Спиридону, приходит ему на помощь, в самую трудную минуту жизни подсказывает правильное решение:

«Но и эта самая важная мысль о дочери, снизошедшая на него с неподвижных предутренних лип...» (стр. 599).

Опять перед нами те же многострадальные, арестованные, столетние липы, которые учат человека уму-разуму.

Нередко Солженицын вместо того, чтобы описывать настроение людей, вставляет в описание природы «человеческие» эпитеты, наполняя таким образом пейзаж психологическим подтекстом. Так, например, рассказывая о том, как семеро арестованных отправляются на свидание с женами, автор передает их нетерпение через движение снежинок:

«...первые нетерпеливые снежинки кое-где пролетали по одной» (т. 3, стр. 349).

В 24-ой главе победа в душе Сологодина злого начала усиливается образом солнца, которое «колебалось, показаться или нет» (стр. 195). Сологдин сравнивается здесь с Александром Невским, как близкий ему по духу индивидуалист-ученый Вадим из «Ракового корпуса» — с иконным отроком.

«...словно розовая заря промелькнула по разбуряенному лицу Александра Невского, неся в себе отблеск прекрасных, как солнце, трудностей...» (там же).

Правда, очень скоро отблеск зари в природе был погашен серыми облаками, как и добро в мыслях Сологодина. Но Сологдин лишь внешне похож на Александра Невского — свою храбрость и свой талант он направит на достижение личного блага.

Использование природы как средства характеристики героини — явно в случае Агнии. Эта девушка «откуда-то не с земли» (стр. 172), она вся в природе, любит ее и хочет понять ее тайны, видит и ощущает природу глубоко и тонко, по-своему, не по-литературному — даже описания Тургенева кажутся ей поверхностными. Лесным Ручейком прозвал ее Яконов. Вся она противопоставлена городу, цивилизации, злу, говорит она «лесным голосом, который трудно расслышивался в городском громоухании» (стр. 175). Если раньше мы видели, как у Солженицына психологизируется пейзаж, то здесь, наоборот, характеристика человека дается с помощью «природного» эпитета.

Единство Агнии и природы передано также характеристикой природных явлений (например, реки) или предметов, сделанных руками человека (стекло, куполов); кроме того, — переключкой одного и того же цвета:

«И во всем этом золотом осиянии Агния, в наброшенной желтой шали тоже казавшаяся золотой, сидела, щурясь на солнце» (стр. 176).

В качестве антагониста Агнии предстает в романе Яконов, приходящий к природе в трагический момент его жизни, да и то ненадолго. Город с его злом победили в Яконове те зародыши хорошего, что в нем были. Когда Яконов приходит к месту, напоминающему ему об Агнии, всё вокруг уже разрушено рукой человека, и это разорение вторит опошленной душе героя и неким образом отражает ее. Слова же, которыми заканчивается это описание, свидетельствуют о победе Агнии и природы в вечности, преодолевающей ограниченное временем человеческое зло. В этом кроется еще одна причина того, что книги Солженицына, повествующие о тяжелом, страшном, жестоком и бессмысленном, никогда не звучат пессимистически:

«Совершенно даже не верилось, что тот солнечный вечер и этот декабрьский рассвет происходили на одних и тех же квадратных метрах московской земли. Но всё так же был далек обзор с холма, и те же были извивы реки...» (стр. 182).

Как и Достоевский, Солженицын приводит своих героев в момент кризиса и отчаяния к реке. Яконов стоит у парапета набережной и смотрит вниз (стр. 169), Голышкин из повести Достоевского «Двойник» и Раскольников из «Преступления и наказания» находят свое место там же. Вода, в которую смотрят все эти герои, как зеркало, отражает их душевное состояние; там, в этой бесконечной глубине они ищут ответа на мучающие их вопросы.

Часто герои Солженицына смотрят на природу через окно, и за этим их взглядом скрывается различный подтекст. Так, арестованные смотрят в темноту — там, за окном, она — желанная свобода (стр. 30 и 33). Надя Нержина стоит, «прислонившись виском к стеклу и глядя в ночь» (стр. 407). Это смотрение в ночь передает, как тяжело, как черно у нее на душе, как трудно ей разобраться во всех окружающих ее нелепостях жизни. Темнота за окном поглотила и ее арестованного мужа:

«Она смотрела в темноту, старалась угадать там трубу тюрьмы...» (стр. 408).

А дальше — прямое значение слов «темный», «темнота», которые характеризуют физическое состояние и за которыми только угадывается психологический подтекст. Значение этих слов становится метафорическим и говорит о неизвестном, что ожидает героиню и несет ей лишь страдания:

«Ряд фонарей уводил куда-то в темную черноту будущего, до которого дожить не хотелось...» (там же).

В главе «Лицейский стол» арестованные тоже смотрят в окно: там они видят черные хлопья — тени от снежинок.

«Даже снег нам суждено видеть не белым, а черным! — воскликнул Кондрашёв» (т. 4, стр. 451).

В данном случае элемент пейзажа выполняет символическую роль, подчеркивая неестественность положения героев.

Особенно полны символизма картины природы на полотнах художника Кондрашёва. Его картину «Изувеченный Дуб» можно рассматривать как символ борьбы, страданий и неестественности положения русского народа, который не смогли уничтожить никакие ураганы. Это дерево — «упорное», оно не прекращает борьбы (т. 3, стр. 350). Другая его картина называется «Осенний ручей»: наряду с ручьем на ней изображены «бунтующая багряная береза» и «задушенное солнце» (стр. 356). Художник связывает характер народа, его бунтарство, с особенностями природы, которая «и торжествует! и возмущается! и не приемлет покорно татарских копыт!!» (стр. 358). Пользование символами характерно для техники Солженицына, но это — тема для отдельной статьи.

Вернемся к «Осеннему ручью». Главное в этой картине: некое «равновесие», «высший синтез природы» — «синтез понимания, успокоения, всесоединения». Миро-

понимание Солженицына не ограничивается видимым, он верит в таинственное и мистическое, являющееся сущностью природы и жизни. Природа выше человека, так как она ближе к Всеединому, к высшему пониманию, человек же отдаляется от него, поддаваясь всякого рода соблазнам. (Один из героев «Ракового корпуса», доктор Орещенко, старается сохранить Образ Вечности, объединяющий всех и всё, тот Образ Вечности, который заложен в каждом человеке, но о котором люди забывают за мелочами повседневной жизни).

У Солженицына состояние природы может соответствовать настроению героя, тем его усиливая, но может и контрастировать с ним, тем его оттеняя.

Чаще же состояние природы вторит настроению героя. Так, например, плохому настроению Нержина соответствует «бессмысленная гнилая оттепель» (т. 4, стр. 605). В 22-ой главе перед читателем предстает Яконов в тот момент, когда будущее его неясно, возможно, что ему грозит тюрьма и гибель. Весь пейзаж окутан туманом, пять раз на трёх страницах упоминается этот туман.

«Туман жался к земле»... «будто хотел уйти под колеса автомобиля и под асфальт», как и Яконов не может найти себе места, мечется по городу. Ночь — черная, асфальт — скользок и сер. И эти все три эпитета можно отнести к настроению героя (т. 3, стр. 165 и 166).

Характерна для Солженицына реализация эпитета, заключающаяся в том, что к его физическому значению, описывающему время, природу, обстановку, присоединяется затем метафорическое значение, относящееся к описанию героя, его судьбы. Такой переход наблюдается, например, в следующем двухкратном использовании слова «черный»:

«...прямо под Яконовым виднелось черное гнилозимнее пятно — разводье.

Черная бездна прошлого — тюрьма — опять разверзалась перед ним и опять звала его вернуться» (стр. 169).

Возможны у Солженицына и случаи, когда сочетания слов, употребленных в метафорическом значении, затем, повторяясь, наделяются прямым, физическим значением, объединяя, таким образом, человека и его чувства с природой. Например, катастрофа, происшедшая с Надей Нержиной, наделяется космическими масштабами: в конце войны она перестала получать письма от мужа, и для нее «свет померк»; дальше же рассказывается о том, что война кончилась, а писем для нее всё не было:

«Шло знойное южное лето, но солнце с неба не светило вдове» (стр. 288, 289).

Действие в конце 23-ей и в начале 24-ой главы романа «В круге первом» происходит на фоне того же самого пейзажа и в тот же самый час. Главы внешне объединяются словами «светало» и «обильный мохнатый иней» — «щедрый царственный иней» (стр. 183). На этом фоне представлены два героя: Яконов, находящийся у власти, но которому грозит арест, и арестованный Сологдин. Кардинальное различие в настроении героев подчеркнуто с помощью повторяющегося пейзажа. В то время как Яконов не чувствует окружающей его торжественной очищенности воздуха, Сологдин видит красоту мира, которой он восхищается (там же). О глазах Яконова ничего не сказано, но о глазах Сологодина говорится, что они сверкали (стр. 184). Яконов не ощущает желания жить, он неподвижен и стоит, «припав к мертвым камням». Эпитет «мертвый» распространяет свое значение и на Яконова. Напротив — «...грудь (Сологодина — Л. К.) вздымалась от полноты бытия». Различное отношение к природе, различное поведение героев передают их психологическое состояние весьма наглядно.

Особую роль играют детали в описании природы. Это связано с тем, что композиция произведений Солженицына отличается прерывистостью; автор постоян-

но перебрасывает читателя с места на место и сам переходит от характеристики одной группы героев к другой. Чтобы подчеркнуть, что разные события происходят в одно и то же время (а это необходимо для того, чтобы произведение воспринималось читателем как нечто единое), Солженицын переносит одну и ту же деталь природы из главы в главу. Так, например, иней упоминается в главах 23, 24, 29, 32 и 34. Время движется, и это передается с помощью изменения погоды: начинают падать снеговинки (глава 42) или редкие снежинки (глава 44). Эта деталь природы связывает воедино разных людей, разные места действия: в 42-ой главе рассказывается нам о том, что происходит на шарашке, а в 44-ой — мы видим общежитие, в котором живет Надя Нержина. Такую же нагрузку несет на себе в следующих главах упоминание (неоднократное) о густо падающем снеге.

«Пражская весна»

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемый ниже доклад с дискуссией под общим названием «Пражская весна» был прочитан проф. О. Шиком осенью 1970 г. во Франкфурте-на-Майне. Вечер с открытым докладом был организован чехословацким клубом. В своем большинстве аудитория состояла из чехов и словаков, покинувших родину в августе 1968 г., когда Чехословакия была оккупирована войсками стран Варшавского договора. Это выступление проф. О. Шика на его родном языке и перед чехословацкой аудиторией было первым с тех пор, как он находится за границей. Доклад и дискуссия были записаны на магнитофон с разрешения устроителей. Перевод с чешского — С. Тарасова.

Проф. Ота Шик родился в 1919 г. в Пильзене. Совсем молодым человеком прошел он опыт нацистских концлагерей. С 1945 г. — член КПЧ. С этого времени проф. Шик начинает быстро продвигаться по научной и партийной линии. Член Академии Наук ЧССР и член ЦК КПЧ, он занимает в течение ряда лет ответственные должности; он директор Института экономики ЧССР, член Идеологической, а затем и Экономической комиссий ЦК КПЧ, член Политической комиссии ЦК КПЧ по подготовке внеочередного XIV съезда КПЧ, на котором он был избран членом Президиума ЦК КПЧ; член Чешского Национального Совета и т. д. Профессор Ота Шик — кавалер «Ордена 25-го февраля» 2-ой степени и лауреат государственной премии К. Готтвальда. В настоящее время — он преподает в университетах Швейцарии экономику.

Доклад

Дорогие друзья! Это — мой первый доклад в чешской среде после того, как я оставил родину. К сожалению, я не могу вам сказать того, что вас — и меня тоже — больше всего интересует, а именно: когда и как изменится обстановка у нас на родине. Нет смысла рассказывать и о том, что происходит там сегодня, — я знаю об этом примерно столько же, сколько и вы. Не стоит также тратить времени и уверять друг друга в том, что виновата во всем система, которая, как оказалось, не имеет абсолютно ничего общего с социализмом (вопреки всем первоначальным представлениям части бывших коммунистов о справедливом, гуманном социалистическом обществе). Вскоре после революции многие из нас осознали, что мы во время войны, концентрационных лагерей и задолго до этого желали совсем не того, что было осуществлено на практике.

Мне часто задают вопрос: как и когда мы это осознали? И я хотел бы на него ответить прежде, чем говорить о более принципиальных проблемах.

Мы стали понемногу осознавать это примерно в пятидесятых годах, когда начались процессы, и совершенно ясно осознали в 1956 году, когда Хрущев запросто, как говорится, на все сто процентов, подтвердил, что всё то, что до этого именовалось буржуазной пропагандой, — правда.

Думаю, что в коммунистическую партию пришло немало людей с искренним желанием служить социализму. В особенности, по-моему, такой была коммунистическая молодежь до войны. Сегодня мы хорошо видим, что тогда у нас были упрощенные представления: мы считали, что достаточно лишь упразднить буржуазную власть, капиталистическую собственность, ввести планирование, как сразу воцарится порядок и всё станет лучше, чем было раньше.

Сейчас эти наши рассуждения звучат наивно. Однако тот факт, что и сегодня на Западе часть молодежи снова приходит к таким же убеждениям, по-моему, оправдывает тогдашнюю нашу наивность. Думаю, что любой молодой человек склонен к упрощениям и готов поверить в то, что можно быстро и легко коренным образом изменить мир. Когда мы потом увидели, что реальность не имеет ничего общего с нашими представлениями, мы оказались перед выбором. Для меня лично этот момент наступил примерно в 1956 году, после XX съезда КПСС. Передо мною возник вопрос: выходить из партии или попробовать что-то изменить?

Нас было мало: группка людей в Высшей партийной школе. Интересно, что именно так мы себе и сказали: если дело в этом, то нам следует попытаться исправить наши собственные ошибки, вернее изменить присущие системе качества. Мы способствовали их внедрению, мы и попробуем их исправить. С 1956-1957 года мы начали работать в этом направлении. Сегодня я сделал бы то же самое. Я полагаю, что такое решение — более принципиально и серьезно, чем просто выйти из партии. В то время я был еще мало кому известным молодым человеком, и для меня было бы куда проще со всем этим разделаться. Но, как видите, мы стали подготавливать изменения, готовили их около десяти лет, с 1957 года, и нам это почти удалось.

Примерно в 1957 году я начал теоретически разрабатывать иную модель социалистического общества. Я и сегодня подтверждаю, что остался социалистом. Однако при этом я делаю принципиальное различие между социализмом и коммунизмом. С коммунизмом как с представлением об обществе, которое основывается на официально принятой марксистско-ленинской теории и которое осуществлено на практике, я разошелся окончательно, причем не в эмиграции, а гораздо раньше. Концепцию коммунизма нельзя отделять от его практического осуществления. Другого коммунизма нет,

нигде не установлено, и до сегодняшнего дня нет и иного теоретического представления о нем. Поэтому для меня понятие «коммунизм» просто тождественно известной нам практике и теории, и внутренне я давно уже порвал с такими основными принципами коммунистического общества, как диктатура пролетариата, ведущая роль одной партии, государственная собственность, централистическое директивное планирование и т. д. Это — основные столпы коммунистической системы, и я принципиально их отвергаю.

Мы пытались добиться изменений путем реформ, которые должны были завершиться упразднением перечисленных принципов. Это я хотел бы особенно подчеркнуть. Однако не думаю, что всё это должно означать отход от социализма.

Я и сегодня не изменил своей критической точки зрения на западное капиталистическое общество. Наоборот, во время пребывания за границей некоторые мои критические взгляды лишь углубились и укрепились. И этого я никогда не скрываю. Я читаю лекции в двух швейцарских университетах, читаю их по всему миру, главным образом в университетской (студенческой) или «деловой» среде, везде выражаю открыто свое критическое отношение к коммунистической системе, но это вовсе не означает, что я перешел на позиции нынешнего капиталистического общества. Напротив, гораздо больше, чем раньше, я убежден, что на Западе развитие приведет к созданию определенной модели социалистического общества, которое, однако, будет иметь совсем иной характер, чем в теперешних так называемых социалистических странах.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОНОПОЛИЗМ»

Коммунизм — не форма социалистического общества. Я убежден, что коммунизм остановился на определенной ступени развития, которую Ленин ввел созна-

тельно, считая такую форму общества временной, переходной по отношению к социализму. Эту форму, которую я называю «государственным монополизмом», Ленин ввел после захвата власти в России. Он тогда уже оглядывался на государственно - монополистические формы хозяйства и политики Германии времен Первой мировой войны. В то время он изучал экономические системы Ратенау, Нейрата и других, которые даже теоретически обосновывали тогдашний государственный монополизм в Германии. Ленин считал такую форму предшествующей ступенью социалистического развития и целенаправленно вводил ее в России, но вводил то, что было характерно именно для воюющей Германии: военное хозяйствование с началами централизованного директивного планирования, с трудовой повинностью, с централизованным распределением рабочей силы, сырья и средств производства, централизованным распределением продукции и предметов потребления (во время войны в Германии была карточная система). Военное развитие экономики в Германии вынуждало ее вводить планирование, Ленин же усматривал в этом образец социалистического планирования для отсталой России, в которой почти не существовало никакой промышленности*. А то немногое, что имелось, было разрушено во время войны и революционных боев. В государственном монополизме Ленин видел путь быстрой индустриализации страны, осуществив которую, намеревался перейти к социалистическому строительству. Я предполагаю, что дальнейшее движение в сторону социализма приостановилось и что в России и по сей день сохра-

* Довольно распространенное мнение об отсталости России, поддерживаемое и внедряемое советской пропагандой, — не обосновано и искажает факты. По уровню промышленного развития Россия в то время была на четвертом месте в Европе, а по уровню машиностроения — на третьем. (См. «План ГОЭРЛО». Академическое переиздание 1955 г. Москва). — Р е д.

нился введенный Лениным государственный монополизм. Установившаяся система не принесла ни экономического, ни политического освобождения трудящимся, никак не помогла преодолеть отчуждение людей от своего труда. Для трудящихся при такой системе фабрика стала фактором отчуждения в еще большей степени, чем при капитализме. Управление, планирование, производство трудящихся совершенно не касается — всё решает малочисленная правящая клика, обладающая всевозможными привилегиями: материальными, социальными, административными, политическими. Массы же лишены возможности заниматься какой бы то ни было свободной политической деятельностью. Это действительно такая система, при которой правящая клика, опирающаяся на гигантский бюрократический аппарат, навязывает людям свои представления, волю и интересы.

БЫЛ ЛИ ДУБЧЕК РЕФОРМАТОРОМ?

Мы предполагали, что благодаря определенным внутрипартийным реформам можно будет достигнуть коренных перемен. Прежде всего, чтобы в руководство партии вошли люди с другими — демократическими, гуманными и передовыми — взглядами. К этой цели мы стремились десять лет. Ясно, что это было нелегко. В первую очередь следовало опасаться преждевременного раскрытия нашей деятельности. Нужно было принимать меры предосторожности по отношению друг к другу, твердо знать, кому можно доверять, а кому нет. Мы почти достигли своей цели. В Чехословакии наши идеи могли осуществиться, потому что они, став известными народу, получили его абсолютную поддержку. Причина же неудачи всем ясна — внешнее насильственное вмешательство.

Я хотел бы подчеркнуть, что люди, разрабатывавшие модель, которую мы называли моделью гуманного демократического социализма, люди, которые подго-

товляли перемены не только теоретически, но и практической, настойчивой, продолжавшейся годами работой, эти люди в своем подавляющем большинстве вам не известны. Я хочу подчеркнуть, что никто из людей, вошедших в центральный аппарат в весенние месяцы, к собственно реформаторам не принадлежал. В Центральном комитете партии нас была горсточка — пять-шесть человек, или того меньше, а еще выше попал только я один, да и то не в Политбюро, так как советское руководство было против этого уже со времен Дрездена*, если не раньше. Подлинные реформаторы и те, с чьим именем в мире связывается реформаторское движение, в Политбюро не попали. Политическими представителями «пражской весны» были главным образом «центристы» (как мы их называли). А это означало, что собственно реформаторы были слишком слабы. Да это и понятно: весь Центральный комитет был создан Новотным и аппаратчиками. Чтобы попасть туда группке наших, мы годами должны были скрывать свои подлинные мысли. Вы, конечно, понимаете, что только весной мы смогли открыто заговорить о своих взглядах, и это уже считалось у нас огромным успехом. И если, несмотря на всё, нашей группке удалось в декабре 1967 г. и в январе 1968 г. добиться значительных перемен и свергнуть Новотного с его ближайшими сотрудниками, то это произошло лишь в результате мощного движения снизу в предшествующие годы. Просто у нас была огромная поддержка, непомерно возросшая с 1964 г. Только благодаря этой поддержке лично я не был в свое время снят с важных постов (например, с поста руководителя комиссии по реформам и т. п.). Не знаю, известно ли вам, что наше дело несколько раз обсуждалось в Политбюро. Новотный уже с самого начала, чуть ли не с 1956 года, почуял, что наше направление не имеет ничего общего со старыми ста-

* Имеется в виду съезд в Дрездене по поводу реформ в Чехословакии. — Р е д.

линскими установками, и с удовольствием избавился бы от нас. Правда, в последние годы он уже не в силах был этого добиться. Идея экономической реформы получила такую колоссальную поддержку со стороны встречного движения снизу, что даже от тех людей, которых сталинисты уже раскусили, они так легко не могли избавиться.

Весенние месяцы явились результатом предшествующего. Вы знаете, что всё началось с писательского съезда, затем последовали студенческие демонстрации, потом Новотный просчитался со словаками, сам себе напортив и создав против себя сильную словацкую оппозицию. Наше движение между тем всё усиливалось, так что к декабрю ситуация настолько созрела, что мы должны были дать бой. Если мы этого не сделали бы, то, вероятно, упустили бы подходящий момент. Мне кажется, что до этого момента всё было рассчитано верно и больших ошибок мы не совершили.

Затем, когда дело дошло до решительной схватки в Центральном комитете, мы, разумеется, могли выиграть только с помощью людей, которые не имели ничего общего с реформаторскими идеями. Это были обыкновенные оппортунисты и карьеристы. Непосредственно вокруг Новотного сплотилась группа самых верных, я бы сказал, самых могущественных людей, которые вместе с ним стояли у кормила власти и вместе с ним пали, людей, которые не могли не идти с ним и пошли с ним до конца. Ступенью ниже стояли те люди, которые всегда идут с властью имущими и которые почуяли, что Новотный не удержится, что он падает и надо ставить на другую карту; они просто сменили вехи. И вот именно с помощью таких оппортунистов нам удалось свалить Новотного и его ближайшее окружение.

Разумеется, это не было победой некоего прогрессивного крыла, и горсточка реформаторов отнюдь не обладала той политической силой, которая могла бы одного из нас продвинуть в наивысший орган. Ведь Цент-

ральный комитет ничего не решает, реальная власть сосредоточена в руках Политбюро, то есть небольшой клики, и в него никто из нас попасть не мог. Те же, кто вошел в Политбюро, сидели там бок о бок с такими старыми консерваторами, как Ольдраш, Швестка, Билак и другие. Конечно, там были и такие люди, как Черник или сам Дубчек, вовсе не стремившиеся к радикальным переменам, а лишь хотевшие как-то очеловечить коммунистическую систему. Надеюсь, вы меня правильно понимаете: усилия этих людей были честными, но у них не было стремления к принципиальным, радикальным переменам системы как таковой. Эти люди весной сумели установить тесную связь с народом, с массой трудящихся, стали их символом, символом реформ, символом «пражской весны». Сам Дубчек вначале не так уж стремился к реформам, но со временем дошел все-таки до определенных реформ. Он находился под перекрестным огнем: с одной стороны, на него нажимали реформаторы, с другой, — консерваторы и, конечно, советские руководители. Такое положение было наихудшим, в нем уже содержался зародыш гибели «пражской весны». К настоящей победе могла привести только очень последовательная борьба и политика, последовательная прежде всего по отношению к советскому руководству. Нет ничего хуже, чем постоянные колебания и непоследовательность действий: то идти на уступки прогрессивным силам и, подчиняясь давлению снизу, проводить в жизнь нечто новое, то, получая нагоняй из СССР, пятиться назад, а затем снова бросаться в противоположную сторону. Эта непоследовательность руководства была просто кошмаром. В апреле, правда, положение немного улучшилось, — в Политбюро попали Кригл, Шпачек, Сморковски, и нажим в сторону более принципиальных реформ усилился. Но им противостояла группа людей, с самого начала договаривавшаяся с советским руководством. Они-то и подготовили всё, что произошло потом.

С таким руководством было, конечно, трудно проводить последовательную политику. Единственное спасение заключалось в скорейшем созыве съезда, чтобы с его помощью попытаться радикально сменить весь руководящий состав, введя в него людей с действительно ясными реформаторскими представлениями. Для этого внутри партии весной созрели все необходимые предпосылки. Но об этом хорошо было известно также и противной стороне, а Дубчек, к сожалению, слишком затягивал созыв съезда, который можно было созвать уже в конце апреля, технически всё было подготовлено. Советское же руководство считало, что съезд следует провести лишь в 1970 году, поэтому его созыв отодвигался. Нажим с нашей стороны не помогал до тех пор, пока сам Дубчек не удостоверился, куда всё это ведет. К тому же у него не было иного выхода, — поняв, что прежние сталинисты готовят переворот, он наметил созыв съезда на сентябрь, но было уже поздно. В апреле было еще не поздно, так как тогда советское руководство еще не вынесло решения оккупировать Чехословакию. Вторжение произошло прежде чем наступил сентябрь и мог быть созван съезд.

Всё это я считаю необходимым подчеркнуть потому, что когда говорят о реформаторском движении, обычно называют имена людей, ставших символами «пражской весны», забывая при этом, что они реформаторами как раз и не были.

К реформам стремился весь народ, а не только наша группка, как думали советские властители. Они воображали, что придут, срежут головы нескольким интеллектуалам, и на этом всё кончится. Ан нет: за предшествовавшее десятилетие нам удалось значительно расширить рамки нашего движения. Проводилась очень большая и серьезная теоретическая работа. Поэтому предлагаю сейчас перейти к ней и заняться рассмотрением модели нового общества.

О РЫНКЕ И ТОРГОВЛЕ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Основной опыт в экономической области говорит о том, что современное промышленное общество не может обойтись без товарных отношений. Все старые докоммунистические и коммунистические представления о том, что самое большое зло — деньги, рынок и что совершенное общество может возникнуть только в результате отрицания этих товарных отношений, — оказались утопическими. Они не были ни достаточно продуманными, ни достаточно теоретически обоснованными. Оказалось, что эти представления были построены на эмоциональном отвращении ранних социалистов к рыночным денежным отношениям. По марксистским же понятиям, рыночные отношения обязательно сопряжены с частной собственностью; она же в свою очередь — с рынком: как только исчезнет частная собственность, исчезнет (должен исчезнуть) и рынок. В этом виделось основное средство достижения наивысшего прогресса общества.

Но первый же опыт, который, правда, совсем непоследовательно, был воспринят даже самим Лениным после захвата власти и нескольких лет так называемого военного коммунизма в России, показал, что без рынка никак не обойтись. Маленький шаг Ленина в этом направлении, к сожалению, лишь маленький, был так называемый нэп — «новая экономическая политика». Ленин признал, что между городом и деревней должна существовать торговля, без нее невозможно снабдить город, нельзя попросту удержать экономику в состоянии движения, поскольку без товарных отношений не получишь от крестьянина ни хлеба, ни других сельскохозяйственных продуктов. Поэтому от основной идеи — упразднения торговли пришлось отказаться. Это было вызвано не только военными и революционными событиями. Ленин открыто говорит о том, что сразу хотел ввести коммунистическую экономику с прямым распре-

делением продукции, и именно поэтому смотрел на государственный монополизм как на путь к такому коммунистическому распределению продукции без торговли. Но вскоре увидели, что ничего из этого не выходит, и пришлось вновь ввести товарные отношения.

Это было первым отступлением, которое уже тогда встретило сильное сопротивление в партии. Добиться перехода к нэпу было трудно, но все-таки удалось как-то осуществить его благодаря ленинскому авторитету. От военного коммунизма перешли к нэпу, и только поэтому экономика смогла «обрести разбег». Но Ленин, к сожалению, сказал, что нэп нужен лишь на время, что пока в СССР преобладает мелкое крестьянство, этот малопроизводительный элемент, без торговли обойтись нельзя. Вот когда исчезнет мелкокрестьянское хозяйство, тогда можно будет снова отказаться от торговли. И действительно, к периоду коллективизации борьба началась снова: опять возникло мнение, что торговлю следует упразднить.

Но Сталин был в достаточной мере реалистом, чтобы понять, что без торговли дело не пойдет; в результате победило мнение, что торговые отношения пока должны быть сохранены. Но и после этого рассуждали примерно так: торговля пока должна существовать потому, что в деревне всё еще бытует психология мелкого крестьянина, мелкого производителя; что колхозы, мол, еще не есть последовательная форма социализма; и пока мы имеем дело с колхозами и прежними крестьянами, следует сохранить товарное хозяйство. А вне крестьянского хозяйства, в промышленности, торговля нам уже совсем не нужна. Этот взгляд в теории сохранился до нынешнего дня; он — один из столпов, на котором зиждется всё; он — догма, на которую никто не смеет посягнуть.

Между тем было ясно, — причем, конечно, не только Чехословакии (если бы существовала свобода слова, свобода печати и свобода научного исследования, то об

этом говорили бы повсюду и, само собой разумеется, в России), — что без рынка обойтись невозможно. Поэтому попытки в той или иной форме вернуться к торговле происходили постоянно, но от них затем снова отказываются и отступают. Отступают вовсе не потому, что эволюция в сторону определенной рыночной экономики означала бы поворот назад, к капитализму. Это не так, это можно доказать, и не в этом опасность. Отступают потому, что подобное развитие повело бы к ослаблению централистской власти бюрократического и партийного аппарата. Власть же нужна этой кучке оторванных от жизни узурпаторов для того, чтобы управлять всей жизнью страны и держать в своих руках так называемую кадровую политику. Поэтому, как только развитие движется в направлении реформ, эта кучка начинает опасаться, что предприятия на деле смогут стать самостоятельными. Тотчас возникают политические препятствия, власть начинает немедленно отступать от любых мыслей о реформах, и происходит возврат к старому централистическому управлению.

Этим объясняются те самые волны, которые вы могли наблюдать уже десятилетиями и движение которых отражалось в борьбе между Сталиным (типичным представителем централистического бюрократического аппарата в России) и так называемым оппозиционными направлениями — зиновьевским и, в особенности, бухаринским (но не троцкистским, которое, наоборот, было еще более централистическим). Эти конфликты по сути были внутрипартийными боями против реформаторских стремлений. В послевоенные годы всё это опять повторяется в той или иной форме во всех странах; но основа этих конфликтов всегда одна — страх бюрократии перед реформами и возврат к централизму.

Почему же нельзя обойтись без системы рыночного регулирования? Чтобы не вникать глубоко в экономическую проблематику, скажу сжато о том, что большинство, вероятно, знает по собственному опыту. Нужно

себе реально представить, что такое в наше время промышленно развитое общество. Чехословакия, например, производила полтора миллиона промышленных изделий разных видов, а развитые западные общества производят гораздо больше. При такой массе конкретных изделий невозможно планировать и распределять всё производство из одного центра, как это примитивно представлялось первоначально. Это невозможно уже хотя бы потому, что при самой совершенной системе вычислительных машин на составление такого детального плана потребовалось бы больше времени, чем на его осуществление.

Но даже если это и было бы возможно технически, то это нельзя было бы осуществить по иной причине: центр может разрабатывать план только на основе информации, получаемой от предприятий, интересы же предприятий не могут не отличаться от интересов общества в целом. Обществу нужно не только то, чтобы изготовлялось оптимальное, требующееся для всего общества количество изделий, но чтобы они изготовлялись и в правильном соотношении.

Так, общество нуждается в том, чтобы каждое изделие из данного полутора миллиона выпускалось в количестве, соответствующем общественной потребности. Задача сводится к тому, чтобы при постоянно меняющейся структуре всё время производить то, что людям нужно. Кроме того, надо постоянно выпускать всё более хорошие, более современные изделия, то есть непрерывно внедрять в производство новые изделия, без чего технический прогресс невозможен. Необходимо, чтобы производство становилось всё более продуктивным: с относительно снижающейся себестоимостью, с наиболее экономичным расходом материала и максимально рациональным использованием машин и рабочей силы.

Эти четыре принципа производства должны быть взаимосвязаны таким образом, чтобы данное производство стало оптимальным. Это труднейшая проблема; в

западном товарном хозяйстве каждое предприятие решает ее по-своему. Если предприятие принимает ошибочное решение, сам рынок вносит в него поправки. Такое оптимальное решение центральный орган в централистически-планируемом производстве осуществить не может. Не может не только по вышеуказанным техническим причинам, но и потому, что предприятия при централистической системе передают наверх не ту информацию, которая способствовала бы оптимальному производственному процессу.

Здесь мы подходим к самому корню проблемы — к человеческому инстинкту, подходим к тому основному опыту, который не принимался в расчет и отвергался, а именно, к тому, что люди пока еще работают для того, чтобы больше заработать. Тут ничего нельзя изменить; это будет продолжаться до тех пор, пока труд не станет одной из главных потребностей человека. Ныне же люди работают, чтобы больше потреблять, лучше жить. Для этой цели нужно больше зарабатывать, и, следовательно, люди продают свой труд только за соответствующую плату. Но даже официальное ортодоксальное коммунистическое учение говорит о том, что люди должны вознаграждаться по количеству и качеству труда. Правда, при этом упускается из виду, что работу, выполняемую тем или иным человеком, следует оценивать не только по количеству и качеству затрачиваемого труда, но еще и по тому, производятся ли при этом действительно необходимые изделия, то есть такие, которые нужны потребителю прежде всего.

После вышеизложенного мы снова возвращаемся к упомянутым четырем принципам производства, обеспечивающим его оптимальное развитие.

Но кто же в состоянии верно установить необходимый вид работы для каждого отдельного человека на каждом отдельном предприятии? Кто может точно определить, что именно следует производить и в каком количестве, если центр это сделать не в состоянии, а

предприятиям это безразлично? Ведь коммунистическое предприятие не функционирует в нормальных рыночных условиях: оно ни с кем не конкурирует, не заинтересовано в прибыли, в доходе, — а у потребителя нет никакой возможности выбора между производителями. Производитель — сам себе хозяин. Торговые, рыночные интересы предприятия упразднены. Центр не в состоянии управлять предприятиями, не в состоянии контролировать их, не в состоянии правильно указать им, как и что они должны изменять, изготавливать, совершенствовать и т. д. Эту основную дилемму никто разрешить не в состоянии. Сегодня в мире нет иного регулятора, кроме рынка, который вынуждает предприятия производить в конце концов лишь то и лишь столько, сколько требуется обществу.

Со стороны Запада слышатся упреки в том, что мы-де идеализируем западный рынок и не видим недостатки этой экономической системы. На это у нас только один ответ: если люди, бросающие нам этот упрек, пожили бы там, где рынок действительно упразднен, они осознали бы тогда, какие реальные функции, несмотря на все свои недостатки, выполняет рынок. Этот несовершенный рынок Запада заставляет предприятия выпускать товары лучше, больше и продуктивнее, заставляет их структурно меняться сообразно меняющейся структуре спроса.

О недостатках западного рынка, на которые тоже не следует закрывать глаза, я не хочу сейчас говорить. Это тема совершенно иного доклада; она связана с проблемой недостатков капиталистического общества вообще и с проблемой преодоления ущербности рынка, борьбы с монополией, из-за которой производитель на Западе зачастую насилует потребителя; она связана также с вопросом о том, почему, например, возникает одностороннее материальное потребление в ущерб культурному потреблению или социальному развитию. Но всё это уже иные проблемы.

Если бы после революции был поставлен вопрос о том, как сохранить рынок, преодолев его недостатки, то всё было бы иначе. А то просто утвердили догму — рынок упразднить, и его ничем не заменили. Результат — уровень производства никогда не будет соответствовать общественным нуждам.

Я глубоко убежден, что рано или поздно, тем или иным путем, но социалистическое хозяйство нужно реформировать.

Наш опыт показал, что следует обновить сам механизм рынка в полном смысле слова, — на деле предоставить самостоятельность предприятиям, добиться создания такого товарного механизма (иначе говоря, установления настоящих рыночных цен), который мог бы верно сигнализировать о рыночном спросе. Мы должны добиться зависимости доходов предприятий от успеха сбыта товаров, то есть возобновить торговые функции и конкуренцию предприятий, а в тех случаях, где возобновить ее внутри государства невозможно, что относится главным образом к тяжелой промышленности, заменить, как это делается в других небольших государствах на Западе, внутренним регулированием, то есть конкуренцией наших предприятий с заграничными фирмами с тем, чтобы каждое предприятие находилось под ее давлением и знало, что если оно будет отставать, его доходы будут соответственно уменьшаться, а если обгонит других, его доходы повысятся. Это — основной товарный принцип, и без него обойтись нельзя. К этому, разумеется, присоединяется принцип выбора производителя покупателем. Это значит, что при конкуренции создаются такие условия, при которых потребитель может свободно выбирать между несколькими производителями и своим выбором побуждать каждого производителя к стремлению быть первым. Кто отстает — бывает бит.

Это вовсе не означает, что при указанных обстоятельствах непременно должны обнаружиться и отри-

цательные стороны торговли, которые сопряжены с крахом предприятий, безработицей, кризисами и тому подобным. Это — опять-таки другая проблема, и ее следует разобрать.

Согласно одному из основных экономических принципов, предприятия должны производить именно то и именно такого качества, какие потребны обществу. К удовлетворению этой потребности и должны стремиться как производство, так и торговля, ибо доход как торгового, так и производственного предприятия зависит от следования этому экономическому принципу. Отсюда следует вывод, что это обуславливается в первую очередь отменой старого централистического директивного планирования. Здесь никакое усовершенствование плана не поможет. Пока что исключение из коммунистических стран — Югославия, но ее я не отношу к этим государствам. Во всех же остальных странах, несмотря на различные попытки как-то улучшить старую централистическую систему директивного планирования, ничего конкретно не меняется. Поэтому любые изменения, которые там происходили или происходят, я не считаю реформами. Централистическая система неспособна осуществить оптимальное производство.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

Значит ли это, что мы предполагали совсем расстаться с планированием? Нет, мы с ним расстаться не хотели, так как не были такими наивными «товарными» идеалистами-экономистами, какими нас беспрерывно изображают на Западе. Всё это пустая демагогия. Мы ведь все-таки знали, что сегодня ни одна западная страна не имеет абсолютно свободного товарного хозяйства, что везде существуют элементы планирования, а в новых государствах — даже плановое государственное влияние на экономическое развитие, по меньшей мере так называемая конъюнктурная политика. Но мы зна-

ли, что и этого еще мало. Мы стремились к такому планированию, которое не только обеспечивало бы равномерный и относительно постоянный рост хозяйства, но и развитие хозяйства в направлении, отвечающем интересам большинства народа. А без государственного вмешательства, при стихийном развитии торговли, этого добиться нельзя. Без государственного вмешательства, даже при существующем уровне государственного регулирования, производители, особенно монопольные предприятия (концерны), сегодня еще достаточно сильны и независимы. Они, я бы сказал, дирижируют производством и насилуют государственное экономическое развитие в угоду своим узким монопольным интересам. Поэтому должен существовать какой-то более компетентный общественный орган, который смог бы, вопреки узким интересам производителя, добиваться удовлетворения широких общественных интересов. Иначе говоря, мы хотели прийти к так называемому макроэкономическому планированию, которое, с одной стороны, не ставило бы предприятиям никаких связывающих целей, но, с другой, — должно было бы служить основой экономической политики власти. Планы же, и мы подчеркивали это, должны были носить демократический характер. Это значит, что во всех комиссиях, от низовых до самых высших инстанций, до парламента, всегда, грубо говоря, должны быть две «палаты», представляющие интересы производителей и непроеизводителей. Непроизводители — это люди, представляющие иные, не чисто производственные, а скорее гуманистические интересы общества. Они могли бы, например, поднимать проблемы улучшения школьного образования, социального обеспечения, медицинского обслуживания, сокращения рабочего времени, вопросы урбанизма, охраны природы и т. п., иначе говоря, интересы производителей должны были бы постоянно уравниваться интересами непроеизводителей. При таком демократическом способе планирования, что мы опять-

таки подчеркивали, должен был бы разрабатываться не один, а два-три варианта плана, чтобы высшие демократические органы имели возможность выбора одного из вариантов или компромисса между двумя вариантами. В этом — радикальное отличие от прежнего планирования, при котором план составляло плановое учреждение, а выбора вообще никакого не было.

Демократический характер планирования проявлялся бы еще и в том, что для предприятий план не являлся бы обязательным; мы подчеркивали его ориентировочный характер: он должен был ставить долгосрочные цели. Таким образом, общество могло бы его направлять по своему желанию. Скажем, решено повысить материальное положение. Хорошо, в таком случае должно повышаться производство материальных ценностей и материальное потребление. А, быть может, общество сочтет, что повышать производство материальных ценностей следует медленнее, зато надо, например, как можно скорей улучшить медицинское и другое социальное обслуживание, или образование, или сократить рабочее время и т. п. и т. д. Короче говоря, если общество изберет иные цели, то для достижения этих целей будут открыты все возможности. Правительство должно добиваться этих запланированных целей, используя хозяйственно-политические инструменты — политику налогов, кредитования, таможенную политику и т. д. С одной стороны, рынок должен заставлять производителя обеспечивать самое эффективное и оптимальное производство, но с другой, — сам рынок должен быть подчинен основным долгосрочным целям общества. Таково было, в общих чертах, наше представление о планировании.

Для этого нам нужна была подлинная заинтересованность производителей в наиболее эффективном процессе производства. Поэтому нужно было добиться, чтобы предприятия повели себя так, как ведет себя частное предприятие в торговом хозяйстве, т. е. чтобы это пред-

приятие заботилось о самом рациональном, самом эффективном развитии, но чтобы это не было одновременно возвратом к капитализму. Такого возврата мы не хотели.

Наша деятельность (и я постоянно это подчеркиваю) никоим образом не была шагом назад, если отбросить, конечно, бессмысленные догматические представления о том, что социализм существует только там, где обобществлен последний портной. Это — глупость. Наоборот, в масштабах небольшого производства, основанного на труде самого хозяина, мы допускали возобновление частного предпринимательства. Но на больших промышленных предприятиях никто не хотел возврата к капитализму. Из них мы стремились создать коллективные социалистические предприятия, то есть такие, где владельцем должен стать коллектив; он сам должен был выбирать своих представителей. В те весенние месяцы мы окрестили такой орган «советом трудящихся предприятия». Он не должен был подменять директора; задача совета заключалась не в управлении производством, а в том, чтобы быть вышестоящим контрольным органом.

На Западе существуют «управительные советы», но они представляют интересы акционеров, то есть людей, стоящих вне предприятия; у нас же должны были быть учреждены управительные советы, представляющие сам коллектив предприятия. И эти советы, подобно западным, в случае необходимости были бы полномочны назначать или смещать директоров. Их задача заключалась бы в контроле, в перспективном управлении и в проверке того, отвечает ли данное управление предприятием основным целям коллектива предприятия. Для этого, конечно, следовало добиться изменения образа мышления производителей. Но именно этого следует добиваться и на Западе.

Разрешите мне сделать короткое отступление. Я не приверженец борьбы за простое право участия рабочего в решениях предприятия, когда он остается лишь рабочим и когда его заинтересованность предприятием ограничивается только заработком. При таких условиях его участие в решениях может оказаться неполноценным, так как и там он будет добиваться только повышения заработной платы, считая себя представителем интересов рабочих; в таком случае в сегодняшней ситуации по сути ничего не изменится. Более того, инфляционное развитие, со всеми его отрицательными сторонами, может еще усугубиться.

Мы хотели преодолеть отчуждение трудящихся от своих предприятий, превратить их в его действительных полноценных совладельцев. Судьба предприятия должна быть в их руках. Отсюда вытекало, что после уплаты налогов государству — нормальных налогов, — доход принадлежал бы предприятию, а как этот доход в дальнейшем распределялся бы — явилось бы уже делом самого предприятия. Оно само должно решать, какая часть дохода пойдет на развитие производства, на капиталовложения. При этом мы предусматривали отчисление части дохода не только на нужды собственного предприятия. Мы хотели ввести и расширенный фонд капиталовложений, то есть считали нужным дать возможность предприятиям (если они не могут вложить часть дохода в собственное производство) помещать эти средства в другое предприятие, конечно, всегда в форме долгосрочного кредита, однако на более выгодных условиях, с более высокими процентами, чем если капитал был бы положен в банк. Коллектив, через своих представителей, должен был бы решать, какую часть он считает возможным вложить в собственное предприятие, какую — в случае надобности — в другое дело, а какую — разделить между собой в качестве доли участия в прибыли. По нашим расчетам, эта часть должна быть достаточно крупной, чтобы

заинтересовать работников в увеличении дохода. Мы рассчитывали, что участие в получении прибыли должно составлять в среднем около двадцати процентов, а впоследствии, по отношению к основной зарплате, и больше.

Мы хотели таким способом пробудить в рабочих заинтересованность не только в своем личном заработке, но и в развитии всего предприятия; чтобы они усвоили мысль, что с повышением общего дохода их предприятия в последующие годы будут расти и их личные доходы. Мы хотели, чтобы образ мышления человека, заинтересованного только в заработке, сменился образом мышления человека-хозяина, по-настоящему заинтересованного в хозяйственном творчестве и имеющего реальную возможность через своих представителей принимать в этом творчестве участие. Таково было наше основное представление о создании — я бы их так назвал — социалистических промышленных предприятий.

Выше я упомянул о проблеме капиталовложений. Одна из причин беспомощности нашей сегодняшней социалистической системы в том, что только центр решает вопрос о создании новых предприятий. А по сути в решении его обязаны принимать участие все хозяйства. Центр не только не способен управлять всей промышленностью, он не способен даже решить, когда и где надо создавать новые предприятия. В современном промышленно развитом хозяйстве непрерывно возникают пустоты — новое пространство, которое следует заполнять.

На Западе двигателем служит частная инициатива предпринимателей, непрерывно выявляющих, где что вырабатывается в недостаточном количестве, то есть те «пустоты», где спрос растет быстрее предложения, чем и определяются новые возможности применения капитала; или, наоборот, — анализируется, во что невыгодно вкладывать свои силы в капитал или какое производство стоит разделить на самостоятельные единицы.

Старое представление о том, что в некоем будущем все производства сконцентрируются в немногих руках в гигантские корпорации, а малые и новые производства исчезнут, — полная бессмыслица; это всего лишь догматическое заклинание. И в самом современном хозяйстве невозможно обойтись без непрерывного создания новых мелких предприятий, из которых снова вырастают средние, и так далее. Эта проблема была для нас одной из наиболее ответственных, и мы старались здесь найти решение, связанное с наибольшей гибкостью, наибольшей эластичностью. В связи с этим мы предполагали снова допустить частные предприятия, принадлежащие мелким производителям-ремесленникам, а также в сфере обслуживания и т. д., то есть создать настоящие живые общества, в противоположность тем, ничем не отличавшимся от тех обюрократившихся государственных предприятий, какие были у нас до сих пор. Для таких новых обществ достаточно было бы объединения десятка людей с хорошей идеей. Но им следовало предоставить свободу основывать новые предприятия, дешевый кредит и всяческую другую поддержку. Следовало дать возможность и промышленным предприятиям за свои средства самим открывать новые предприятия, но таким образом, чтобы у них была в этом заинтересованность. Наконец, и банкам, общинам и государству следовало предоставить возможность самостоятельно основывать предприятия и т. д. Одним словом, следовало создать поле для широкой экономической инициативы, чтобы хозяйство в своей эластичности не отставало от экономики Запада. С моей точки зрения, такой принцип эластичной системы предпринимательства можно было осуществить.

ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Таковы были наши представления об экономических реформах. Вы видите, что намеченная нами модель хозяйства не имела в своей основе ничего общего

с бюрократическим коммунистическим хозяйством, и тем не менее в ней сохранялась главная идея — коллективная собственность в крупном предпринимательстве. Я считал, что коллективная собственность так или иначе, но пробьет себе дорогу и у нас, и на Западе, хотя бы это произошло и через несколько десятилетий.

Сегодня уже и западное хозяйство, даже при условии полной занятости, не может себя *упорядочить*. Полная занятость — это новый фактор, который сам по себе входит в противоречие с капиталистическим хозяйством, так как в условиях полной занятости спрос на рабочую силу всегда обгоняет предложение. Вы сами наблюдаете, что в развитых странах Запада без рук иностранных рабочих в настоящее время уже не обойтись. Я убежден, что инфляционное развитие — одно из типичных явлений в хозяйстве с полной занятостью, где сами получатели зарплаты, борясь за более высокие заработки, заставляют капиталистов постоянно поднимать цены. Повышение же цен снова приводит к повышению зарплаты, а повышение зарплаты — к повышению цен и так далее. Получается бесконечная цепь, и в данных условиях, по-моему, этот процесс не смогут остановить никакие государственные органы и никакие уговоры. При данных условиях с этим явлением в принципе справиться невозможно.

Поэтому сейчас не только в социалистических, но и в несоциалистических кругах проявляется огромный и всё возрастающий интерес к новому начинанию — «*Vermögensbildung**», цель которого — превратить рабочих в совладельцев капитала. Для проведения этого мероприятия в жизнь существуют самые разнообразные проекты, но все они доказывают, что общее развитие идет именно в этом направлении. Следует учесть и то, что старыми способами уже невозможно поддерживать заинтересованность рабочих в труде. Раньше давление

* Создание капитала. — Р е д.

безработицы внушало нужную трудовую мораль. Но как только это давление исчезает, директор становится перед неразрешимой проблемой и начинает метаться между интересами акционеров и давлением рабочих. Он отлично знает, что любой рабочий может ему в любой момент сказать: «Прощайте, я ухожу на другое предприятие».

Эти факторы, по-моему, приведут к тому, что и на Западе со временем победит движение за участие рабочих в доходе предприятия и постепенно превратит их из получателей зарплаты в совладельцев капитала. Общество изменилось, и новые условия его существования уже не соответствуют разделению общества на малую группу капиталистов и большую группу получателей зарплаты. Конечно, всё это не должно приводить к возникновению государственного бюрократизма, к повторению тех огромных ошибок и страшного опыта, который пережили мы. Мне кажется, что нынешняя форма хозяйствования — уже перевернутая страница, она может существовать еще лишь в неразвитых или слабо развитых странах.

Таковы были наши понятия об экономических переменах. Из них возникли и соответствующие политические концепции.

ОТ РЕФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ К РЕФОРМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ

Нам было ясно, что свободное коллективное хозяйство может существовать только в подлинно демократических условиях. Оно несовместимо с монопольной властью одной партии. Поэтому наши представления о демократических условиях с самого начала были безоговорочно связаны с современным плюрализмом. Немыслимо себе представить самостоятельно действующее предприятие и его директора, берущего на себя определенный риск и ответственность, при условии, что у

них будет опекун, или что директор будет назначаться каким-нибудь центральным органом. Для свободного коллективного хозяйства немыслимо, чтобы одна партия, без контроля народа и без демократических выборов, разрабатывала планы и давала директивы на будущее, указывала пути дальнейшего развития. Такое положение противоречило бы интересам и воле абсолютного большинства народа. Нам было ясно, что надо добиваться плюралистической демократии.

Естественно, эту мысль можно было выдвинуть только в самом конце, начинать с нее было невозможно. Если бы мы эту мысль высказали, скажем, в 1963 году, то, само собой разумеется, на этом все наши планы и кончились бы.

В первых сообщениях об экономической реформе мы только упомянули, что советам следует отвести на предприятиях бóльшую роль и что так называемая контрольная функция партии на заводах должна быть изменена, — но уже и этого было вполне достаточно, чтобы отвергнуть проект. В порядке информации скажу: этот первоначальный проект экономической реформы перерабатывался шесть раз, и существовали так называемые белая, желтая, красная и другие книги проектов. Внешне борьба всё время велась вовсе не за ту реформу, которую я вам вкратце описал. В Политбюро этого никто не понимал и, думаю, никто не был в состоянии понять. Там всегда старались обнаружить сугубо политическую часть, которая у нас действительно была, но которую мы старались так вмонтировать, чтобы она не слишком выделялась. Но они ее находили сразу. Поэтому все возвращаемые проекты пестрели пометками: это — вон, а это — убрать...

Приходилось перерабатывать наново. В последнем проекте глава о роли советов, наконец, совсем выпала, протолкнуть ее не удалось. И все-таки, несмотря на это мы решили: надо бороться за экономическую реформу и в таком виде, потому что это — первый шаг. Посред-

ством экономической реформы мы должны прийти к демократизации политической системы.

Не знаю, стоит ли на этом так подробно останавливаться. Я хотел только упомянуть, что в нашей среде было два направления: одно стремилось только к плюрализму (большее количество политических партий), а другое — должен сказать, что я принадлежал к нему и защищаю его и сегодня, — пыталось искать нечто новое. Мы считали, что форма политических партий — это старое, отжившее, что уже и на Западе она себя не оправдывала. В сущности во всех партиях всё решает небольшая группа, масса же рядовых членов фактически на политику партии не имеет никакого влияния. Партии — это в каком-то смысле такие институты, где отдельные люди делают себе политическую карьеру. Партийная система — это не та система, которая могла бы обеспечить то, к чему мы стремимся, а именно: эластично объединять группы людей с общими интересами (которые могут быть долговременными или кратковременными) для достижения определенных целей, после чего люди могут свободно расходиться. Мы стремились создать более гибкую систему плюрализма. В этом направлении, если вы заметили, уже делались шаги в народном фронте. Мы пытались провести это на практике и через народный фронт прийти к различным организациям: молодежным, культурным, общественным; к самым разнообразным группировкам, связанным общими интересами и добивающимся осуществления той или иной идеи общественного развития.

Этот плюрализм мы предполагали обеспечить новой системой выборов, чтобы люди могли свободно (в полном смысле слова) выбирать по двум или даже по трем направлениям. По этому вопросу у нас происходили дискуссии: нужны две или три палаты в парламенте? Во всяком случае, мы хотели предоставить возможность промышленникам, сгруппированным согласно их интересам, выбирать своих представителей в па-

лату промышленников, а той части общества, которая состоит из потребителей, заинтересованных не в промышленном, а в гуманитарном развитии страны, то есть писателям, врачам, учителям, публицистам, работникам искусства и т. д. выбирать своих представителей; таким образом, обеспечивалось бы осуществление двух основных направлений интересов — промышленного и непромышленного; кроме того, внутри каждого из них в свою очередь развивались бы плюралистические представления о том или другом изменении.

Это был путь, которого добивались мы и которого больше всего боялись они. Они знали, что это означало бы конец партийной бюрократии, знали, что этот путь означал уничтожение власти аппаратчиков. Поэтому вполне объяснимо их сопротивление реформам у нас и давление со стороны тех государств, правящие клики которых ставились под непосредственную угрозу развитием событий в Чехословакии.

В заключение я хотел бы сказать, что мы не были столь наивны, чтобы не предвидеть угрозу со стороны Советского Союза, угрозу интервенции. Поэтому, вплоть до свержения Новотного, мы вели целенаправленную терпеливую борьбу. Я подчеркиваю — терпеливую, так как мы делали всё, чтобы преждевременно себя не обнаружить: наш каждый шаг, нашу борьбу за каждого передового человека, за каждую позицию. Неторопливо и терпеливо мы старались всё это довести до нашей цели — создания современного гуманного социалистического общества. Потом, после свержения Новотного и возникновения компромиссной власти, мы внезапно очутились в трудном положении. Поймите: против Дубчека и его правления мы, реформаторы, бороться не могли, это было невозможно, так как эти люди превратились в народных представителей. Наоборот, мы старались всё время подталкивать их вперед, старались всё время находиться с ними в связи. Мы видели, что в их среде начинаются колебания, понимали, насколько они

опасны и что готовят консервативные элементы. Командных постов у нас не было. Сначала наверху я был один, затем ко мне присоединились еще два-три человека, попавшие в Политбюро. Мы не занимали господствующего положения, мы ничего не могли изменить, не могли обратиться с какими-нибудь призывами к народу. Вы знаете, что уже только из-за того, что нам удавалось пробиться к телевидению, были крупные неприятности. Мои выступления по телевидению на экономические темы всегда принципиально отличались от позиций, занимаемых верхушкой.

Но несмотря на все трудности, людям нужно было сказать правду, мобилизовать их. Много ли это значило? Ведь выступления наши, собственно говоря, были нелегальными, вызывавшими к тому же взрывы со стороны правительства, протесты в Политбюро и т. д. Но с этого момента у нас уже не было иного пути.

Единственным спасением был съезд, — если удалось бы созвать его в апреле. Было совершенно очевидно, что абсолютное большинство делегатов, после всех грандиозных разоблачений, после всей прошедшей кампании, стали нашими, прогрессивными людьми, и съезд наверняка сменил бы руководство. А новое руководство крепче держало бы власть в руках и могло бы отстоять наши реформы, помешать провокациям. Всё могло бы пойти по иной дороге. Возможности существовали. Но мы просто-напросто не смогли выиграть бой. Мы видели и понимали надвигающуюся опасность, но возможности избежать ее у нас не было. Мы не могли выступить, как я сказал уже выше, против Дубчека — нас никто бы тогда не понял. Вспомните весенние месяцы: Дубчек стал символом «весны», и всякая оппозиция против него заранее была обречена на неуспех. Но руководство Дубчека было компромиссным, решение главной проблемы оно оттягивало и затянуло до тех пор, пока не стало уже поздно.

Может быть, я забегаю вперед. Мы сможем поговорить об этом еще во время дискуссии. Но я не хотел бы этим закончить. Мне хочется ответить на тот вопрос, который мне обычно задают: если вы добивались такого рода перемен, то должны же вы были знать, как это подействует на советское руководство, на Ульбрихта, на Гомулку и других?

Конечно, мы все это знали, но, к сожалению, в весенние месяцы мы, реформаторы, не управляли событиями, мы, как я уже сказал, попали в очень трудное положение. И главного боя, боя за созыв съезда и за смену руководства, нам выиграть не удалось. В этом, к сожалению, суть нашего проигрыша. И все-таки я надеюсь, что, несмотря на всё это, наша работа и борьба не были напрасными.

Я глубоко убежден, что этот процесс повторится и в самом Советском Союзе. Пусть он наступит там позже, чем в Чехословакии, но все симптомы того, что было у нас в начале шестидесятых годов, налицо. Там назревают совершенно те же проблемы, идет такая же кристаллизация, и существуют только две возможности. Либо верх одержит сталинское руководство, что может привести к мировой катастрофе, так как это означало бы победу того крыла, которое будет удерживать власть даже ценой всеобщего уничтожения... Но я лично не верю в победу этого крыла. Я верю, что в СССР сильнее другое крыло, и сильнее оно тем, что получает уже сегодня, как это было в Чехословакии, может быть, еще незаметную и небольшую, но усиливающуюся с каждым днем поддержку снизу. Прогрессивное движение всегда начинается с интеллигенции: людей культуры, науки, искусства, студентов; затем захватывает круги прогрессивно мыслящих рабочих и постепенно проникает в толщу народа. Оно развивается длительно, но неуклонно. Что касается сроков — я оптимист, хотя на вопрос о том, когда же это произойдет, сегодня ни я, ни кто другой не в состоянии ответить. Это зависит от

слишком многих не только внутренних, но и внешних факторов. Думаю, что этому движению события нашей «пражской весны» уже помогли. Теоретическое же содержание «весны», вероятно, поможет еще больше.

Дискуссия

В о п р о с. Вы неоднократно заявляли, что предпосылкой решения проблемы чехословацкой экономики должны быть соответствующие политические перемены. Не означает ли это, что в мае 1968 года вы не принадлежали к государственным и партийным деятелям, осуждавшим попытку создания социал-демократической партии, которая пошла бы на выборы как партия оппозиционная? Мы знаем, что некоторые из них считали, что надо лишь демократизировать коммунистическую партию изнутри, завоевать право для внутрипартийного меньшинства свободно высказываться и отстаивать свою точку зрения. Из вашего же доклада следует, что необходима система, которая обеспечивала бы гражданам подлинную свободу выбора. Как вы смотрите на заявления некоторых наших прогрессивных деятелей, находящихся сейчас на Западе, будто лишь они имеют право говорить от имени наших обоих народов?

П р о ф. О. Ш и к. Я не понимаю, каким образом возникает мнение, будто только коммунисты имеют право говорить от имени своих народов. А ведь даже западные коммунисты считают, что у них есть такое право. Я этого просто не понимаю и не знаю, откуда оно у них. Но я не согласен и с той точкой зрения, что бывшие коммунисты, ушедшие из страны и разошедшиеся с системой, не имеют сейчас права и обязанности бороться за освобождение наших народов и за изменение системы. Такая точка зрения бытует и среди нашей эмиграции; я даже могу понять ее рассудком, но я с ней

не согласен. Я считаю, что наша обязанность — использовать любую серьезную возможность ослабления диктатуры у нас на родине. Иначе какой смысл был бы оставаться за границей: молчать и жить своей личной жизнью? Я считаю, что это было бы хуже всего и что как раз этого нам дома никто не простил бы. Мы должны быть активными противниками коммунистической системы, — я говорю об этом всегда, всюду и постоянно.

Мне бы никогда не пришло в голову присваивать себе право заранее решать, какой порядок должен быть в нашей стране, если бы существующее сегодня положение переменилось. Это должен решать народ. Я же могу лишь отстаивать свои политические принципы, или свои теоретические взгляды, что я и делаю. Но я никому их не навязываю. Каждый человек, в том числе и эмигрант, желающий помочь освобождению своей страны, должен делать это в меру своих сил.

Что касается попыток основания в Чехословакии социал-демократической партии, то я сам был в сношениях с социал-демократами и ратовал за то, чтобы эта партия возобновила свою деятельность. У меня из-за этого и тогда были в правительстве крупные разногласия, хотя бы с тем же Гусаком. Были столкновения и потом, уже за границей. Я — за право на существование не только социал-демократической партии; я и за то, чтобы у нас существовали возможности самого широкого выявления человеческих интересов и чтобы это было обеспечено законом.

В о п р о с. Не могли бы вы сказать, на чем преимущественно следует сконцентрировать деятельность чехов и словаков в эмиграции?

П р о ф. О. Ш и к. Прежде всего я считаю, что чехи и словаки на Западе должны чем-то стать, чем-то быть. Это вовсе не эгоистическая цель. Придет время, когда нашей стране после всех понесенных утрат потребуется как можно больше сил. И я это считаю весьма важным. Бывают определенные периоды, когда мы не мо-

жем помогать своей стране так активно, как нам этого хотелось бы, и эти периоды надо посвящать подготовке к решению дальнейших задач. Разумеется, может статься, что кто-то начнет заботиться только о собственном благополучии, перестанет думать об общем деле, превратится в совершенно безразличного ко всему индивидуалиста. Это, конечно, не принесет нашим народам пользы в будущем. Но человек, остающийся чехом или словаком, должен уже сейчас готовиться к грядущему служению; поэтому важно, чтобы он здесь приобрел хорошую специальность, занял какое-то положение.

Очень важно также, но не для всех одинаково возможно, — влиять на определенные западные круги. Влиять не только в смысле нашего освобождения, но и в смысле стимулирования такого мышления на Западе, которое бы принесло в будущем пользу Чехословакии. Относительно западного мышления можно многое сказать. Я лично — против западного мышления в категориях старой холодной войны или тупого, бессмысленного антикоммунизма, которые как раз больше всего нужны самым реакционным сталинистам на той стороне. Сталинизм и такой слепой, ограниченный антикоммунизм друг друга дополняют и поддерживают. Этот антикоммунизм действует на Западе по существу так же, как сталинизм у нас: он ищет выхода из создавшегося положения в холодной войне, в малых войнах и в общем напряжении. Представители этих направлений стремятся удержаться у власти тем, что дерутся между собой, и там и здесь обвиняют друг друга во всевозможных грехах, неудачах и в конце концов либо установят между собой равновесие сил, либо приведут мир к катастрофе.

Смысл другого направления мне необычайно трудно выразить словами. Я наталкивался на сопротивление, непонимание, но, несмотря на это, убежден, что Запад не должен изолировать себя от социалистических стран, а, наоборот, должен устанавливать с ними

как можно больше контактов. Это как раз то, что в свое время так помогло Чехословакии. Чем больше хозяйственных, культурных, туристических и других связей, тем лучше для общего развития. То же самое относится и к СССР: чем больше контактов с Советским Союзом, тем хуже для сталинистов. Это — ответ сторонникам холодной войны. Такой путь помогает либеральным силам.

Само собой разумеется, что всё это должно сочетаться с ясной внутренней позицией, с отрицанием коммунистической системы. Иначе говоря, не надо идти на компромиссы, на сговор с представителями этой системы в ущерб людям, надо всегда помнить, что система эта угнетает свободу народов, что она поработочает людей, что у нее агрессивные цели; это нельзя замалчивать. Иначе говоря, всякая политика, которая направлена на то, чтобы поддерживать взаимоотношения и контакты с нашими странами, — хороша. Но западная политика, которая стремится сохранить мир ценой угнетения свободы народов, никогда мира не сохранит. Если кто-то предполагает, что он может сохранить мир, принося в жертву народы, пренебрегая их судьбой, — тот идет дорогой, приведшей однажды к войне с Гитлером и к катастрофе, которую хотели избежать, пожертвовав Чехословакией. Ведь имеются новые чемберлены, которые снова забывают, что таким путем мира не добьешься.

Все меры необходимы — связи, контакты, борьба за сохранение мира; всё это действует против реакционеров и поджигателей войны по эту и по ту сторону. Но Запад не должен забывать, что существуют определенные принципы, которыми нельзя пренебрегать и через которые нельзя переступать. Невозможно, например, в угоду великой державе преследовать свободу мысли в своей стране — такой компромисс просто не окупается. Всё это относится отнюдь не только к нам, чехам и словакам, это относится ко всей мировой поли-

тике. Я об этом говорил, когда меня пригласили выступить в двух комиссиях конгресса США, и говорю везде, где только можно. Говорю и здесь, так как не сомневаюсь, что если чехи и словаки будут постоянно защищать свои интересы и свою свободу, показывая при этом Западу, какими путями следует идти, то они уже тем самым принесут пользу своему народу.

Третье, и самое трудное, — это делать всё, что может помочь людям у нас дома и вообще на Востоке, всё, что им придает надежду, что их поддержит. Такие контакты очень трудны, да и для людей там не безопасны. Видите, что делает система? Просто страшно подумывать, что, принуждая таких людей, как Затопек, или Поledняк, выступать с самокритическими заявлениями по телевидению, наши сталинисты рассчитывают приобрести какой бы то ни было политический капитал. Они стремятся деморализовать людей и тем самым предотвратить малейшую борьбу за свободу. Но по существу это страшный приговор тому режиму, который в состоянии так унижать людей. Находясь за границей, я ни в коем случае не осуждаю ни Затопека, ни Поledняка. Всегда и всюду находятся люди, которые не выдерживают испытания или которым кажется, что сопротивление не имеет смысла. Так было, есть и будет, и режим найдет достаточно таких людей. Не в этом дело. Самое страшное в том, что режим думает, будто он этим что-то приобретает. Но он не приобретает — ни у себя дома, ни где бы то ни было! Потому что каждый знает, что это такое.

Несомненно, происходит чудовищная деморализация, и среди этой страшной демагогии, среди этого ужаса, необходимо людей там, дома, поддерживать. Думаю, что мы уже много делаем, будоража мир и пребывая наготове, а если будет нужно, то включимся, когда наступит срок, и в прямое действие. Простите, что я задержался на этом вопросе, но я его считаю важным.

В о п р о с. Не думаете ли вы, что созыв съезда

партии весной 1968 года мог бы быть абсолютной гарантией того, что дело не дошло бы до интервенции?

Проф. О. Шик. Абсолютно — нет. Этого никто не может утверждать. Когда мы начинали идти этим путем, мы понимали, что рискуем. Насколько? — этого не знал никто. Я лично начал бы всё снова, даже если бы шансы были половина на половину. Без риска не бывало в истории никаких больших перемен. В ускоренном созыве съезда я просто видел одну из самых больших возможностей. Не знаю, предотвратило ли бы это интервенцию, но что это безусловно разрядило бы обстановку и придало бы руководству способность и решимость действовать, — в этом сомнения нет.

Вопрос. Какого вы мнения о вторжении советских войск в Чехословакию? Могло бы быть в то время целесообразным и возможным вооруженное сопротивление?

Проф. О. Шик. Это — серьезный вопрос, над которым я более всего размышляю. У нас не нашлось политика, который в тогдашнем положении решился бы призвать народ к оружию, и я тоже не решился бы. К сожалению, сознаюсь, тогда уже всё было проиграно, и сопротивление для народа было бы равносильно самоубийству. С военной точки зрения, всё выглядело безнадежным. Наше положение невозможно сравнить, например, даже с положением Югославии. Совсем иное положение и у вьетнамцев в их войне против проникновения коммунистов с севера. Я не специалист, но мне ясно, что в этом отношении не было сделано ровным счетом ничего. Народ не был подготовлен к этому психологически, воинские части были дислоцированы, как вы себе можете представить, для обороны совсем другого, западного направления, а вовсе не там, где нужно. *(Продолжительный смех в зале)*. Мы оказались в еще большем кольце, чем когда-то венгры. Ведь для такого предприятия нужен хотя бы маленький шанс на успех, надо иметь хоть какой-то тыл, рассчитывать хоть на

какую-то помощь, надо знать, куда в случае необходимости отступать, необходимо единое руководство. Ничего этого не было, даже командования; Дубчек не хотел об этом и слышать. Когда мы пытались с ним говорить, он кричал: «Оставьте меня в покое!» Нет, при таком положении это означало — без малейшей организации и подготовки — напрасно бросать миллионы жизней под танки.

В о п р о с. Каков ваш прогноз хозяйственного развития современной Чехословакии? Не возникнет ли там снова серьезный экономический кризис, если не будет изменений в экономическом управлении и структуре народного хозяйства?

П р о ф. О. Ш и к. Я не говорю об этом потому, что пришлось бы опять делать часовой доклад. Я годами занимался анализом чехословацкой экономики. На ее автоматический крах рассчитывать не приходится. Но она требует столь невероятных производственных расходов, столь колоссального количества материалов, машин, рабочей силы, что в продуктивности и эффективности труда, в росте дохода на душу населения она так чудовищно нерентабельна, что будет всё больше отставать от Запада. Это, однако, вовсе не значит, что она не может существовать — прозябать. Я полагаю, что абсолютного экономического краха вообще не существует. Мы между собой называли наше хозяйствование «турецким», но на самом деле его нужно называть просто «коммунистическим хозяйствованием». Например, при своих огромных природных ресурсах СССР может совершенно разорить собственную страну и тем самым увеличить производство, может покупать на Западе современнейшую технику, концентрировать огромнейшие средства на определенных участках и получать там соответственно высокие количественные результаты. Но всё равно, в росте дохода на душу населения он будет отставать от Запада всё больше и больше. Сегодня застой такой экономики обуславливается еще и тем, что

почти все цифры экономического роста фиктивны. Большинство из вас знает, как это делается. Каждый умеет выполнять план и показывать в отчетах рост производства, в действительности не повышая его ни на один процент. Для этого достаточно постоянно менять структуру производства, гнать коммерчески более выгодные изделия за счет коммерчески менее выгодных и так далее. Абсолютное большинство публикуемых статистических данных просто-напросто не соответствует действительности. Конечно, в совершенно определенных областях есть и успехи. Это, главным образом, касается военной промышленности, где сосредоточена и современнейшая западная техника, и наиболее квалифицированные силы, где даются самые высокие награды и предоставляются наилучшие условия. В этой области, действительно, достигнуты и качественные успехи. А в целом хозяйство везде отстает, и наши страны попадают в положение слаборазвитых. Такое отставание не может не вести к политическим трениям — в сознании людей оно преломляется в определенное отношение к данной системе. Поэтому система способна рухнуть не экономически и сама по себе, а лишь политически. Хозяйство всегда будет функционировать, колеса будут как-то вертеться, хотя и вхолостую.

Причина столь ужасного отставания от Запада еще и в том, что советский режим постоянно вмешивается в мировую политику, всегда кого-то поддерживает, приобретает каких-то союзников, подкупает, проводит повсюду великодержавную политику, при том, что фактически у него всё меньше средств и всё больше затруднений. Чем больше он вкладывает средств в военную и внешнеполитическую области, тем меньше остается их для поддержания необходимого жизненного уровня людей. Рано или поздно это вызовет рост недовольства, и в определенный момент в СССР наступит политический кризис. Экономически же СССР может существовать еще десятилетия. Потому что вы даже себе не

представляете, как в таком хозяйствовании можно ловчить. Возьмите сегодняшнюю Чехословакию. Что сейчас хуже всего для Гусака? Он чувствует огромное сопротивление народа. Девяносто, а то и девяносто пять процентов населения против него. А что если наполнить магазины потребительскими товарами? Он это может совершить запросто. Неспециалист не в силах и представить себе, что такой режим способен сделать из народного хозяйства. Достаточно, например, в течение нескольких лет уменьшать капиталовложения в другие области и расширять за счет этого ввоз потребительских товаров с Запада, чтобы, бросив эти недоступные товары на рынок, пустить людям пыль в глаза и подкупить их этим. Но что, собственно, значит — за счет вложений? Это значит — за счет будущих поколений, за счет будущего развития, что впоследствии даст себя остро почувствовать. Но на это режиму наплевать. Вы знаете, как обстояло дело с жилыми домами, или с дорогами. Вы знаете, что помещения не ремонтировались, что не только штукатурка осыпалась, но разваливались целиком здания. Попросту говоря, жульничать можно, где угодно. Возьмите, например, уступку, которую сделал Советский Союз под нажимом Польши. Восстание польских рабочих стихийно могло перенестись и на Украину, и нужно было действовать как можно быстрее. Тогда-то, в последний момент, и изменили цифры в пятилетнем плане, подняв уровень производства потребительских товаров. Правда, слегка уменьшился выпуск средств производства. И я для себя высчитал, что вследствие этого через пять лет отношение между указанными двумя группами изменилось бы всего лишь на $\frac{1}{2}$ процента. Вы должны себе представить, что в народном хозяйстве соотношение между так называемыми группой 1 и группой 2 приблизительно 65-70% к 30-35%. Группа тяжелой промышленности, производящая средства производства, составляет около $\frac{2}{3}$. И теперь представьте, что такое соотношение изменится на

1/2⁰/₀. Да это просто фарс! Ведь заработки растут быстрее, и такое незначительное расширение выпуска потребительских товаров попросту ничего не решает; инфляция увеличивается, инфляция поистине катастрофическая, поскольку постоянно растут доходы, которые не покрываются ростом числа потребительских товаров и услуг. Это — важная проблема. Они же сделали этакую уступку, которая в принципе ничего не меняет, и подняли вокруг нее пропагандистскую шумиху для обмана людей. Лишь из-за восстания рабочих пришлось пропаганде заговорить о расширении производства потребительских товаров.

В о п р о с. Считаете ли вы, что реформа, к которой вы стремились с 1956 по 1968 год, сегодня еще осуществима в государствах Восточной Европы, например, в Польше, Венгрии.

П р о ф. О. Ш и к. Прежде всего, что мы понимаем под реформами в Восточной Европе? Во-первых, установление необходимых рыночных отношений. Без них не обойтись. Однако для этого пока еще не созрели политические условия. Я убежден, что реакция на чехословацкие события усилила бдительность сталинистов и их борьбу с какими бы то ни было попытками реформ. Поэтому в ближайшие годы я не надеюсь на какие-нибудь более или менее принципиальные изменения. Венгры оказались в очень тяжелом положении, потому что они, как вы знаете, начали проводить реформу, подобную нашей, примерно на год позже нас и хотели, в принципе, идти нашим путем. Мы даже сотрудничали с венгерскими экономистами и хорошо понимали друг друга. У нас были те же экономические цели. Понятно, после событий в Чехословакии там этот процесс приостановился, и в данный момент в этом отношении не делается ничего. Впрочем, известные шаги они всё же успели сделать, благодаря чему опередили другие государства советского блока. Дальше идти они пока опа-

саются. Поляки тоже боятся каких бы то ни было политических акций, они очень осторожны. Вообще в данный момент политическая ситуация такова, что надежд на какие-либо реформы нет. Сейчас повсеместно говорят о значении централизации. В Советском Союзе хотят запретить в планирование целую систему компьютеров. В теории толкуют об оптимализации плана, но этими путями они всё равно не смогут двигаться вперед, не справятся с проблемами. Политический климат сегодня явно не благоприятен. Я не хочу выступать в роли пророка, но думаю, что эпоха жестокого централизма снова должна будет смениться эпохой определенной либерализации. Это не будут еще реформы, но может наступить нечто вроде хрущевского периода. Из нынешнего положения Советскому Союзу не выкарабкаться при помощи централизации. Опять появятся непреодолимые трудности, которые заведут в тупик. И тогда-то снова начнутся перемены, а все ошибки свалят на голову Брежнева, — как положено. Ведь всегда виноват предшественник. Появится кто-то новый, и вновь, как сказано, наступит перемена.

Без такой либеральной волны в СССР не могла бы появиться и наша реформа. Поймите, что в ситуации 1963 года, когда мы начали наш путь, решающим было то, что мы находились в хрущевском периоде. Хотя действия Хрущева и отличались примитивным эмпиризмом, это был период экспериментов, можно было хотя бы дискутировать и искать новые пути. Я жду повторения подобной ситуации как основания для новых реформ.

Поймите также и то, что пока речь шла лишь об экономических реформах. Главной же переменной должна быть перемена политической системы. И она, разумеется, не будет сводиться лишь к спокойному реформистскому развитию, в таких случаях никогда нельзя обойтись без борьбы. Это не обязательно должен быть вооруженный переворот, это может удасться и так, как

удалось бы нам в Чехословакии, не будь иностранной интервенции. Во всяком случае, сражение за радикальные политические перемены будет сражением определенных господствующих группировок. Реформистская группировка может оказаться и внутри КПСС. Пока мне трудно себе представить, что эта битва может начаться вне партии, но и это не исключено.

Крайне важно, как сложится международное положение. При определенном развитии международных событий, для поработанных народов советского блока может создаться благоприятная ситуация (что весьма вероятно). И тогда может произойти целенаправленный революционный бой против бюрократической власти, против всей системы.

Но вполне вероятно, что развитие пойдет другим путем — так, как это случилось у нас до «пражской весны». Не знаю, что более реально, но я не отвергал бы ни того, ни другого пути — сегодня трудно учесть все факторы. Не существует специального, совершенно необходимого нам всем института, который мог бы изучать существующие факторы и всесторонне их оценивать. В таком случае развитию событий можно было бы дать более глубокую оценку. До сегодняшнего дня серьезные аналитические исследования такого рода подменяются у нас разрозненными усилиями одиночек и общими рассуждениями. И тут, на этом собрании, я снова повторяю: меня поражает, как мало интереса проявляют западные страны к глубокому, серьезному изучению текущего развития восточных стран. А жаль!

В о п р о с. Что нашей стране наносит бóльший урон — торговля с Советским Союзом или плохая внутренняя организация и планирование?

П р о ф. О. Ш и к. Отделить одно от другого нельзя (*смех в зале*). Такую внешнюю торговлю можно вести только при такой системе управления. Разумеется, потери, которые мы несем от внешней торговли, — причем не только с Востоком, но и с Западом — ужасны.

Да, и с Западом! Это просто невероятно, но я хочу, чтобы вы знали: самое засекреченное в нашей экономике — это область внешней торговли. Туда даже мы не могли как следует пробиться. Мы знали, что там страшные убытки, но сопротивление консерваторов, сталинистов было наибольшим именно в области внешней торговли. Во время «пражской весны» нам удалось проникнуть во все ведомства, везде велась определенная предреформенная подготовка, производился анализ. Но то, как сталинисты забаррикадировались в сфере внешней торговли, свидетельствовало не только об их страхе перед реформой, но и перед установлением размера убытков.

Ничто не приносит такого дохода, как внешняя торговля с Западом, и нигде не образуется при этом таких огромных текущих счетов, как за границей. Ведь никто в этом случае не в состоянии проверить, почему можно было продать товар и почему он был продан в действительности; куда, на какие текущие счета шла разница и что и где при этом «потерялось».

Ну, а торговля с Востоком опять-таки нечто совсем иное. Дело в том, что нам постоянно навязывали политику абсолютного диктата. В смешанной комиссии попросту никто не решится оказать сопротивление. Какой бюрократ станет портить отношения с советскими представителями? У них всюду абсолютная гегемония. Они решают, что будет производиться и как будет идти торговля. И никто не подсчитывает убытков. Чехословацкое хозяйство теряет на заграничной торговле действительно колоссальные суммы. Мы всегда говорили: «Чем болтать о капиталистической эксплуатации, подсчитайте лучше убытки в вашем собственном хозяйстве». Это хоть и несколько демагогический аргумент, но — факт. Какая тут может быть болтовня о прибавочной стоимости и эксплуатации, если во всех странах советского блока прибавочная стоимость гораздо выше, чем на Западе, а то, что из этой прибавочной стоимости воз-

вращается рабочим, гораздо меньше, чем на Западе. Вряд ли к этому можно еще что-нибудь добавить.

В о п р о с. В какой мере поставки с Запада помогают Советскому Союзу преодолевать грозящий ему экономический кризис? И в какой мере прекращение этих поставок ускорило бы хозяйственный и политический провал советского руководства?

П р о ф. О. Ш и к. Именно этому вопросу и было посвящено то заседание экономической комиссии американского конгресса, о котором я упоминал. Туда пригласили десятерых экспертов по вопросам политэкономии, и девять из них высказались — подобно мне — в пользу торговли (если, конечно, под экономическими сношениями понимать именно торговлю, а не долгосрочные кредиты). О долгосрочных кредитах, предоставленных Востоку Западом, я никогда не говорил, и это совсем иное дело. Пока же речь идет о торговых сношениях, я всегда буду за них. Дело в том, что, к сожалению, эти страны теряют на внешней торговле больше, чем приобретают (об этом я писал в американских газетах). Им не помогает даже производительность машин, которые они ввозят с Запада. Так что это ни в коей мере не спасает коммунистическое хозяйство. Я думаю, что такому хозяйству вообще никакая торговля не поможет. Здесь играют роль не только упомянутые потери. Запад при подобной торговле может приобрести и необходимый опыт и понятие о порядках советской системы, а это, думается, более важно, чем та выгода, которую, благодаря новой технике, получит Советский Союз. Если бы вы только знали некоторые подробности! Например, что там творится вокруг завода «Фиат»!.. Пока они добьются выпуска какого-то процента запланированной продукции, впору будет рехнуться... С какой радостью итальянцы сбежали бы отсюда. Никто там не знает, что к чему, никакие нормы не соблюдаются. Но они не могут не ввозить некоторые товары с Запада. Если бы коммунистическое хозяйство

было бы только в состоянии, оно совершенно замкнулось бы в себе, но ему без ввоза просто не обойтись.

Ведь это поистине самое большое осуждение системы, когда вы читаете, что они вынуждены ввозить на 140 миллионов долларов хлеба и продуктов питания из США. Это в русскую-то житницу, из которой «нищенская» царская экономика черпала хлеб для всего мира! Но всё это детали.

Итак, от торговых сношений я никаких опасностей не жду. Я придаю большое значение другой стороне вопроса. Эмбарго, по-моему, в определенном смысле только часть политики холодной войны. Советский Союз развивался и в условиях эмбарго, и это не помешало ему стать великой военной державой. Эмбарго — это вода на мельницу наиболее отъявленных, реакционных сталинистов. Эмбарго им нужно, ибо вполне может служить препятствием для всякой либеральной деятельности. Я не говорю, что торговые сношения сами по себе что-то изменяют, но в них я вижу один из путей взаимного ознакомления, возможность сравнения систем и проникновения новых мыслей за закрытые ворота, то есть то, чего сталинисты боятся пуще всего.

В о п р о с. Думаете ли вы, что результаты выборов в Чехословакии фальсифицировались и будут фальсифицироваться? В каких процентах выражается теперь победа КПЧ на выборах? (*Всеобщий смех*).

П р о ф. О. Ш и к. Нет смысла рассуждать о том, фальсифицируются ли выборы, ведь на этом основан весь «выборный» фарс. Само собой разумеется, что в выборах участвуют тщательно отобранные люди: и те, кто сидит в выборных участках и составляет списки избирателей, и те, кто наблюдает, и те, кто, ходя по домам, созывает на выборы... Это — люди из партаппарата и госбезопасности. Так всегда было и будет при данной системе. Вопрос заключается лишь в том, какое количество процентов эти люди решат опубликовать, чтобы не получилось уж слишком смешно. (*Смех в за-*

ле). Думаю, что в Политбюро широко дискутируется, следует ли указать 99,5%, или чуть поменьше, чтоб выглядело правдоподобнее. Но дела это не меняет.

В о п р о с. Если бы чехословацкая эмиграция ставила бы себе определенные цели, следовало ли бы ей стремиться к осуществлению идеи объединения Европы или нейтрализации Чехословакии?

Проф. О. Шик. Полагаю, что на эту тему у вас были большие и шумные дебаты. Если говорить о нашей внутренней цели, то я — один из сторонников объединения Европы. Считаю, что это весьма серьезная политическая идея, которую, однако, непросто осуществить. Трудность — в ограниченных узконациональных интересах, которые настолько сильны, что преодолеть их очень трудно, на это потребуется много времени. И всё-таки, по-моему, именно объединенная Европа — тот фактор, который может многое для нас означать, потому что даже на США, вероятно, мы не можем в будущем серьезно рассчитывать. Америка четко проводит политику равновесия сил, но, к сожалению, за эту политику равновесия, за политическое разделение мира частично расплачиваемся и мы. Поэтому создание сильной Европы как определенного противовеса советскому империализму я считаю чрезвычайно важной задачей. Что же касается идеи нейтрализации в наших условиях, думаю, что она попросту иллюзорна.

В о п р о с. Когда Брежнев был в Париже и говорил с президентом Помпиду, разговор шел, в частности, и о том, что было бы хорошо, если бы и Советский Союз принял участие в подготовке объединения Европы. (Смех в зале).

Проф. О. Шик. Само собой разумеется, что идея такой объединенной Европы мне и в голову не приходила. (Смех, аплодисменты).

В о п р о с. Каково ваше мнение о президенте Свободе?

Проф. О. Шик. Ответ вовсе не труден. Это — политический оппортунист, человек, который считает, что когда-то им пренебрегли и что он уже давно должен был стать президентом. Тогда ему это не удалось, он, что называется, попал под колеса. Теперь, когда он этого достиг, он держится за свой пост зубами и ногтями. Для него это важнее всего остального. К сожалению, его роль по отношению к своему народу ужасна, по-иному не скажешь. Я бы мог ее сравнить только с ролью Гахи. Для меня Свобода — коллаборант, действующий вопреки интересам своего народа. Его роль сводится к поддержке оккупационной политики. Пусть политические деятели, облегчающие Советскому Союзу оккупацию нашей страны, сто раз внушают себе, что они что-то спасают. Не спасают они ничего, абсолютно ничего! Захотят советские руководители, например, устроить массовые процессы, как в пятидесятых годах, и процессы будут. И никто не в силах будет им помешать. Объективно Свобода помогает оккупантам деморализовать народ, лишить его силы сопротивления. И в этом роль Свободы совершенно однозначна.

В о п р о с. Брежнев пообещал Тито сто миллионов долларов. Чем, по вашему мнению, югославы их компенсируют?

Проф. О. Шик. Ну, лишь бы их употребили так, чтобы Югославия сохранила свою самостоятельность. Вы, конечно, понимаете, что сейчас это — самое главное, что за это сегодня ведется борьба. В Югославии имеются и сталинистские силы, которые только ждут смерти Тито и у которых существует своя сеть. Это вовсе не второстепенная проблема: любой шаг, хоть немного помогающий сохранить самостоятельность Югославии, чрезвычайно важен. Это, повторяю, серьезная проблема, и у меня на этот счет имеются определенные опасения. С другой стороны, я надеюсь, что антисталинистские силы там настолько значительны, что, в случае опасности, они будут действовать, и дейст-

зовать иначе, чем, к сожалению, были вынуждены действовать мы. У них, надеюсь, другие предпосылки. На любую помощь Югославии я смотрю так: пусть ее употребляют на экономические цели или на что угодно, лишь бы она помогла укреплению независимости этой страны.

В о п р о с. Я полагаю, что чешские социалисты имеют некоторое преимущество перед западными, в части горького жизненного и профессионального опыта, вынесенного ими из знакомства с так называемым тоталитарным социализмом. Не кажется ли вам, что именно поэтому вы, бывшие коммунисты, благодаря своему опыту могли бы помочь построению нового западноевропейского общества? Я бы сказал, что ваша обязанность отрезвить здешних социалистических мечтателей, наивность которых, мне кажется, особенно в студенческих рядах, стала опасной. Ведь и вы лично, по крайней мере мне так кажется, после коммунистического переворота совершали идеологические ошибки, и поняли это не сразу.

Проф. О. Шик. Разумеется. Я и здесь не тотчас распознал, куда всё это движется. В здешнюю политику я, само собой понятно, вмешиваться не могу. Но поскольку у меня есть возможность влиять на общественность, в особенности на молодое поколение, я считаю одной из своих главных задач именно то, о чем вы только что говорили. Этому я и посвящаю большую часть своего времени. Еженедельно у меня не одно, а несколько таких собраний, главным образом студенческих. И всегда происходят схватки с левыми экстремистами, что меня огорчает, так как я предполагал, что после пережитого миром опыта нельзя столь просто-душно повторять тот мыслительный цикл, который проделали мы. Но, увы, всё это повторяется снова и снова. Я делаю, что могу, стараюсь разъяснять, в чем состояли наши ошибки и почему именно это — ошибки. Надеюсь, что это — большая и важная работа.

Но при этом следует также пытаться понять и другую сторону. Нельзя осуждать эту молодежь огульно. Ее оппозиция той единственной системе, которую она знает и с которой имеет дело, в известной мере обоснована. Сегодня мы о капиталистической системе не говорили, так как это не было темой моего доклада. Но я эту молодежь понимаю. Удовлетворительного ясного теоретического выхода из своего оппозиционного состояния она пока что не видит. Эту систему она не принимает и ищет чего-то нового, но пока не находит. В результате некоторые из нее обращаются к старой коммунистической теории. Эта часть молодежи утверждает, что они не совершили бы тех ошибок, которые были допущены в коммунистических странах. Но они при этом не замечают, что сама система неизбежно заставляет делать именно то, что делается, и что они не могли бы этому помешать. Врожденные пороки системы они принимают лишь за ошибки. Они думают, что в их силах сделать систему гуманной. Поэтому им необходимо указывать на то, что всё это — иллюзия, причем иллюзия опасная.

Однако мы сами пока еще не в силах предложить им в помощь свою достаточно разработанную позитивную идею. К сожалению, наша идея еще не настолько оформлена; кристаллизировать ее я и считаю своей основной задачей. Уточняю: главная моя задача — написать книгу о демократическом, гуманном социализме, и тем самым постараться показать, что у социализма может быть другое, демократическое развитие. Это могло бы подсказать какие-то решения и для Запада.

В о п р о с. Не думаете ли вы, что западные идеологи считали вашу программу для себя опасной и, в соответствии с этими опасениями, действовали определенным образом как перед оккупацией Чехословакии, так и во время нее?

П р о ф. О. Ш и к. Нет. Я думаю, что это не совсем реальная постановка вопроса. Те силы на Западе,

которые я условно могу назвать догматическими антикоммунистическими, не считали наши идеи для себя опасными. Возможно, что они просто ничего не понимали. Видите ли, этот догматизм, как палка о двух концах. У антикоммунистов столь же одностороннее мышление, как и у наших коммунистов. Они воображали, будто наше сопротивление стремится к реставрации капитализма, и поэтому поддерживали нас (что было вовсе некстати). Их сочувствие именно в тот период нам не только ни в коей мере не помогало, но, наоборот, давало повод сталинистам утверждать, что мы, мол, желаем идти назад, к западному капитализму. Конечно, это отнюдь не повлияло на события, и решение нас оккупировать было принято вовсе не по этой причине.

В о п р о с. Не считаете ли вы, что в случае успеха ваша новая экономически-политическая модель могла бы оказать влияние на весь западный мир? Многие из молодежи говорили об этом как о второй французской революции.

П р о ф. О. Ш и к. Не будем впадать в манию величия. Я считаю, что идея, которую мы хотели осуществить и теоретически разработать, — серьезная идея будущего развития, но я бы не хотел провозглашать ее всемирной. В некоторых, особенно в промышленно развитых странах с полной занятостью населения есть определенные предпосылки для развития в этом направлении. Но было бы опять-таки проявлением догматизма думать, что создана некая абсолютно правильная теория, пригодная для всех и повсюду. Это — устарелый способ мышления. Можно разработать с определенной целью некую модель, но осуществляться она будет в различных конкретных формах и на различных путях развития. И я бы рассматривал нашу доктрину лишь как содействие общему процессу развития. Но никак не стоит, однако, ставить перед собой грандиозные цели. Это ни к чему.

Перевел с чешского С. Тарасов

Человек на земле

Смежные записи

I

1. Голод гонит зверя на добычу. Ему нужно только одно: сломить сопротивление жертвы. Борьба за существование — неизбежный и неумолимый закон в живой природе. Однако, утолив голод, лев, царь зверей, не помышляет о господстве. Инстинкт хищного зверя не толкает его на соперничество; львы не бросаются на львов, а волки — на волков. Один только вид соперничества существует в природе животных, как и людей — соперничество сексуального характера. Простым примером служат кровавые бои оленей, глухарей, петухов и т. д. Столкновения иного рода являются лишь исключением, едва ли не аномалией.

2. Только род человеческий взрастил ядовитое семя вражды и противоречия, что стало корнем человеческой дуалистической морали, с ее понятиями преступления и наказания, обиды и мести; с войнами, катастрофическими побоищами и разрушениями; с данями и контрибуциями, с аннексиями и репарациями.

3. Насилие, грабительства и убийства, естественно возникшие среди первых групп людей, очень серьезно угрожали существованию человеческой расы, ибо потребность справедливости приняла в порядке противодействия, сопротивления, прежде всего, ужасную форму мести. Очевидно, что, предоставленная себе самой и умножаясь на каждом шагу, месть, за которой следовала месть за месть, вскоре поглотила бы если не всё человечество, то по крайней мере всех энергичных и гордых людей.

4. Почти у всех варварских народов точно так же, как у большинства дикарей, которых еще можно наблюдать теперь в ту критическую минуту, когда оружие племени становится угрожающе смертоносным, месть часто заменяется странным обычаем «платы за кровь» или «возмещением за человекоубийство». Обычай этот позволяет виновному избежать мести друзей или родственников посредством уплаты последним выкупа, сначала произвольного, а вскоре точно определенного.

5. Человек в настоящее время не выше в умственном отношении, чем был в далеком прошлом. Его средства увеличились, благодаря накоплению; он этим пользуется для создания новых ресурсов, но изобретатель беспроволочного телеграфа по уму стоит не выше того, кто изобрел первое колесо.

6. В своем отношении к материи человечество находится еще в состоянии нащупывания и робких опытов. Оно не знает даже наверное, чем оно должно считаться: плодоядное оно или плотоядное, не знает и количества нужной пищи.

7. Мы только еще нарождаемся, мы ползаем на четвереньках и щиплем траву, несмотря на существование сверхзвуковых самолетов. Человечество! В его жилах еще бьется кровь средневековья, оно стремится к открытиям и жаждет великих деяний грядущих веков, но деяния эти несут человечеству только бурю.

8. Цивилизация развила огромные технические силы, которые должны по замыслу уготовить царство человека на земле, господство над природой. Однако цивилизация не осуществляет царственной мечты человека. В технике и экономике современной цивилизации не творится новая, царственная жизнь человека. Технические силы цивилизации властвуют над самим человеком, делают его рабом, убивают его душу. Современный человек плохо знает природу развиваемых им технических сил цивилизации. Создается магическая

среда, заколдовывающая душу человека, небезопасная для духа, для души и для тела.

9. В канонической морали всех эпох не рождалось еще нового общения людей. Мораль, подобно всякому закону, скорее изобличала зло, чем творила высшую правду жизни. Мораль, как дифференцированная сфера культурной жизни, перестает вдохновлять, мертвеет и вырождается. Мораль срединная, мещанская, мораль безопасности; мораль, закрывающая пределы бытия, должна раньше или позже сама прийти к концу. Овладение природой не может осуществиться через вражду и отчуждение человека от человека.

10. Может быть, культура по глубочайшей своей сущности и по теократическому своему смыслу есть неудача. Философия и наука — неудача в творческом познании истины, искусство и литература — неудача в творчестве красоты, семья и половая жизнь — неудача в творчестве любви, мораль и право — неудача в творчестве человеческих отношений, хозяйство и техника — неудача в творческой власти человека над природой. Культура во всех ее проявлениях есть неудача творчества, что, вероятно, доказывает невозможность достигнуть творческого преображения бытия.

II

1. Новые начала выработанной европейским человечеством цивилизации, то есть наука, государство и мечта о справедливости, основывались единственно на законах разума, вне всякой зависимости от религии и от преданий.

2. Порвав с религиозной идеей, питавшей жизнь в продолжение стольких веков, Франция в восторженном исступлении провозгласила себя на весь мир обновительницей человечества на новых началах, главную их носительницей и хранительницей. «Все, все придите ко мне!» — взывала она в пифическом упоении.

3. Народ в высшей степени покорен и вынослив. Он несет как можно дольше бремя, возложенное на него разумом, желанием лучшего, воображением, страстями, пороками, добродетелями и чувствами, свойственными человеку. Но когда бремя становится действительно чрезмерно гнетущим и губительным, он равнодушно сбрасывает его. Его не беспокоит выбор средства; он выбирает ближайшее и самое простое, будучи как бы уверенным в том, что его цель — самая верная и самая лучшая. У него только одна цель — жить, и, в сущности, она превосходит всякий героизм и все самые высокие мечты, заключенные, быть может, в бремене, которое он сбрасывает.

4. Все формы исторические *volens-nolens* ведут от одного освобождения к другому. Гегель в самом рабстве находит (и, быть может, верно) шаг к свободе. То же явным образом нужно сказать о государстве: и оно, как рабство, идет к самоуничтожению, и его нельзя сбросить с себя, как рубище, до известного возраста. Государство везде начинается с подчинения лица (даже с его порабощения) и везде стремится к полному его освобождению. Каждый восходящий или воплощающийся принцип в исторической жизни представляет правду своего времени, и тогда он поглощает лучших людей; за него льется кровь и ведутся войны; потом он делается ложью и, наконец, воспоминанием.

5. Идея владычества, верховенства исстари владела умами родов, племен и народов. Цезаризм или абсолютизм, диктатура монарха или демократии (охлократии) есть суть и форма политических схваток, их причина и следствие. В большей или меньшей дозе это было и еще остается в крови каждого народа, как и каждого правителя, будь он идеалист чистейшей воды или даже демагог-авантюрист, которому суждено быть повешенным.

6. Вся революция без сущности дела есть не обновление общества на новых началах, а всего лишь победа

одной группы (партии, класса) над другой по принципу: «Убейся отсюда, чтобы я стал вместо тебя!»

7. Всегда и повсюду с мечтами или с пушками, под знаменами республики или под орлами цезаря, во имя различных истин в разные эпохи, народы, почуявшие в своих жилах вирус цезаризма, шли на другие мирные народы, чтобы, не заглядывая глубоко им в душу, заставить их принять формы своего мышления, своей веры, своего общественного устройства, своих обычаев.

8. Пренебрежение к человеческой личности, ничтожный (если не своекорыстный) интерес к совести другого; насилие по отношению к человеку, к племени, ко всему миру есть коренное и неуничтожимое свойство наций, охваченных духом цезаризма, идеей верховенства (власти и силы), сказавшееся в фактах римской империи, французской централизации, в наступательных войнах католической реакции и первой революции, в ордене иезуитов, в инквизиции и, наконец, теперь в крайностях социализма.

9. Почему не предчувствовать, что дело, начавшись с Франции, далеко еще не кончено? что ее идеи, перекинувшись в другие места, в Азию, Африку и Америку, не ведут к разлагающему народы самомнению? что встреча с ними неминуема? что еще раз спор о первенстве не может миновать, даже по самому существу вещей, и что спор этот будет спором на жизнь и смерть? что это дело не только не кончено, а едва лишь начинается?!

10. Здание, каким бы величественным оно ни казалось, подкопано. За фасадом пассивного повиновения скрывается глубокое недовольство. Ненависть, царящая в сознании масс, дерзка и неудержима. Господствует стремление к изменениям в государственном устройстве; это стремление, прежде всего, развивается в ограниченных умах, не заботящихся о том, найдутся ли для новых учреждений способные люди.

11. Бывало, при одном слове республика билось сердце, а теперь слово это возбуждает больше сомнений, чем надежды. Разве мы не видели, что республика с правительственной инициативой, с деспотической централизацией, с огромной армией гораздо меньше способствует свободному развитию, чем, например, английская монархия без централизации? Разве мы не видим, что пресловутая «народная демократия», то есть равенство в рабстве, есть только форма крайнего, жестокого самовластья?

12. Они повсюду одинаковы, когда дело идет о власти, завоевании и владычестве: полное отсутствие гуманности. Они притесняют способом систематическим и поэтому всегда действительным. Более того: их грубое высокомерие, презрительное и жестокое ко всему, что не они, ложь и хладнокровие, с которым они осуществляют свои домогательства и преследования везде, где они господствуют, делают их нетерпимыми.

13. В наше время, время деспотизма и яростного смятения, скоро не будет для свободной души никакого иного убежища, кроме тюрьмы. Если бы сегодня вожди открыто заявили, чего они хотят и к чему стремятся в глубине души, то и эта особая страна, и весь мир завтра же вздохнули бы свободно.

14. Там, где республика и демократия сообразны развитию народному, где они не только слово, но и дело, — там, без всякого сомнения, наибольшая личная независимость и наибольшая свобода. Иные результаты показывают страны, которым эти общественные формы слишком широки или не соответствуют их развитию. Возьмите в пример народ невежественный, солдатский внизу, вверху растленный и преданный одному стяжанию: там всеобщая подача голосов делает из страны смиренный дом. Там политическая часть нации удаляется в самосохранение, омертвив чуть ли не все так вос-

торженно провозглашенные ранее идеи, и без веры, но со страхом за свое бытие, влекущим за собою деспотизм и насилие, следит, как полицейский, за остальной частью нации, тоже далекой от веры в обновление и воскресение свое на новых началах будущего общества, нищей духом и благами жизни; эта часть нации, поднадзорная часть, слишком долго терпела и потому всегда готова, как голодный пес, броситься на защищающих свою власть «освободителей» и растерзать их.

15. Друг республики и демократии, я гораздо больше друг свободы, независимости и развития, ибо и с республикой и демократией может не быть ни свободы, ни независимости, ни развития. Ошибаться нельзя; на каждом клочке Европы, Америки, всех континентов — та же борьба, те же два лагеря. Вы ясно, вполне должны чувствовать, против какого стоите вы. Но чувствуете ли вы так же ясно связь вашу с другим лагерем, как отвращение и ненависть к одному?

16. Напрасно пожимать плечами, негодовать и клясть. Все континенты будут втянуты в общий разгром. Пределы стран изменятся, национальности будут сломлены и оскорблены, народы распадутся на группы, эти межнациональные группы будут стремиться к объединению. Ограбленные, разрушенные города обеднеют, фабрики останятся, деревни опустеют; земля, оставшаяся без рук, будет заброшена; образование, быт, культура — всё рассыплется. Усталые, заморенные народы покорятся всему, — военный деспотизм заменит всякую законность и всякое управление.

17. Что значат все наши усилия, конституции и революции, когда мы даже не можем представить себе и приблизительно перспектив, ожидающих человечество? Быть может, в той самой свободе, о которой мы мечтаем, заложены начала разрушения, и человек, достигши своего идеала, пойдет назад и опять падет на четвереньки? для того, чтобы начать всё сначала?!

III

1. Великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и соглашениям. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперных команд разрушения. Дико-необузданный взрыв ничего, ничего не пощадит.

2. С капиталом золота неизбежно погибнет другой капитал, идущий из поколения в поколение и от народа к народу, — капитал, в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой на-слаивалась летопись людской жизни и выкристаллизовалась история.

3. Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе со всяческими границами и те пределы сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях с начала цивилизации. Я не только жалею людей, но жалею и вещи, а иные вещи даже больше иных людей.

4. Разве не ужасно и не обидно было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пунические войны, гениальный красавец Александр в каком-нибудь пернатом шлеме переходил Граник и бился под Арабелами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах — всё для того только, чтобы французский, американский или русский мещанин в безобразной и комической своей одежде благодушествовал индивидуально и коллективно на развалинах всего этого прошлого величия?

5. Где мудрые законы Солона и Ликурга, утверждавшие вольность Афин и Спарты? В книгах. А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия. Где пышная Троя? Где Карфаген? Едва ли видно место, где они гордо стояли. Курится ли таинственно

единому существу нетленная жертва в храмах древнего Египта?

6. Мы удивляемся еще ныне огромности египетских сооружений. Несравнимые пирамиды и колонны дворцов, форумов, храмов доказывают смелое у египтян зодчество. Огромность сооружений и зданий, может быть, не всегда необходимых обществу, есть явное доказательство его порабощения. Пирамиды, великолепные мавзолеи и саркофаги — это несомненные знаки человеческой гордыни, знаки желания жить вечно. В жажде бессмертия фараоны и по смерти своей хотели отличаться от всех других. Но это ли вечность, которой так жаждет человек?

7. Не рукотворные вещи нужны человеку, а самосознание своего господства над внешним миром; не для комфорта несет он огромный и тяжкий труд, но для того, чтобы ощущать свою власть и ежеминутно видеть ее возрастающей.

8. Целые поколения легли костями, чтобы обжить какой-нибудь клочок земли; века прошли в борьбе, кровь лилась реками; поколения мерли в страданиях, в тяжелом труде, в тщетных усилиях, едва вырабатывая скудную жизнь, немного покоя и пять-шесть умов, которые понимали заглавные буквы общественного процесса и двигали массы к совершению судеб своих. Удивляться надо, как народы, при этих гнетущих условиях, дошли до современного состояния, до своей самоотверженной терпеливости; удивляться надо, как люди мало делают зла, а не упрекать их, почему каждый из них не Аристид и не Симеон-Столпник.

9. Жизнь народов становится праздной игрой: лепит, лепит по песчинке, по камешку, — а тут опять всё рухнет наземь и люди ползут из-под развалин, начинают снова расчищать место и строить хижины из мха, досок и упавших капителей, достигая веками, долгим трудом снова падения.

IV

1. Вы все надежды возлагаете на технику и философию. Неужели же вы думаете, что этими средствами может быть обновлено общество? История противоречит такому мнению. Она учит нас, что философия, наука, искусство расцветают как раз в периоды упадка, и каждый раз, когда философия бралась за пересоздание общества, она неизбежно приводила к жестокому деспотизму. Для вас наука — всё, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимает все способности человека, видимое и невидимое, т. е. такая наука, какой ее понимал мир до сих пор, — но наука ограниченная, узкая, наука материальная, которая разбирает и рассекает вещество и ничего не знает, кроме него.

2. Во времена гонений римских императоров христиане имели по крайней мере возможность бегства в пустыни Египта; меч тиранов останавливался у этого непреодолимого для них рубежа. А куда бежать от тиранства материальной цивилизации? Она сглаживает горы, прорывает каналы, прокладывает рельсовые и воздушные пути; она управляет пароходами, самолетами и летательными снарядами в космосе; ее газеты, журналы, книги, радио и телевидение проникают до раскаленных пустынь Африки, до непроходимых лесов Америки.

3. Как некогда христиан влекли на цирковые арены, чтобы их отдать на посмеяние толпы, жадной до зрелищ, так влекут теперь людей созерцания, мечтателей, на публичные торжища, чтобы спросить: «Зачем вы бежите от нашего общества?» Нам возвещают, предлагают, приказывают: «Вы должны участвовать в нашей материальной жизни, в нашей торговле, в нашей удивительной индустрии. Идите витийствовать на площади, идите проповедовать политическую экономию, обсуждать колебания биржевого курса; идите работать на наши заводы, направлять энергию электричества и

атома. Идите, чтобы участвовать в пиршествах, удовольствиях: рай здесь, на земле! Будем есть и пить: ведь мы завтра умрем». Вот что приводит нас в ужас, ибо где же найти убежище от тиранства материи, которая всё больше овладевает всем?

4. Мудрейшие из римлян сошли совсем со сцены. Они рассеялись по берегам Средиземного моря, пропали для других в безмолвном величии скорби, но не пропали для себя, — и через семнадцать столетий мы должны сознаться, что, собственно, они были победители, они единственные, свободные и мощные, представители независимой личности человека, его достоинства.

5. До конечной победы над злом («мир во зле лежит»), до превращения этого мира в новую землю и новое небо дух сомнения, соперничества и противодействия не может быть истреблен в сердце человеческом. Это — неумирающий дух самостоятельной личности, индивидуальности, оригинальности, вечно противящийся победе мещанства, дух священного негодования против переходящего все пределы зла, введенного в нормы и границы из целей корыстных и слишком человеческих.

6. В прошлом было подлинное моральное творчество. Оно внесло в мир героические ценности чести, совести и клятвенной ответственности. Так постепенно ковалась личность. На пути к свободе сознания, мысли и деятельности дух самостоятельной личности продолжает жить. Мораль личная, персонализм, мораль личности ответственной, совершенствуясь, продолжает жить как вечная противоположность духу мещанства. Индивидуалистическая мораль и мораль мещанская, стадная, останутся на веки веков глубочайшими, враждующими противоположностями.

7. Под влиянием мещанства всё изменилось в Европе. Рыцарская честь заменилась сухим бухгалтерским счетом, нравы изящной любезности — нравами чинного приличия, вежливость — чопорностью, гордость — спе-

сивой обидчивостью, парки — огородами, дворцы — гостиницами, открытыми для всех.

8. Когда-то рыцарь был прежде всего и больше личностью, самостоятельной и независимой; он оберегал, как понимал, свое достоинство. Поэтому он, в сущности, не зависел ни от богатства, ни от места; его личность была главное. В мещанине личность оттеснена, скрыта, не выступает вперед, ибо не она главное: главное — дело, вещь, товар, деньги, материальное.

9. Рыцарская мораль — мораль ценности, она глубоко противоположна всей мещанско-демократической морали благополучия, достатка, процветания, морали третьего элемента, морали улицы или простых людей. Это — подлинная мораль ценности, качества, индивидуальности, творчества. Всякое понижение ценности, качества, индивидуальности, творчества во имя среднего общего, количественного, во имя благополучия, устройства и распределения, противно рыцарской морали. Религия признает абсолютную ценность всякого человеческого лица, но это признание ничего общего не имеет с демократической механикой количеств, учета, большинства.

10. В праве личность есть только фикция, необходимый центр, к которому относятся договорные обязательства и прочее. В политической экономии личность совершенно исчезает; там есть только рабочая сила, к которой лицо есть совершенно ненужный придаток. Таким образом, путем знания, путем науки восстановление личности в истории недостижимо; мы можем ее уважать, но это не есть необходимость; мы можем ею и пренебрегать, — и в особенности, когда она дурна, порочна. Но уже самое введение этих условий подкашивает абсолютность личности; для греков дурны были все варвары, для римлян — все неграждане; для католиков — еретики; для гуманистов — все обскуранты; для людей 1793 года — все консерваторы.

11. Всё мельчает и вянет на истощенной почве: нет талантов, нет творчества; нет силы мысли, нет силы воли. Мир этот пережил эпоху своей славы; время Рафаэля и Буонаротти прошло, как и время Мирабо и Дантона.

12. Образ жизни становится всё менее изящным; всех охватывает страх за себя, беспокойство; все жмутся, все боятся, — мещанские нравы сделались общими и грубыми.

13. Уткнувши нос в счетную книгу, прозябают тысячи и тысячи людей, не зная, что делается вне их дома, ничему не сочувствуя и машинально продолжая ежедневные занятия. Да, они знают всё, что входит в их тесный круг, и знание это выдают за практическую мудрость и житейскую науку, перед которой все другие науки и премудрости — мыльные пузыри. Доверия и кредита нет; всё как-то непрочно, ненадолго, на время. Все перебиваются со дня на день, — все нищают, не обогащая никого.

14. Волна уничтожения, истребления грозит затопить все и поставить человека, «голового человека», лицом к лицу с первобытной нуждой и принудить его, подобно животному, думать только о своем теле, о своем голоде и холоде. Такие эпохи уже бывали. Что сделали деньги в эпоху переселения народов или при нашествии Аттилы, когда люди смешались со зверями, люди прятались в звериных норах, а волки рыскали в городах; когда были уничтожены все ценности, разрушены все крепости, и из тумана слышался один только вопль: «Жизни и хлеба!»

15. Это время настает для нас, тоска наша растет. Приходит то тяжелое время, которое давило людей в третьем веке, когда самые пороки древнего мира утратились; когда императоры стали вялы, легионы бездеятельны. Тоска мучила людей энергичных и беспокойных до того, что они толпами бежали куда-нибудь в

Фиваидские степи, кидая на площадь мешки золота и расставаясь навек и с родиной и с прежними богами.

16. Нужно ли и стоит ли растолковывать людям, что они сами виноваты в том, что им так скверно жить; объяснять им, например, что не надобно грабить нищего; что противно объедаться возле умирающего с голоду; что убийство равно отвратительно ночью на большой дороге и днем открыто на площади при барабанном бое; что говорить одно, а делать другое — подло?!

17. Надо сознаться, что умственная и нравственная равнина, в которой от колыбели до могилы приходится нам блуждать, иногда страшно утомляет. Ни великих дел, ни красоты, ни даже великих злодеяний — ничего. Поневоле вспомнишь о бедняке Ницше, с его тоскою по средневековым временам, по Цезаре Борджиа. Жить стало однообразнее и скучнее. Обаяние революционных движений заключается в этой нравственной оскомине «порядка» — так же, как и обаяние неосознанных и дерзких мыслей, странных учений, экстравагантных поступков и экстремистских, разрушительных действий.

18. Мы все приносим с собою, рождаясь, различное; мир открывается нам в меру того, что мы приносим с собою в этот мир. Поэтому, когда все идеи суживаются, горизонт становится тесен, и люди как будто погружаются в какой-то глубокий колодезь. Может ли быть, что это только на время и со следующими поколениями всё станет видно иначе, чем теперь?

19. Истинная производительная сила, — та, которая производит обязательно и с увлечением, сосредоточивается в самом молодом поколении. Именно от этой силы, то есть от ее доброкачественности или недоброкачественности, и зависят судьбы будущего. Молодой человек, воспроизводящий в лице ребенка подобие самого себя, не только удовлетворяет этим естественную склон-

ность к самовоспроизведению, но в то же время влияет и на дальнейшие судьбы своей страны и, следовательно, всего мира.

20. Если вам невыносимо жить в вечном разладе убеждений с жизнью, думать одно и делать другое, — выходите из ваших углов на свой страх; умная и отважная дерзость в иных случаях выше всякой мудрости. Это не легко. Шутка ли — расстаться со всем, к чему человек привык со дня рождения, с чем вместе рос и вырос!

21. Люди могут быть готовыми на страшные жертвы, но не на те, которых от них требует новая жизнь. Готовы ли они пожертвовать современной цивилизацией, образом жизни, религией, общепринятой условной нравственностью? Готовы ли они лишиться всех плодов, выработанных с такими усилиями; плодов, которыми мы хвастаемся столько веков, которые нам так дороги; готовы ли лишиться культурных удобств нашего существования, предпочесть дикую юность образованной дряхлости; необработанную почву, непроходимые леса — разделанным полям и расчищенным паркам; сломать свой наследственный особняк из одного удовольствия, от скуки участвовать в закладке нового дома, который если и построится, то — после нас? Это вопрос безумного, скажут многие.

22. Это не помешательство, не юродство. Тысячи других, всё наше поколение страдает почти так же, больше или меньше, смотря по степени развития, по обстановке. Тяжелая скука легла на душу современного человека, сознание нравственного бессилия его томит, отсутствие доверия к чему бы то ни было старит его прежде времени. Равнодушие равнодушных подозрительно: оно сбивается на охладившееся отчаяние, на равнодушие людей, которые потеряли не только надежду, но и безнадежность, — это уже неестественный покой.

V

1. Вы сердитесь на людей за многое, чего они не сделали, потому что вы не считаете их способными на все прекрасные свойства, данные вам воспитанием; но они, эти люди, по большей части этого развития не имели и не имеют. От людей нельзя ждать ничего, кроме того, что они делают; нет ни повода, ни права требовать от них чего-нибудь другого, нежели что они могут дать; а могут они дать то, что дают, — требовать большего, обвинять — ошибка, насилие. Люди справедливы только к безумным или к совершенным дуракам; их по крайней мере мы не обвиняем за плохое устройство или за расстройство мозга и мы прощаем природные их недостатки. К остальным же — страшная моральная требовательность.

2. Эти люди из поколения в поколение умело трудятся на своей земле, и труд облагораживает их. А подлинная свобода духа немыслима без того чувства собственного достоинства, которое придает человеку любимый труд, выполненный хорошо. Всякий раз, когда я бываю с этими людьми, я убеждаюсь, что я прав, иначе нет ни добра, ни зла на земле. Возможно, кому-то понадобится и целая жизнь, чтобы он понял это, зато он поймет много. Да, нынешняя молодежь потратит всю свою жизнь, чтобы познать это.

3. Народ — консерватор по инстинкту и потому, что он не знает ничего другого; у него нет идеалов вне существующих условий, его идеал — мещанское благополучие. Он держится за устойчивый однообразный быт, за тесные рамки, которыми он огорожен; он верит в их прочность и обеспеченность, — эту прочность он-то и дает им. Даже новое народ понимает только в старых одеждах.

4. Свобода чувства, переходящего в личную страсть, толкающая на невероятные до дикости поступки, есть ли подлинная индивидуальная свобода? Да, личные

страсти не терпят границ, противятся обузданию. Однако идеал «естественной» жизни всегда определялся признаками как раз противоположными свободе: ясностью и устойчивостью всех людских отношений, простотой и незыблемостью закона. При той отвлеченности, с какой мыслился патриархальный идеал, люди не замечали этого противоречия. Они вовсе не спрашивали себя, как могут уместиться буйная свобода и сложность чувства в крепком укладе патриархального быта. В каждом отдельном случае решал произвол собственного чувства; если страсть была красива, героична, она оправдывалась безусловно, хотя в принципе ее нельзя было оправдать, ибо что случилось бы с простотою нравов, если дать волю личным страстям? Патриархальность быта, как ее представляли люди, аккуратно распланированная, налаженная, как механизм, имела для них невыразимое обаяние: она глубоко удовлетворяла их рационалистическое мышление прямою и правильною своих линий; та же узакониваемая незаконность героических страстей была только небольшим коррективом к их геометрическому мирозерцанию, потому что втайне предполагалось, что подобные случаи беззакония сравнительно редки.

5. Люди всегда были такие. Пора, наконец, перестать удивляться и негодовать; можно было привыкнуть со времен Адама. Это тот же романтизм, который заставлял поэтов сердиться на то, что у них есть тело; на то, что они чувствуют голод. Сердитесь, сколько хотите, но мира никак не переделаете по какой-нибудь программе; он идет своим, тем же путем, и никто не в силах сбить его с дороги.

6. То, что было раньше, кажется теперь каким-то сном; это прошлое едва видно нам из-за кровавого тумана, застилающего наши глаза, всё еще далекого от того, чтобы рассеяться. Так хорошо было жить людям старого времени: перед ними стояли, в сущности, такие простые и ясные вопросы! И так тяжело брести нам по

этой заваленной трупами, залитой кровью, изрытой, загроможденной горами развалин дороге.

7. Главнейшее напряжение человеческого ума над верховной задачей его — познать механизм и законы человеческой природы, откуда только и может произойти истинное, полное и прочное человеческое счастье. Пусть ум празднует победу за победой над окружающей природой, пусть он завоевывает для человеческой жизни и деятельности не только всю твердую поверхность земли, но и водные пучины ее, как и окружающее земной шар бесконечное воздушное пространство; пусть он с легкостью переносит для своих многообразных целей грандиозную энергию с одного пункта на другой; пусть он уничтожает пространство для передачи его мысли, слова и т. д. и т. д., — и, однако же, тот же человек, с этим же его умом, направляемый какими-то темными силами, действующими в нем самом, причиняет сам себе неисчислимые материальные потери и невыразимые страдания войнами и кровавыми столкновениями, с их ужасами, воспроизводящими межживотные отношения.

8. Наш истинный путь, если такой вообще существует, мы можем найти совершенно случайно, не имея никакого представления о том, что это он и есть. Придет время, когда люди перестанут искать счастья, — это не будет означать прогресса: просто человечество станет спокойнее.

9. Не было и еще нет человека, который выразил бы все наши страдания, все наши томления и надежды, — словом, всё, что волнует нашу эпоху в ее сокровеннейшей глубине. Среди этой мучительной борьбы сомнений и чаяний каждый человек должен был бы выйти из своего духовного одиночества и найти решение загадки, обступающей нас со всех сторон в столь ярких образах.

10. Явится ли человек, которого ждет, по которому тоскует наша эпоха? Это не будет красноречивый дема-

гог, ни яростный диктатор из народа, ни заслуженный генерал, ни высокомерный наследник древнего благородного рода. Нет, мы должны обрести среди нас такого человека, а не ждать его как спасителя со стороны. Каждый из нас, в сущности, должен был бы отдать себя на суд совести, добратся до ее тайников, проверить себя; судом над собою преобразиться — почувствовать и осознать, как далеко мы отклонились от идеальных норм справедливости, долга и чести.

11. Подавляя в себе личную корысть и, насколько возможно, освобождаясь от нее и от безразличия к тому, что делается вне собственного «я», мы откроем в себе новые черты очищенной совести. Мы вернем себе чувство преданности долгу даже до самопожертвования, которое прежде горело лишь в отдельных апостолах, мучениках, героях-жертвах древнего деспотизма. Мы будем готовы отдать свою мысль, дело и всё свое, даже и жизнь, ради цели, от которой мы были так далеки.

12. Не каждый, но один и другой, и тысячный будет готов идти спасти свою страну и все другие страны — и сам поверит и познает, что спасет. Он будет знать, что именно на его земле суждено свершиться первым битвам за спасение и преображение порядка вещей, унаследованного человечеством, ныне взрываемого диким призраком так называемого нового, бесклассового общества.

13. Каждый будет победителем. Он не будет нуждаться ни в армии, ни в совете. Не будет с ним солдат, ни сокроищ, ни заговорщиков. Он достигнет, несмотря на почти непреодолимые препятствия, полной победы, превосходства, совершенства и ни перед кем не останется в долгу за это, — никто не будет иметь права обвинять его в неверности, в неблагодарности, в самохвальстве и в бесчеловечном деспотизме. Он войдет без пролития крови с тем самым знаменем, с которым был изгоняем с любого клочка земли.

14. Он повернет мир, он пересоздаст Европу, Азию и все части земного шара, потрясенные катаклизмом красного призрака. Он заменит гроб колыбелью, разрушителей сделает строителями, зодчими, архитекторами. Он разрушит противоречие общества и личности, свободы и авторитета, — даст сердцу веру, не отнимая разума от разума.

О „Церкви Духа Святого”

Когда я уже в зрелом возрасте, поступил в Православный Богословский Институт в Париже, чтобы, перефразируя известное изречение, не «разумом оправдать веру отцов наших», а святоотеческим учением поверить философию, то среди профессоров я уже не застал ни о. Сергия Булгакова, отошедшего в лучший мир, ни Б. П. Вышеславцева, уехавшего в Швейцарию, ни Г. Федотова, переселившегося за океан. Но среди оставшегося персонала были еще профессора, закончившие образование в дореволюционной России.

Если первую половину двадцатого века можно назвать ренессансом русской богословской мысли, то центр ее следует локализовать в вышеупомянутом Институте, известном еще под наименованием Св. Сергиевской Православной Духовной Академии. Это будет оправдано не только ее преподавательским составом, но и количеством богословской литературы, вышедшей из-под пера этой духовной и интеллектуальной элиты эмигрантской России.

Ряды старых профессоров пополнились со временем учеными более молодой формации, получившими образование частью в России, частью же за границей. К их числу принадлежал о. Николай Афанасьев, профессор канонического права и истории Церкви, слушателем которого был и я.

О. Николай не отличался ни внешностью, ни ораторским дарованием. Была однако в нем какая-то особенная серьезность, нравственная сосредоточенность, интеллектуальная добросовестность, заставлявшая каждого глубоко уважать его. Я сохранил о нем добрую

Прот. Николай Афанасьев, «Церковь Духа Святого». УМСА-PRESS, Париж, 1971.

память и в иной связи. Каждое воскресенье он служил раннюю литургию в нашем Св. Сергиевском храме. В левом приделе собиралось немного молящихся, однако и на них всех лежал некий отпечаток искренности, серьезности, религиозной вдумчивости. Многие из них часто приходили к причастию. Я не большой любитель пышного литургического ритуала архиерейских служб и поэтому, если это было возможно, старался прийти на раннюю литургию. На ней можно было причащаться без «сослужения» о. Николаю, что считалось приверженцами консервативного храмового благочестия новшеством и чуть ли не литургической ересью. Образцовыми формами богослужения они считали те, которые существовали в России до революции, а возврат к первохристианским традициям считался ими почему-то «новшеством». О. Николай, талантливый и вдумчивый историк Церкви, наоборот, открывал перед нами древний литургический облик Церкви с таким искусством, как это делает опытный изограф при реставрации древних икон.

Во избежание неправильного понимания вышесказанного отметим, что о. Николай никак не отрицал идеи «сослужения» при совершении таинства Евхаристии, но восставал против неправильного ее толкования. Согласно древней традиции предстоятелю сослужит весь народ, находящийся на евхаристическом собрании, а потому, следовательно, и священники, стоящие вокруг престола. Однако благодарение приносит один предстоятель, который благословляет Дары, с призыванием Св. Духа, преломляет Хлеб и раздает его затем приступающим к причастию. Установившаяся практика «сослужения» (стоящие вокруг престола в полном облачении священники поочередно произносят возгласы во время литургии, а затем сами берут частицы Тела Христова и сами испивают из Чаши, как бы самостоятельно и *помимо* стоящего уже сбоку предстоятеля) не вполне соответствует духу и символике Тайной Вечери.

Служение «царственного священства» в Церкви было основной темой богословия о. Николая, ей он и посвятил свою докторскую диссертацию, ставшую основанием книги, краткий анализ которой мы и предлагаем вниманию читателя.

Каков был первоначальный строй христианской Церкви и когда в нем наступили изменения, предопределившие всё его дальнейшее развитие? Решению этого вопроса и посвящено исследование о. Николая...

На Тайной Вечере в Сионской горнице Иисус Христос основоположил Свою Церковь, совершив впервые таинство Евхаристии и заповедав Своим ученикам-апостолам совершать это таинство и впредь. С того момента оно стало онтологическим ядром Церкви, воплотившей себя в день Пятидесятницы эмпирически и долженствующей пребыть таковой до скончания этого эона, чтобы впоследствии войти в полноту божественной жизни.

Как бабочка, рождаясь, сбрасывает с себя за ненадобностью ветхую оболочку кокона, так и Новый Завет, будучи царством благодати и любви, отменил за ненадобностью ветхозаветное царство закона и справедливости, исполнившее свою детоводительствующую миссию. Для того, чтобы охранить от уничтожения нежный, оранжерейный росток новой Церкви, Иисус Христос ниспослал на апостолов Духа Святого, от Отца исходящего, который одарил их преизобильно для их непостижимо-непосильного, с человеческой точки зрения, служения. Ибо двенадцать простых рыбаков, земледельцев, ремесленников должны были вызвать на единоборство не только военно-правовую силу римской империи, но и всю религиозно-философскую культуру эллинской цивилизации. И они исполнили свою задачу, «Богу споспешествующу», ибо сказано: что невозможно человеку, то возможно Богу. А они ведь исполняли волю Божью.

Исключительное и преизобильное благодатствование апостолов выразилось в наделении их всеми хариз-

мами: правом совершать таинство Евхаристии и все остальные таинства (хотя бы выраженные тогда лишь в зачатке, в смысле обрядности), даром ясновидения, учительства, управления и т. п. Всё это нужно было для того, чтобы посеять в этом мире «начатки» поместных церквей, которые, будучи эмпирически различными, мистически были тождественны Единой Церкви Христовой. Чудо таинства Тела и Крови Христа выражалось в том, что отдельные Евхаристии, совершаемые в разных местах и в разное время, мистически включались в сверхпространственную и вневременную Евхаристию Христову, наподобие того, как в единую электрическую систему могут включаться в разное время разные принимающие устройства.

Практически, поскольку мы можем заключить из новозаветных писаний, это совершалось следующим образом. Ведомый Духом Св. апостол, сам или с избранным спутником, прибыв в новую местность, проповедывал Христа, желавших — крестил и сам совершал первую Евхаристию. Затем из среды новообращенных избирался достойнейший и по возрасту, и по благочестию для поставления в предстоятели. Поставление на евхаристическое служение совершалось после общей молитвы и при возложении рук на того, кого Бог указал через свидетельство всего народа Божьего данной общины. С этого момента и начиналась жизнь той или иной поместной христианской общины. *В связи со своим служением* предстоятель становился постоянным возглавителем. Кроме центрального церковного служения, евхаристического, постепенно в Церкви появлялись и другие виды служения, например, пророческие, учительские, управленческие «служителей столов» и т. п. Эти новые служители, выявленные и поставленные по свидетельству Церкви, не обязательно были прикреплены к данной общине. Таким образом, единственное и неповторимое служение апостолов, сочетавшее в себе все харизмы, как белый цвет сочетает в себе

все цвета спектра, расщепилось на отдельные служения, которые в ограниченных сочетаниях иногда могли совмещаться в лице одного и того же служителя, например, предстоятельство на литургиях, учительство и управление.

Между ветхозаветной «церковью» и Церковью новозаветной наметились существенные различия. Из двенадцати колен Израиля только одно — левитское — по божественному повелению было предназначено исключительно для храмового служения. Из среды левитов избирался и помазывался первосвященник «по чину Ааронову». Богослужение совершалось в храме, в котором отдельные места были доступны только священству, с исключением из этой привилегии остальной массы верующих.

В новозаветной Церкви единственным Первосвященником «по чину Мельхиседекову» был Иисус Христос, «приносящий и приносимый», служение Которого было заменено только в *топологическом порядке* сперва апостолами, а затем епископами-пресвитерами. Весь народ Божий, включая сюда и предстоятелей (как бы они ни назывались: пресвитерами, епископами, пресвитерами-епископами, пастырями, игуменами, проигуменами), представлял собой «царственное священство», из которого каждый в принципе мог быть призван по воле Божьей к любому служению. Этому «теодемократическому» характеру церковной жизни соответствовали и внешние обстоятельства: св. трапезы совершались по домам, в одной горнице, вокруг одного стола.

Со временем, когда усложнилась жизнь Церкви, изменился и ее строй. Служения стали поручать уже определенным лицам, «непосвященные», миряне, от тайнодействий были отстранены. Таким образом, народ Божий, состоявший *весь* из царственных священников, раскололся на два класса: священство и мирян, причем благодатная сила совершения таинств, а также *право* их

совершения, признавалась только за священством. Рудиментом утерянных прерогатив царственного священства является сохранившийся по сей день закон, разрешающий мирянину в случае крайней необходимости совершать таинство крещения. (О. Николай почему-то не упоминает об этом.) Это право не находит себе логического объяснения в школьном богословии и является живым свидетельством тому, что в первохристианском сознании не было разделения Церкви на благодатных и неблагоприятных членов, и различие служений имело функциональный, а не онтологический характер.

Дифференцировались со временем и функции священства, приняв трехстепенную структуру: епископов, священников и диаконов, причем изначальная идея *поставления* на определенное служение была вытеснена идеей *посвящения*. Как же это случилось?

В поставлении диаконов нет сомнений: об этом рассказывается в Деяниях Апостольских (гл. 6, ст. 1-7). Из этого текста явно следует, что избранные семь человек, «изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости», на которых Апостолы, помолившись, возложили руки, были родоначальниками диаконского чина. Что же касается первых двух степеней священства, то имеются разные теории их возникновения. Школьное богословие, исходя скорее из богословской спекуляции, чем из исторической традиции, утверждает, что апостолы лишь поставили епископов и передали им полноту своей власти, а те уже по собственному почину посвящали пресвитеров, уделяя им только часть своих благодатных даров, так сказать, в порядке предоставления полномочий.

В результате тщательного анализа новозаветных и апостольских текстов, а также начатков первохристианской письменности (среди авторов были такие отцы Церкви, как Игнатий Богоносец, Поликарп Смирнский, Ориген, Ириней Лионский, Иероним и др.), о. Николай Афанасьев приходит к заключению, что утверждения

школьного богословия по этому вопросу исторически не обоснованы. Сопоставляя соответствующие тексты, автор «Церкви Духа Св.» приходит к выводу, что институт епископства в том виде, в каком мы его знаем теперь и *почти* на протяжении всей истории (начиная со второго века), возник лишь в конце I века н. э. Там, где речь идет о поставлении предстоятелей, говорится иногда о «пресвитерах», а иногда о «епископах» — по отношению к тем же самым лицам. Поэтому следовало бы признать, что пресвитеры-епископы были теми лицами, которые поставлялись для предстоятельства, в отличие от остальных пресвитеров, занимавших почетные места на евхаристических собраниях в качестве старейшин.

Отметим, что в то время пресвитеры-епископы *всегда* поставлялись на определенное служение в *данной* церкви, ибо, по свидетельству Игнатия Богоносца, только там епископ, где народ. В связи с этим отметим современную порочную практику поставления некоторых епископов на совершенно номинальные кафедры, встречающуюся во вселенском патриархате, равно как и прискорбный факт сосуществования нескольких православных епископов на одной и той же территории, иногда с тем же самым титулом. Упомянем также об историческом невежестве многих православных христиан нашего времени, считающих, что возобновленная Православной Церковью в Америке традиция выбора народом кандидатов в епископы представляет собой некое новшество.

Итак, возвращаясь к термину «пресвитер-епископ», подчеркнем, что первое слово «пресвитер» отмечало возрастной приоритет предстоятеля, а второй — «епископ» (надзиратель, пастырь) — его вероучительное и управленческое достоинство.

Лишь впервые у Игнатия Богоносца (конец I — начало II вв.) мы находим текст, в котором подчеркивается особенный характер епископа как наместника Христа. Но это акцентирование первосвященнического

епископского достоинства у Игнатия Богоносца еще имеет топологический характер. Со временем, однако, этот текст был использован для учения об особенном иерархическом характере епископского служения. Речь уже шла не об епископах-пресвитерах, а об епископах и пресвитерах. Епископство стало особым иерархическим институтом, сочетающим апостольскую преемственность с властью представителя Иисуса Христа в земном плане, что в свою очередь выразилось в учении об особом онтологическом характере обладателя этого чина. Следующим шагом была замена евхаристического принципа единства местной церкви принципом епископальным.

Интересно отметить, что переход из разряда обыкновенных членов Церкви в разряд особо облагодатствованных монархических управителей церковной паствы (и пресвитеров) поставил епископов *над* народом Божьим: в народном сознании они стали «владыками» и «князьями Церкви». В качестве таковых они (в том же народном сознании, по крайней мере среди обывателей) стали лично ответственными за свои решения и поступки. Вследствие утраты чувства общности, сакральные акты и канонические решения данного архиерея не принимаются часто сознанием рядовых членов Церкви за голос Церкви, а считаются личными актами власти имущего иерарха. Учение о праве «вязать и решать» как о личной прерогативе вызывает иногда искушение у того или иного члена церкви оценивать эти акты с точки зрения личного достоинства или недостойнства данного иерарха. Из этого же в свою очередь выводится право отдельных лиц обсуждать законность или незаконность таких актов, с последующим решением принимать или не принимать их в индивидуальном порядке. Это означает недопустимое распыление церковного сознания и уклонение в протестантизм, считающий Церковь *собранием* верующих, из которых каждый может иметь свое личное мнение по любому вопросу.

«Онтологического» различия внутри епископского института православное богословское учение не создало, хотя и пыталось это сделать. С ростом церковных округов отдельные кафедры начали занимать центральное положение, и в связи с этим некоторые епископы (митрополиты) возымели некую власть над своими епископскими собратьями. Но власть эта имела административный, а не иерархический характер. Чем выше становилось место, занимаемое данным епископом, тем больше появлялось тенденций превратить его в особое служение. Так, Константинопольский епископ, став имперским патриархом, чуть было не был произведен услужливыми богословами того времени в сан апостольского преемника по преимуществу, которому одному была поручена забота о вселенской Церкви, который для удобства управления уделял часть своих прав и власти иным митрополитам и епископам. Коснулось это искушение и российской Церкви: митрополит Московский (а затем и патриарх) стал считать себя не собратом епископов, а их отцом. Некоторые епископы, предназначенные в патриархи, поставлялись особым чином, имели особое облачение, и если бы учение о «кидэмония пандон» получило дальнейшее развитие, оно вылилось бы в институт сверх-епископа или «епископа епископов», как это имело место в римской Церкви.

Результаты исторического анализа, проделанного о. Николаем, кажутся весьма убедительными. Его богословские оценки и мнения, а также некая недосказанность некоторых его выводов, могли бы стать предметом интереснейшей дискуссии. Но так как проблемы взаимоотношения благодати и закона (права), любви и власти в Церкви лишь пунктирно затронуты в последней главе книги и предназначались для исследования во второй предполагаемой части, которая должна была быть посвященной по преимуществу экклезиологии, то и мы не вправе затрагивать эти темы без предварительного ознакомления с материалом. К тому же материал

этот в сокращении может быть доступен читателю по-французски (см. статью о. Николая «Единая Святая»).

Отметим в заключение внешние качества книги. Она издана на хорошей бумаге, четко отпечатана и отлично прокорректирована. Нельзя сказать, что она представляет собой легкое чтение по двум причинам: из-за своей специфики и из-за особенностей стиля о. Николая. При всей четкости своего синтаксиса, о. Николай отличался свойством приходить к заключениям апостериорно, в результате длительного и тщательного анализа. Такой метод вполне обоснован при исторических исследованиях. Его стиль напоминает собой полет орла, парящего над одним объектом, полет по концентрическим кругам, затем устремление вниз, затем новый взлет и снова парение... Именно поэтому, может быть, зоркому глазу автора удалось увидеть те детали первохристианской церковной жизни, которые уже как будто навсегда выпали из поля духовного и интеллектуального зрения многих современников.

Библиография

«ОЖИДАНИЕ» ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО

Благополучное, счастливое детство — это всего лишь тютчевский «тонкий покров», наброшенный на бездну. Глухо, дремотно, еще не достигая порога сознания, пробуждается то, что под этим покровом настороженно застыло, лишь изредка прорываясь наружу: чувство одиночества, покинутости, иррационального страха перед бытием, тайная весть о том, что надежда на счастье и на братство людей не оправдается никогда. И тем не менее только ожидание, пусть даже «безумное» — во всяком случае с точки зрения мудрости жестокого и страшного мира — того, что добро, пусть не так и не в те сроки, как нам того хотелось бы, но победит тьму «низких истин», спасает жизнь от бессмыслицы и отчаяния. В этом ожидании — не «замысел», а сама тема книги Варшавского, и она звучит как тема жизни, подчиняющая себе все литературные «замыслы», не оставляя места для литературных «приемов». Всё, что написано Варшавским, есть «искусство при свете совести», иногда даже — и это я воспринимаю как великую заслугу — совесть торжествует за счет искусства. Многоопытный литератор смог бы без труда книгу Варшавского «подправить», снять то, что ленивому читателю может показаться длиннотами или повторениями, «оживить и заострить». Но делать этого, по моему убеждению, не следует, ибо тогда может исчезнуть не только присущий Варшавскому замедленный ритм, приглушенный, почти сомнамбулический ход повествования, но может исчезнуть и нечто основное и решающее — тот далекий отблеск галилейского света, которым эта книга отмечена, то, что делает ее звеном великой традиции, имя которой — русская литература. Ибо не в литературном блеске и уж, конечно, не в «изяществе» дело.

Писать в наше время научились; теперь отлично пишут даже те, кому нечего сказать. Владимиру Набокову по плечу лю-

Владимир Варшавский. «Ожидание». YMCA Press, Париж 1972 г.

бая тема — его навязчивое всезнайство, его глумливая наблюдательность и словесная изоциренность позволяют ему «показать» что угодно и в конце подвести читателя к разбитому корыту. Я отнюдь не противник творчества Набокова, хотя бы уже потому, что помню его ранние книги, исполненные тайной печали, — написанные тогда, когда он, наверное, и не мечтал о той скандальной славе, которая была ему суждена в последние годы. Пусть те, кто «там», в России, всё еще сочиняют унылые повести и романы и талдычат о «соцреализме», разобьют себе лоб об язвительную музу Набокова, о его мастерство. Но нет нужды перечитывать «Смерть Ивана Ильича» или «Матрёнин двор» Солженицына, чтобы почувствовать, что Набоков последних лет стоит вне традиции русской литературы, а что Варшавский принадлежит ей до конца. Он принадлежит ей уже потому, что, даже сомневаясь порой если не в Боге, то в истинности человеческих высказываний о Нем, не перестает молчаливо о Нем свидетельствовать. Этим «главным темам» — Бога, правды, братства людей он остается верен в течение всего своего пути: об этом думает, этим живет на страницах автобиографической повести и пражский школьник, и парижский студент-эмигрант, и французский военнопленный в лагерях гитлеровской Германии, и печальный служащий некоего нью-йоркского сверхучреждения. Фон повествования — улицы Праги и Парижа, плоские поля Померании, где собирают картошку военнопленные, серые громады нью-йоркских небоскребов — это всего лишь звучащий в отдалении хор, роль которого в том, чтобы оттенить то, чем живет душа — одинокая и бессмертная.

Покойный Г. В. Адамович в своей последней книге «Комментарии» называет «неповторимым несчастьем» то, что Достоевский не дожил до наших дней. «Никто в мире, — пишет Адамович, — не в состоянии теперь сказать то, что сказал бы он — о человеке, об одиночестве, о потере всех прав и всех основ, о нищете, и не только нищете материальной, а об исчезновении всяких обязательств, о горестном счастье, с этим связанным, о грубости и безразличии окружающего, о тупой жестокости истории...»

Разумеется, Варшавскому чужда даже тень попытки «писать под Достоевского», но элементы того, о чем пишет Адамович, вошли, не могли не войти, в его книгу. «Парижские» страницы Варшавского кажутся мне лучшими в его книге — думаю, что это ощутят и те, кто никогда не был русским эмигрантом в Париже. Но только тот, кто это пережил, не только ощутит, но и поймет до конца то, о чем пишет Варшавский, — это отрешенное, беспаспортное, безденежное, почти невесомое существование в огромном, великолепном и страшном городе, всю тоску и печаль парижских предместий под сеткой дождя, промозглым вечером в декабре. Об этом писал рано умерший эмигрантский поэт Борис Поплавский, которого Варшавский знал и которого он вывел в романе под фамилией Глебова: «Есть ли елки в аду? Как справляют в тюрьме Рождество? / На брошенной кем-то газете / Нарисована елка / Как странно смотреть на нее...» Эти парижские вечера, когда за окнами загораются огни чужого уюта, когда злые консьержки подсчитывают дневную выручку и косятся на прохожих, а над кирпичной мэрией обвис тяжелый от сырости трехцветный флаг и насмешкой звучат написанные на фронтоне слова о свободе, равенстве и братстве... Нужен великий, почти фанатический подвиг, чтобы, придя в кафе, в кругу таких же бездомных эмигрантов, как ты сам, отягощенных тем же печальным опытом, не только говорить, но и твердо верить — в Россию, в человечность, в истинность демократического идеала. А когда двинулись на Францию гитлеровские моторизованные части, эти «неподобные» молодые люди, сидевшие в кафе и писавшие стихи, первыми пошли на фронт, а в тылу остались насмехавшиеся над ними «реальные политики» и ловкие обыватели.

Короткая вспышка человеческого, а не эмигрантского существования — фронт. Франция 1940 года. «Смехотворная война», непоколебимая уверенность, что гитлеровцы никогда не прорвут «линию Мажино», напыщенные профессионалы-военные, живущие памятью о победе в Первую мировую войну, и одетое в разноцветные шинели стадо усталых и равнодушных людей, изверившихся во всех лозунгах и заведомо не способных, даже технически, противостоять железному немецкому

кулаку. После короткого боевого счастья, после опьянения звуками боя — осажденная крепость, вынужденная капитуляция, плен...

Прекрасны страницы в книге Варшавского, где он исподволь свидетельствует о присущей ему вере в человеческое братство. Советская литература послевоенных лет изобилует описанием немецкой военщины — офицеров, солдат, «вахманов» и «полицаев». Все они показаны как отличные винтики страшной машины уничтожения и гнета, и если им присуще хоть какое-то индивидуальное лицо, то они неизменно обнаруживают лишь те качества, которые помогли Гитлеру эту страшную машину создать. «Цивильный вахман» Вицке, выведенный Варшавским, — усталый и больной человек, осуждающий всякое насилие и готовый, несмотря на запреты, поделиться с военнопленными своим скудным хлебным пайком, — такой образ был бы просто немыслим в советской литературе, и как он естественен у Варшавского! Его взгляд, настойчиво ищущий человечности, не мог не заметить Вицке; образ Вицке должен был остаться в его памяти как лишний аргумент в пользу того, что в ожесточенном мире остаются проблески света. Этот голос совести, ставший творческим методом, определяет собой и ту часть книги Варшавского, в которой он повествует о своей встрече с офицерами и бойцами Красной армии, освободившей его и его товарищей из плена. Его отношение к этим людям не может не двоиться — победители Гитлера верно служат другой, не менее жестокой диктатуре. Готовый полюбить каждого из этих людей в отдельности, восхищаясь их боевым подвижничеством и готовностью переносить любые лишения, Варшавский чувствует ту страшную, до конца бесчеловечную систему, которая повелевает этими людьми, и отрицание этой системы сильнее всех других чувств. Лучше эмиграция, лучше и в будущем бездомность и одиночество, чем внутренняя капитуляция перед этим организованным и страшным злом, перед елочными игрушками, повешенными на проволоку концлагеря... «Мое единое отечество — моя свободная душа...».

Непосредственное ощущение зла жизни, горя жизни у Варшавского сильнее, чем любая философская рефлексия — к ней

Варшавский относится недоверчиво, как бы подозревая ее в некоем метафизическом лукавстве. Но сам стиль его восприятия жизни, так ясно отразившийся во всем написанном им, есть свидетельство философского или, точнее, мировоззренческого порядка. Зерно добра живо. Стóбит жить, стóбит писать для того, чтобы свидетельствовать об его тайном прорастании.

Прот. К. Фотиев

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЦАРСТВА ЛЖИ

Опубликованная в издательстве «Посев» книга Романа Редлиха «Сталинщина как духовный феномен», по моему мнению, сама по себе — духовный феномен огромного значения, и отсутствие на нее многочисленных откликов и комментариев, которых нужно было бы ожидать не только в русской свободной прессе, — для меня загадочно. Вряд ли это можно объяснить только тем, что книга уже издавалась небольшим тиражом в 1949–1952 годах.

Ведь именно теперь — после прочтения Солженицына и Синявского, Гроссмана и Надежды Мандельштам, Амальрика и Померанца — можно понять всю глубину этого замечательного анализа духовных основ и всего сложного механизма советского общества. Поразительно то, что книга, являющаяся своего рода научно-теоретическим комментарием к произведениям упомянутых русских авторов, написана задолго до появления этих произведений, эмпирически подтверждающих правильность методологических посылок автора книги «Сталинщина как духовный феномен».

На Западе, конечно, многие ее не поймут, или не захотят понять, по тем же причинам, по которым в Советском Союзе многие и многие предпочитают не познавать до конца истинную

Роман Редлих. Сталинщина как духовный феномен. (Очерки большевизмоведения. Книга I). Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1971.

природу коммунистической власти. Не из страха перед «органами», а из страха перед тем путем, на который выводит такое познание. И всё же потенциальные читатели «Сталинщины» находятся на Востоке, и у меня нет никакого сомнения в том, что эта книга будет до конца оценена и понята именно там. Лучшей и более серьезной теоретической книги о советском обществе и вообще о коммунизме во всех его формах я не знаю, и я глубоко уверен в том, что эта книга со временем станет необходимым учебным пособием для всех желающих понять, что, как и почему происходит в тех частях нашей планеты, где в руках коммунистической партии сосредоточена монополярная власть.

Уже Бердяев в своей статье «Духи русской революции» писал, что «...они (большевики. — М. М.) оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России». И вот самая ценная и оригинальная, фундаментальная идея Редлиха заключается не только в указании на то, что различие между миром советской действительности и тем, как его официально описывают коммунисты, является необходимой методологической предпосылкой всякого изучения советского общества, но то, что анализ взаимоотношения действительности и официальных фикций дает ключ к пониманию механизма власти КПСС во всех сферах духовной жизни советского общества. Анализ этого механизма власти, а также отношения этой власти к ценностям, которым они служат, и составляет основное содержание книги. Новые же термины, которые Редлих вводит в социологическую науку, занимающуюся исследованием, несомненно, своеобразной и качественно новой исторической среды, каковой является советское общество («активная несвобода», «фикционализм», «экзотерическое и эзотерическое содержание коммунизма», «сознательность» и прочее), в будущем станут незаменимы во всякой серьезной научной работе о тоталитарных обществах коммунистического типа.

Утверждение, что коммунизм — это псевдорелигия, не ново; также не ново осознание того, что идея «царства свободы и справедливости» является только средством для утверждения

коммунистической монополии; говоря словами Орвелла, «не диктатура вводится для защиты революции, а революция совершается для того, чтобы ввести диктатуру» (роман «1984»). Новое в книге Редлиха — это показ того, что, во-первых, внутреннее, эзотерическое содержание коммунизма *теоретически невыразимо*, оно есть *воля к власти как таковая* (что еще не осознавалось первым поколением большевиков), и поэтому необходимо нуждается в мифах и фикциях; во-вторых, эти мифы и фикции сами по себе являются орудием властвования даже тогда, когда подвластные перестают в них верить.

Воля к тотальной власти над миром всегда предполагает существование только и исключительно этого видимого мира, поэтому, при всём мифотворчестве о будущем коммунизме и «царстве свободы», коммунизм не становится религией, а всегда остается псевдорелигиозным, или, как говорил Бердяев, лжерелигиозным. В этом и есть корень необходимой двойственности и лжи коммунизма.

Так как воля к абсолютной власти является основным внутренним двигателем коммунизма, а власть над духовным миром невозможна, то коммунизм напрягает все усилия к тому, чтобы уничтожить духовную жизнь, подменить ее фикциями, которые ему подвластны и которые сами служат орудием порабощения. Так, например, история подменяется фиктивной историей. Истинная история этим путем, конечно, не упраздняется, ибо человек не властен над происшедшим, но фиктивная история отлично служит делу духовного порабощения. Так во всех сферах духовной жизни все силы коммунистического фикционализма направлены не на то, чтобы заставить людей думать по-коммунистически, а на то, чтобы заставить *вообще не думать*. Если все рабские общества в истории ограничивали свободу людей, то советское общество — первое в истории, к которому необходимо применить термин Редлиха «активная несвобода», ибо это общество требует не только повиновения, но и активного участия во лжи и фикционализме со стороны своих подневольных граждан. «Активная несвобода», пишет Редлих, это «такое состояние, при котором мысли, желания и чувства человека перестают играть какую бы то ни было роль в его поведении».

Вся система духовного фикционализма ярко сказывается на русском языке. «Обвинять сталинизм в том, что он засорил или изуродовал русский язык, — говорит Редлих, — то же, что плакать по прекрасным волосам срубленной головы. Сталинизм не уродует и не засоряет язык — он его *губит*... В семантической структуре созданных или (что чаще) переосмысленных слов появляется совершенно новая функция, отсутствующая в словах небольшевистских. Назовем эту функцию фикционалистической». Задача такого умерщвления языка такая же, как и задача положительных и отрицательных мифов и фикций, она состоит в «опустошении понятий, означающих противоречащие идее активной несвободы положительные идеалы, превращении таких понятий, как свобода, счастье, гуманность, демократия, в понятия фиктивные. Ибо таким образом ликвидируется самая возможность называть происходящее в СССР своими именами».

Глава книги о психологии подсоветского человека, о его двойственности и «тайном ярусе сознания» несомненно вызовет к жизни целую новую область психологии: психологию человека тоталитарного общества, имеющую очень мало общего с психоанализом Фрейда, Адлера, Юнга. Замечательным прозрением является показ в книге того, что скептицизм в советском человеке это — переодетая вера, а цинизм — переодетая совесть. И хотя Редлих пишет, что вся история советской власти это — история борьбы народа с партией, тем не менее он отдает себе отчет в том, что большевизм перекликается с исконной русской идеей «служения» надличному, и что именно поэтому болезнь коммунистического тоталитаризма в России настолько трагична и длительна.

Только глубокая любовь к России, а поэтому и ненависть к коммунизму, дали автору книги духовное зрение и в то же время предельный реализм и научную объективность, заставляющие Редлиха признать, что освобождение от болезни тоталитаризма не может произойти в поверхностной политической плоскости, что оно, это освобождение, не только внешне, социально, но, наоборот, требует внутреннего подвига и поправления страха, живущего в душе каждого советского человека и сознательно насаждаемого властью. Для всех нас, верящих в бу-

БИБЛИОГРАФИЯ

душую победу над злом тоталитарного порабощения, аксиомой должны стать следующие слова книги «Сталинщина как духовный феномен»:

«Тайный ярус души советского человека — резервуар скрытых сил огромного напряжения. Развязать эти силы — значит нанести сталинизму смертельный удар. Но силы эти по существу своему не разрушительны, а созидательны. Эту особенность современной русской души необходимо учесть всякому стороннику свободы. Развязать эти силы — значит освободить тем самым величайшие творческие возможности, создать условия для раскрытия новой душевно-духовной структуры человеческой личности. Освобождение от ига активной несвободы есть освобождение не ветхого человека отживающей эры, а человека нового, человека, прошедшего через духовно трагическое испытание сталинщиной и выдержавшего это страшнейшее из испытаний».

Вот почему большой интерес вызывает второй том книги, долженствующий проанализировать советское общество после смерти Сталина, когда «сталинщина» претерпела некоторые изменения, но духовно осталась тем же самым царством лжи, механизм которого так обоснованно и глубоко показал в своей книге Редлих.

Белград, 1972

Михаил Михайлов

«ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

Памяти Б. Б. Мартино (1917 - 1962) —
друга и «ильфопетрововеда».

Два года назад одна западная киностудия выпустила на экраны роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» в весьма вольной интерпретации. Осенью 1972 года плакат о советской постановке на Западе гласил: «Ответ страны, отвергшей недостоверную версию».

Режиссер Леонид Гайдай и ЭТО (Экспериментальное Творческое Объединение) действительно стараются быть достовер-

ными. Правда, свой первоначальный капитал по прибытии в Старгород Остап Бендер приобретает не от продажи астролябии, а от «щедрот» напуганного обмерами витрины лавочника, однако вариант этот строго выдержан в стиле великого комбинатора. В дальнейшем же фильм почти буквально следует фабуле романа, включая как главнейшие изречения Бендера, так и основные эпизоды его похождения.

Авторам удалось создать много ярких образов, начиная с нэповских афиш гробовых дел мастера Безенчука и кончая великолепно сценой безумия отца Федора, когда ему на скале снится царица Тамара с ангелочками, оказавшимися санитарами прибывшей его спасать пожарной команды. Хорошо сделана сцена «конгениального» знакомства Остапа с Кисой, включая бритье головы и прочее; неплохо нарисована вдова Грицацуева, с «буграми Венеры, походившими на маньчжурские сопки», ее сияющий чертог и бегство от нее через окно. Первомайский митинг в Старгороде, конечно, опущен, чтобы не компрометировать партию, но подпольное собрание «Союза меча и орала» состоялось, хотя и в стилизованной форме (возможно, чтобы незадачливый зритель не принял это всерьез). Совершенно очаровательна Эллочка Щукина (в исполнении Наталии Воробьевой), и, вполне естественно, наибольшую бурю смеха вызывает инженер Щукин: как известно, благодаря испортившемуся душу и захлопнувшейся двери он, «абсолютно голый и покрытый шевелящейся еще мыльной пеной», оказался на лестничной площадке девятого этажа. «Прикрывшись рукой так, как это делают мужчины, входя в воду», он пребывал в катастрофическом положении до тех пор, пока его не выручил Остап, остановивший заодно начавшееся было в квартире наводнение. Сатирически остро, хотя и не столь понятно для западного зрителя, показаны хождения по редакциям поэта Ляпис-Трубецкого («Гаврила был неверным мужем / Гаврила женам изменял; Гаврила был примерным мужем / Гаврила женам верен был»). Игра Сергея Филиппова в роли Кисы Воробьянинова от начала до конца убедительна и поистине блестяща. Хороши пьяницы — дворник и монтер Мечников.

И всё же, несмотря на моменты подлинного юмора и талан-

та, картина в целом производит несколько унылое впечатление. Фильм длится 2 часа и 40 минут, и хотя во время шествия Остапа и Кисы в Пятигорск зрителя обнадеживают, что до финала осталось всего лишь 17 минут и 20 секунд, такая дистанция зрителю уже в тягость. Не обязательно каждый эпизод так детально разжевывать, фильм может оставаться достоверным и без дословного пересказа. И не обязательно запихивать в один фильм все достижения кинематографии. Бесконечная беготня Остапа и вдовы Грицацовой по лестницам Дома Народов, их погоня друг за другом на эскалаторе в духе западного гротеска — излишни. Излишня и мультипликация, следующая за ненужной речью Остапа о межпланетном шахматном конгрессе в Васюках. Из-за этой неспособности к художественному самоограничению фильм порой производит впечатление незрелости; это впечатление усиливается моментами технической беспомощности: к примеру, царица Тамара пролетает над Казбеком, явно подвешенная на проволочках (ну, выписали бы специалиста по трюкам из Голливуда!). Еще неприятней эмоциональный примитивизм, проскальзывающий в издевке над грузинским акцентом в эпизоде с расклейщиком афиш (а кое-кому казалось, что великорусский шовинизм в Содружестве Народов изжит...). Ходульная театральность, свойственная дикции многих артистов на советской сцене, то и дело проскальзывает в речи не только диктора, но и Арчила Гомиашвили, играющего роль Бендера. Бывают минуты, когда артист непосредственен, как Остап, но слишком часто он просто декламирует Ильфа и Петрова.

Прежде чем заняться разбором других недостатков фильма, следует сделать небольшое отступление. В подлинно литературных кругах нашего общества к Ильфу и Петрову принято относиться недоброжелательно как к пособникам власти, весьма тонко исполнявшим социальный заказ. Куда легче, например, оправдать репрессии против духовенства, если всё оно такое, как отец Федор. (В скобках заметим, что отца Федора фильм несколько выгораживает: он не нарушает тайну исповеди, как в книге, а всего лишь подслушивает за дверью чужой разговор; то ли во избежание кощунства, то ли во избежание религиозной пропаганды, ему «разрешают» петь не «Достойно есть», как

в романе, а «Вечерний звон»; и матушка выведена в фильме с симпатией).

За границей мы узнали о нерукопожатности Ильфа и Петрова сравнительно недавно, из рассказов Аркадия Белинкова, из книги Надежды Мандельштам. Молодежь зарубежной российской оппозиции Ильфом и Петровым увлекалась в течение всех 30-х, 40-х и 50-х годов, заучивала любимые отрывки наизусть и создавала официальные клубы «ильфопетрововедов». Откуда такое противоречие?

Суть в том, что творчество Ильфа и Петрова двойственно и обоюдоостро, как бритва «Жиллет», которой недаром пользовался Остап. Наряду с откровенно пошлым выполнением социального заказа (как, например, «мотив» построенного на бриллианты Кисиной тещи клуба железнодорожников, что мы «пропускали» как деталь, как временную дань времени) они смеются не только над тем прошлым, о котором ни «мы», ни «они» не жалели, не только над тем настоящим, которое породил режим и хотел бы искоренить («застенчивые ворюги» и «жертвы аборта»), но, что самое главное, с несоцреалистической смелостью говорят о вещах человеческих: «советская власть хочет строить социализм, а я социализма строить не желаю».

Именно из-за этой двойственности Ильфа и Петрова так долго не издавали при Сталине, именно из-за нее в предисловии к их первому относительно полному собранию сочинений в 1961 году небезызвестный Заславский должен был изощряться на 18 страницах, доказывая, что они не просто современники великой эпохи, но активные участники социалистического строительства. Остап гибнет в отрыве от масс — вот к чему сводится критика Заславского. Почему этот герой, вроде бы жулик, с равным цинизмом относящийся к «опиуму для народа» и к «историческому материализму» (что в фильме хорошо показано), остается в памяти читателя и зрителя именно положительным героем — может быть, единственным живым положительным героем советской литературы — этого ни Заславский, ни стоящая на противоположных позициях Надежда Мандельштам объяснить не могут.

Двойственность Ильфа и Петрова накладывает свой отпе-

чаток и на фильм. Всё же Эллочка Щукина куда привлекательней идейной комсомолки в группе, осматривающей клуб железнодорожников, а натянутая издевка Ильфа и Петрова над современными примитивами, разыгрываемыми в театре Колумба, дает постановщикам возможность чуть-чуть пофлиртовать с «растленным» западным искусством...

В фильме указанная двойственность проступает — случайно или намеренно — и во времени. Фильм начинается совершенно очевидно в эпоху НЭПа. Свиньи, бродящие по немощёным улицам Старгорода, вывески, извозчики, лошади вперемежку с модными автомобилями на улицах Москвы — всё это, конечно, приметы времени. Но чувство эпохи то и дело теряется, и фильм постоянно соскальзывает в современность.

С подлинным верно показан матрас в красную полосочку, но где примусы соседей? Как можно говорить о двадцатых годах без примуса и керосина? И Грицацуева, и комсомолки в клубе железнодорожников одеты так, как одеваются в Советском Союзе сейчас, — ни малейшей тени 20-х годов. Платье и прическа Лизы явно принадлежат девице наших дней, хотя в ресторане, где ее, мечтающую о мясе, так скупно угощает Киса, оркестр — вневременен. Любовница Ляписа — пародия на «серебряный век» — опять же не двадцатые годы. Внешность Элочки — это внешность модницы наших дней с легким налетом двадцатых годов. «Харперс базар» у нее на кровати — 1927-го года, но вот ее туфельки, например: таких тогда просто не было, это уже 1940-й год... Уж не говоря про платье конца 1960-х годов и про брови, которые в те годы подводили совсем по-иному. Не будем гадать о причинах таких сдвигов времени, факт остается фактом, что грань между прошлым и настоящим в фильме стерта, что 1927 год «путается» с 1972.

«История есть политика, опрокинутая в прошлое», — писал Покровский. А может быть, политика есть история, опрокинутая в настоящее? Чтобы, не дай Бог, такого не подумали, постановщики пристегнули к фильму (после вопля Кисы над пустым двенадцатым стулом) концовку с проспектом Калинина, зданием СЭВа, кинотеатром «Россия» и прочей архитектурой последних лет. Цель, по-видимому, развеять возможную ностальгию по

НЭПовским временам и показать, как далеко шагнула Россия за 45 лет. Беда лишь в том, что демонстрируемая в фильме «под занавес» архитектура — не потомок наших загубленных ярких 20-х годов, а копия с обложек зарубежных журналов, только куда бледнее... От двойственности никуда не уйти...

В ненужном апофеозе во весь экран появляется современный «мультипликационный» Остап Бендер, приветствуемый толпами сегодняшней советской молодежи. Один лишь карикатурный (со страниц журнала «Крокодил») американец, с бутылкой виски и девочкой, отворачивается от него со скукой. И правда, почему эти люди не могут жить нормально, как все, а путаются уже столетия в трех соснах? К чему портить себе жизнь каким-то социализмом?

«В мире бесчеловечного замысла началось восстание человека», писал в «Посеве» лет двадцать назад Е. Романов. С поправкой на время Остап Бендер остается символом восстания человека, символом жажды свежего ветра жизни. Фильм Леонида Гайдая — бесспорный шаг вперед. Грустно лишь от сознания того, какой это еще маленький шаг, затрудненный полу-столетним наследством, и как далеко еще осталось идти... значительно дальше, чем Кисе и Осе до Пятигорска. Грустно и потому, что не будь халтурной постановки на Западе, не увидели бы мы Остапа на экране, возможно, еще много лет.

Б. Сергеев

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» — НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Достоевского во Франции уже давно знают и любят. Влияние русского писателя на французскую литературу XX века хорошо известно (достаточно вспомнить таких писателей, как А. Жид, Камю или Мориак), но всё же по сей день для француза Достоевский гораздо более исследователь глубин души че-

Dostoievski, Journal d'un écrivain. Textes traduits, présentés et annotés par Gustave Aucouturier. Gallimard, Paris, 1972.

БИБЛИОГРАФИЯ

ловческой, чем публицист — идеолог, политик, общественный деятель.

Благодаря стараниям Г. Окутюрье теперь и эта сторона жизни и творчества писателя станет легко доступной французскому читателю: впервые издан полностью на французском языке «Дневник писателя» за 1873, 1876, 1877, 1880 и 1881 годы, причем опубликован он весь в одном томе замечательной серии «Библиотека Плеяды», достоинства которой уже три десятилетия пользуются широким признанием во Франции и за рубежом.

Предисловие Г. Окутюрье в основном обстоятельно и верно представляет Достоевского-публициста и дает нужные сведения о его творчестве в семидесятые годы. Кое с чем всё же согласиться трудно, — например, с характеристикой романа «Бесы» как «памфлета, умышленного памфлета, с начала до конца» (стр. IX). Но таких просчетов мало. Так, Г. Окутюрье совершенно справедливо настаивает на том, что благодаря опыту, приобретенному за границей, Достоевский смог сформулировать свою подсознательную мысль о том, что «национальность — это религия» и что «тот, кто потерял одно из этих начал, теряет и другое» (стр. XIII). Он показывает, что, по Достоевскому, отрицательное влияние Запада на Россию объясняется прежде всего тем, что это влияние не ограничилось сферой науки и техники, но вытеснило Христа из сознания людей, не способных противопоставить западным идеям свои собственные (там же).

В книге правильно показана и объяснена парадоксальнейшая из идей писателя — идея внутреннего родства католицизма и социализма (стр. XV).

Г. Окутюрье никогда не забывает о том, что несмотря на свои политические взгляды, порой сугубо реакционные, с оттенком квасного патриотизма, Достоевский-публицист «прочно доверял народу, доверял его моральному и религиозному чувству, верил в то, что, наконец, дождавшись свободы, он пойдет против течения и в конце концов спасет Россию от стольких бед» (стр. XIX). У Достоевского вере в народ сопутствовала вера в молодежь (с которой он почти во всем расходился): так, в 1878

году, в письме к студентам он хвалит искренность и чистоту молодежи и одобряет ее отношение к обществу, проникнутому ложью (стр. XXVIII).

Заключая свое предисловие, Г. Окутюрье замечает, что «Дневник писателя» — диалог с толпой собеседников, которые в общей сложности и каждый в отдельности — немного «он сам» (стр. XXX).

О переводе хотелось бы сказать лишь то, что он гладкий и точный. Пожалуй, всё же он немного *слишком гладкий*, слишком «культурно французский» и иногда мало соответствует нарочито шершавому непричесанному стилю Достоевского.

Д. Руднев

СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ

Вольное слово. Самиздат. Избранное. Документальная серия, выпуск 3. Хроника текущих событий. Выпуск 23. Суд над Владимиром Буковским. Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972. Стр. 144.

То же. Документальная серия, выпуск 4. Хроника текущих событий. Выпуск 24 и выпуск 25. Стр. 123.

То же. Документальная серия, выпуск 5. Хроника текущих событий. Выпуск 26. Сеятель № 1 и Сеятель № 2. Стр. 128.

Документы комитета прав человека. Proceedings of the Moscow Human Rights Committee. November, 1970 — December 1971. With an Introduction by John Carey. Chairman, The International League for the Rights of Man. New York, 1972. Стр. 252. (Русский текст). С приложением брошюры «Всеобщая декларация прав человека» — Бюро Организации Объединенных Наций. Стр. 10.

Каратеев, М. По следам конквистадоров. История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. Буэнос Айрес, 1972. Стр. 248.

Надеждина, Ляля. Друзьям (стихи). Афины, 1971. Стр. 31. (Ротаторное издание автора).

Перелешин, Валерий. Заповедник. Седьмая книга сти-

БИБЛИОГРАФИЯ

хотворений. Издание автора. Франкфурт-на-Майне, 1972. Стр. 80.

Платонов, Андрей. Чевенгур. Предисловие Михаила Геллера. УМСА-PRESS, Париж, 1972. Стр. 375.

Посев. Сборник статей за 1971 г. (Карманный формат). Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972. Стр. 317.

Ржевский, Л. Творец и подвиг. Очерки по творчеству Александра Солженицына. Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972. Стр. 168.

Сборник «Христианство, атеизм и современность»: Бердяев, Н. Марксизм и религия. Ильин, В. Материализм и материя. Франк, С. Материализм как мировоззрение. УМСА-PRESS, Париж, 1969. Стр. 176.

Стругацкие, Аркадий и Борис. Гадкие лебеди. Повесть. Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1972. Стр. 267.

Erhard, Ludwig und Müller-Armack, A. Soziale Marktwirtschaft. Ordnung der Zukunft. Manifest '72. Ullstein Buch Nr 3647, 1972. Frankfurt/M. — Berlin — Wien. SS. 419.

Erickson, John. Zum Frühstück in München. Möglichkeit und Absicht der sowjetischen Militärpolitik. Edition Sven Frik Bergh im Econ-Verlag, Düsseldorf — Wien. Originaltitel — Soviet Military Power, London. Aus dem Englischen von Schmidt-Brentano, Antonio. SS. 285.

Gösta, Ehrensverd. Das Ende des technischen Zeitalters. Nach uns die Steinzeit. Hallwag AG, Bern, 1972. SS. 160.

Grossman, Wassilij. Alles fließt... Aus dem Russischen von Nikolai Artemoff. Literarische Beratung und Redaktion: Ludwig Homann. Possev-Verlag, Frankfurt/M., 1972. SS. 248.

Hamm, Harry. China öffnet seine Tore. Ein Wiedersehen mit dem Reich der 700 Millionen. Econ-Verlag, Düsseldorf — Wien, 1972. SS. 224.

Kahn, Hermann. Unter Mitarbeit von B. Bruce-Briggs. Angriff auf die Zukunft. Die 70er und 80er Jahre: So werden wir leben. (Originaltitel: Things to come. Hudson-Institut, New York). Aus dem Amerikanischen von Helmut Baumgartner und Helge Gasthuber. Verlag Fritz Molden. Wien-München-Zürich, 1972. SS. 400.

K r a n, Karl. Rote Hoffnung — Grauer Alltag. Sowjetische Wirklichkeit heute. Brechtle Verlag, Esslingen, 1972. SS. 348.

K u u s i n e n, Aino. Der Gott stürzt seine Engel. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang L e o n h a r d. Verlag Fritz Molden, Wien — München — Zürich. SS. 352.

M a r f e l d, A. F. Zukunft im Meer. Bericht-Dokumentation-Interpretation zur gesamten Ozeanologie und Meerestechnik. Safari-Verlag, Berlin, 1972. SS. 548.

S c h ä f e r, Manfred. Marktwirtschaft für morgen. Wohlstand als Aufgabe. Seewald Verlag, Stuttgart, 1972. SS. 135.

Z i e s e l, Kurt. Schwarz und weiss in Afrika. J. F. Lehmanns Verlag, München, 1973. SS. 144 mit 23 Abbildungen.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

в № 85 журнала

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
195	10 снизу	так называемое решение	так называемый раствор
223	1-2 снизу	«...активным борцом за права евреев в СССР» — ошибочно указан С. П. Маркиш. В действительности таковым является его младший брат Давид Маркиш, недавно выехавший с матерью в Израиль.	
232	13 снизу	палехско-холопская	палехско- холуйская

Редактирует Редакционная Коллегия

Главный редактор **Н. Б. Тарасова**

Ответственный секретарь **Г. Т. Нашиваненко**

Адрес редакции журнала «Грани»:

**Grani c/o Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M., Sossenheim,
Flurscheideweg 15**

Druck: Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

ПОСЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

И

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

САМИЗДАТ. ИЗБРАННОЕ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СЕРИЯ

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 60 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 30 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 33 ам. дол.

«Посев»: в Европе — 40 н. м., в США и Канаде — 21 ам. дол.

Журналистическая подписка на «Посев» и 6 брошюр «Вольного слова», предоставляющая право использовать весь материал, не снабженный «copyright», без предварительного согласования: в Европе — 240 н. м., в остальном мире (с индивидуальной доставкой воздушной почтой) — 270 н. м. (90 ам. дол.).

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ МАГАЗИНЫ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

«Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 72 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 34 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 37 ам. дол.

«Посев»: в Европе — 48 н. м., в США и Канаде — 24 ам. дол.; в Австралии — 18.30 ав. дол. (воздухом).

Стоимость подписки в неевропейских странах, кроме США, Канады и Австралии, простой почтой — та же, что и в Европе; авиапочтой — с доплатой за пересылку.

Стоимость в розничной продаже: 4 н. м. — или эквивалент 4. н. м. — для Европы и неевропейских стран; для Израиля — 3. 50 изр. фунта; для США и Канады — 1.75 дол.; для Австралии — 1.60 ав. дол.

VERLAG — POSSEV — REDAKTION

D - 6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15

Telefon: 34 12 65. Postscheckkonto 33461 Frankfurt/M.

Bank: Nassauische Sparkasse 161 001 163 Frankfurt/M.

Telegramme: Posseverlag Frankfurtmain

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»
К ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНЧЕСТВУ,
К ПИСАТЕЛЯМ, ПОЭТАМ,
ЛИТЕРАТУРНЫМ КРИТИКАМ,
К ДЕЯТЕЛЯМ ИСКУССТВА, НАУКИ И ТЕХНИКИ
— КО ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Русское издательство «Посев», находящееся в настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, предоставляет Вам возможность публиковать те Ваши произведения, которые по условиям цензуры не могут быть изданы на Родине.

Эти произведения могут быть напечатаны в журнале «Грани», в ежемесячнике «Посев» или изданы отдельными книгами. Возможна также публикация этих произведений на иностранных языках.

Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом. В последнем случае издательство принимает необходимые меры для того, чтобы исключить возможность установления личности автора, и гарантирует, что оригинал рукописи не попадет в чужие руки.

Рукописи, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора, — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому наше издательство считает прямым своим долгом способствовать публикации таких рукописей, поскольку новая российская литература лишена политической цензурой права голоса у себя в стране. При этом мы, естественно, не пытаемся заручиться формальным разрешением автора на такие публикации.

Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в «Посеве» ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить.

Пересылать рукописи в издательство «Посев» можно как через своих граждан, едущих за границу в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР.

Приехавший за границу может сдать пакет с рукописью на почту, а в случае необходимости — опустить в почтовый ящик и без марок. На пакете с рукописью необходимо указать следующий адрес:

P o s s e v - Verlag,
623 Frankfurt am Main, 80, Flurscheideweg 15.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

На российскую интеллигенцию, в особенности на молодежь, возлагается историей ответственная задача — в свободном творчестве правдиво изображать жизнь и стремления нашего народа, воспроизводить его духовный облик. За свободное творчество! За свободную Россию!

С дружеским приветом

ИЗДАТЕЛЬСТВО «П О С Е В»

Содержание номеров журнала «Г р а н и» помещено:

с № 1 по № 58 в № 59

с № 52 по № 74 в № 74

с № 75 по № 78 в № 78

Новый каталог вышедших номеров высылается бесплатно
по требованию.

В. Максимов

История жизни большой рабочей семьи Лашковых в период от революции 1917 г. и до наших дней — художественно достоверное отражение будней трудовой России, простых русских людей, задавленных и обманутых властью и с мучительным недоумением задающих себе вопрос: «Что же случилось с нами? Что?»

Роман проникнут болью за людей, искалеченных режимом, и верой в могучие жизненные силы русского народа, в его будущее.

Книга большого формата, 512 стр., твердый переплет с золотым тиснением. Суперобложка работы художника Н. И. Николенко.

Цена 28.80 н. м.

В США и Канаде — 9.60 ам. дол.

Сергей Ленский ПЕСНИ УХОДЯЩИХ

Эту книгу можно получить, выслав в заказном письме чек на 5,5 ам. дол. по адресу автора:

S. Lenskij, Gas. 16 273, Correo 9, Providencia, Santiago. Chile,
или по адресу издательства «Посев»

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Стоимость подписки на 4 номера (включая пересылку)

**в Германии и во всех других странах,
кроме США и Канады:**

При подписке непосредственно из издательства — 30,— н. м.

**При подписке через представителей
и книжные магазины — 36,— н. м.**

**Цена в розничной продаже — 9,— н. м.
(или эквивалент 9,— н. м.).**

В США и Канаде:

**При подписке непосредственно из издательства
— 10,— ам. дол. При подписке через представителей
и книжные магазины — 12,— ам. дол.**

Цена в розничной продаже — 3,— ам. дол.

**Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу**

POSSEV-VERLAG

D-623 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

**или же банковским переводом на
Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frankfurt/M.**

**Из Германии удобнее переводить деньги на
Konto 334 61, Postscheckamt Frankfurt/Main.**